

ОЧЕРКИ
ФИНЛЯНДИИ
ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДИИ

ОДЕБЯН ФОНД ПЪРВО

BIBLIOTECA
UNIV. HELS.

ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДИИ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

А. МИЛЮКОВЪ
А. МИЛЮКОВА

A. Miljukov

1851 — 1852 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1856

ОДЕРЖАНИЕ

И Д Е Р В Е Н Н Ф

ПЛАТЫ ВЪ ЗНАМЕНАХЪ

Изъ Морскаго Сборника, 1856 г.

А. МАНУСКО

1851 — 1852 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1850

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ПОЪЗДКА.

	<i>Стр.</i>
I. Шлиссельбургъ.....	1
II. Коневецъ и Валаамъ.....	16
III. Сердоболь. — Пугойсь.....	27
IV. Свиной-Хребетъ.....	42
V. Нейшлотъ... ..	52
VI. Рандасага.....	66
VII. Сенъ-Микель. — Сайменскій-каналъ.....	77
VIII. Иматра.....	91
IX. Выборгъ. — Мон-Répos.....	102

ВТОРАЯ ПОЪЗДКА.

I. Фридрихсгамъ.....	117
II. Кайзоля. — Ляхтись.....	130
III. Тавастгусъ.....	139
IV. Таммерфорсъ.....	152
V. Водопадъ Кюро.....	164
VI. Кивиніеми.....	174
VII. Або.....	185
VIII. Гельсингфорсъ.....	197
IX. Окрестности Гельсингфорса. — Свеаборгъ.....	212

ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДІИ.

ПЕРВАЯ ПОЪЗДКА.

I.

ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

Давно хотѣлось мнѣ видѣть Финляндію. Въ наше время ѣздить по Европѣ пріятно; но тамъ все извѣстно вамъ, какъ въ знакомомъ саду, гдѣ вы знаете каждую дорожку. Безъ большаго таланта и благопріятныхъ обстоятельствъ теперь не скажешь ни одного новаго слова объ Италіи или Рейнѣ, описанныхъ въ сотняхъ томовъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Финляндія, напротивъ, похожа въ этомъ смыслѣ на дикій лѣсъ, о которомъ вы слышали однѣ таинственныя сказки, и куда входите безъ составленныхъ заранѣе впечатлѣній. Туристы не проникали въ нее далѣе Иматры и гельсингфорскихъ купалень.

Желаніе мое исполнилось : поѣздка наконецъ состоялась.

Ничто такъ не важно въ путешествіи, какъ выборъ товарищей. Ни дурныя дороги, ни грязныя трактиры, ни скверная погода не въ-состояніи такъ отравить поѣздки, какъ случайный товарищъ, съ которымъ у васъ нѣтъ ничего общаго во взглядѣ на цѣль и планъ путешествія, на дорожныя потребности и желанія. Въ этомъ отношеніи поѣздка моя сложилась удачно : мы ѣхали въ-троемъ, всѣ одинаково здоровые и веселые, съ однимъ гастрономическимъ и эстетическимъ вкусомъ, и въ тоже время съ разными оттѣнками въ идеяхъ. А когда у васъ мало поклажи, много любопытства и веселости, да сверхъ-того порядочный запасъ элементовъ для спора и бесѣды,—поѣздка общаетъ немало удовольствій.

Въ ясное іюньское утро пріѣхали мы къ Смольному-монастырю, на пристань шлиссельбургскаго парохода. *Комета* дымилась. На палубѣ пестрѣли по-обыкновенію дамскія шляпки и неизбѣжныя военныя фуражки. Въ девять часовъ пробилъ послѣдній звонокъ, и пароходъ отвалилъ отъ пристани.

Съ обычными салютами шляпъ и бѣлыхъ платковъ поднялся онъ вверхъ по Невѣ, прошелъ мимо Невской лавры, — и вотъ по обоимъ берегамъ рѣки, особливо по лѣвому, начали показываться огромныя строенія, прорѣзанныя въ нѣсколько этажей сотнями оконъ и дымящіяся исполинскими трубами — *clochers de l'industrie*, какъ говоритъ Барбье. Съ часъ тянулся передъ нами этотъ мануфактурный Невскій-проспектъ, эта безконечная улица фабрикъ и заводовъ. Многіе изъ нихъ щего-

ляютъ даже архитектурными претензіями, особенно зданія фарфороваго и чугуннаго заводовъ—одно легкое и свѣтлое какъ фарфоръ, другое тяжелое и мрачное какъ чугунъ—и наконецъ Александровская-мануфактура. Но можно ли назвать фабрикою этотъ городокъ, съ его пятью тысячами жителей, съ его садами и дачами, съ его шумомъ и дѣятельностью? Это Бирмингамъ въ миниатюрѣ... Здѣсь явилась первая паровая машина въ Россіи, здѣсь механической прядильный станокъ въ первый разъ замѣнили у насъ рабочія руки.

Когда мы поровнялись съ мануфактурою, поклонники преферанса раскинули уже на палубѣ зеленый столикъ, и какой-то тузъ, въ сюртукѣ пиковаго цвѣта съ бубновымъ воротникомъ, вышелъ изъ каюты съ двумя колодами картъ. Онъ распечаталъ ихъ съ ловкостью, которой позавидовалъ бы самъ Боско: обертки разлетѣлись съ громомъ пистолетнаго выстрѣла, и карты дождемъ посыпались на столъ.

— Bravo! закричалъ кто-то: это салютъ мануфактурѣ.

— А что, господа? не выпить-ли за ея процвѣтаніе?

— Прекрасно! шампанскаго!

Вино явилось, и не смотря на раннее утро, тостъ за благоденствіе Александровской-мануфактуры отозвался передъ ея стѣнами. Благодаря этому обстоятельству, я вспомнилъ, что здѣсь работаются карты на всю Россію.

Черезъ нѣсколько минутъ на правомъ берегу показалась Рыбацкая-слобода, бывшая вотчина Императрицы Елисаветы; а за нею селеніе нѣмецкихъ колонистовъ, съ чистенькими домиками, обнесенными палисадникомъ. На берегу играли дѣти, въ цвѣтныхъ платьицахъ и соло-

менныхъ шляпкахъ. Это лѣтніе петербургскіе гости, которыхъ выпустили сюда на два мѣсяца, какъ птичекъ, изъ душныхъ столичныхъ клѣтокъ. На лѣвомъ берегу, при впаденіи рѣчки Ижоры, заблѣло большое село, съ каменными домами—рѣдкость для русской деревни. Это Усть-Ижора, извѣстная побѣдой Александра-Невскаго, въ которой, по словамъ лѣтописи, онъ собственнымъ мечемъ возложилъ печать на лицо шведскаго предводителя Биргеръ-Ярла.

Между-тѣмъ пассажиры безпрестанно обращались къ шкиперу съ вопросомъ: скоро ли будутъ пороги?

— Вотъ пороги! сказалъ наконецъ шкиперъ.

— Гдѣ? гдѣ?

Онъ указалъ на рѣку.

Всѣ надежды туристовъ разлетѣлись въ-пухъ. Невскіе пороги не только не похожи на Нарвскій-водопадъ, но ихъ нельзя и замѣтить, если не покажутъ. Они лежатъ почти на половинѣ пути изъ столицы въ Шлиссельбургъ, недалеко отъ мызы Целлы, и съ перваго взгляда совсѣмъ не страшны. На берегу виднѣются разсѣянные камни и вдаются незамѣтно въ самую рѣку; только быстрое теченіе, крупная зыбь и небольшіе всплески показываютъ опасность этого мѣста. Но для судоходства оно очень чувствительно: суда стоятъ иногда вблизи пороговъ по нѣсколькимъ днямъ, выжидая благоприятнаго вѣтра и не отваживаясь переступить черезъ эту невидимую, но опасную грань. Какъ-будто въ утѣшеніе наше, наканунѣ большая барка съ дровами попала на камни. Когда мы проходили мимо, она была въ самомъ незавидномъ положеніи: середина, упираясь въ подводные камни, выдава-

лась на верхъ, а края опускались въ воду, и она отчаянно скрипѣла, какъ-будто умоляя о помощи. Подлѣ нея стояли двѣ большія лодки, и рабочіе съ пѣснями перегружали на нихъ дрова. Эта сцена вознаградила нѣсколько нашихъ туристовъ.

За порогами самое замѣчательное мѣсто — Островки, дача г. Чоглокова. Высокій берегъ, готическія башни, красивый домъ, прикрытый свѣжею зеленью — все это отражается въ свѣтломъ заливѣ, замкнутомъ небольшими зелеными островами. Это лучшее мѣсто на всемъ протяженіи невскихъ береговъ. Наконецъ съ лѣвой стороны показалась небольшая мыза г-жи Рѣзвой, и вслѣдъ-за-тѣмъ, на низменномъ островѣ, какъ-будто прямо на водѣ, возникли желтоватыя стѣны Шлиссельбургской-крѣпости, а за ними синѣло темной полосой Ладожское-озеро.

Мы шли отъ Смольнаго-монастыря ровно шесть часовъ. А давно ли случалось, отправляясь изъ Петербурга на народной лодкѣ, пріѣзжать въ Шлиссельбургъ при неблагоприятной погодѣ на другія сутки! Но знаете ли вы, чтò такое народная лодка?

Подлѣ Невскаго-монастыря есть двѣ пристани, на которыхъ вы всегда найдете нѣсколько большихъ, патриархально-грязныхъ лодокъ. Онѣ ходятъ по назначеннымъ днямъ въ Новую-Ладогу и Тихвинъ. Лодка раздѣляется обыкновенно на двѣ половины: назадъ устроена небольшая семейная каюта для особыхъ наемщиковъ, а въ передней части помѣщаются прочіе пассажиры. Въ каютѣ тянутся вокругъ деревянныя лавки изъ голыхъ досокъ, а подъ палубой нѣтъ ничего, кромѣ грязнаго пола. Вы пріѣзжаете на пристань, спрашиваете — идетъ

ли лодка и есть ли мѣсто? Хозяинъ торопливо снимаетъ шапку и очень вѣжливо отвѣчаетъ, что мѣста есть и лодка сей-часъ отправится. Вы уговариваетесь въ цѣнѣ, даете задатокъ, приказываете перенести на лодку свою поклажу и отпускаете лошадь. Лодка еще пуста.

Проходитъ часъ. Вы начинаете скучать, спрашиваете, скоро ли отправятся? Лодочникъ, уже не снимая шапки, но съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣчаетъ опять — *сей-часъ*; и опять проходитъ цѣлый часъ, а вы не видите еще ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду. Остается одно изъ двухъ: отыскать извозчика, бросить задатокъ и уѣхать съ пристани, или заpastись хорошенько терпѣніемъ и ждать еще часа два или три. Но вотъ ковчегъ начинаетъ по-немногу наполняться, и скоро наполняется до такой степени, что въ немъ, какъ говорится, негдѣ пасть яблоку. Въ переднемъ отдѣленіи мужички разстилаютъ свои кафтаны, складываютъ котомки и располагаются плотными рядами, безъ промежутковъ, какъ бутылки въ ящикѣ, съ тою разницею, что ихъ не перекладываютъ соломою. Можете представить, какія удовольствія ожидаютъ васъ на пути, хотя вы и заняли мѣсто въ каютѣ, гдѣ можете даже шевелиться, не опасаясь сломать реберъ, если только не забыли взять съ собою подушекъ. Наконецъ пассажиры, или какъ говорятъ здѣсь — сѣдоки собрались, лодочникъ въ третій разъ напился чаю, на лодку втащили лошадь, которая должна будетъ тянуть ее, и вы переправляетесь на другую сторону Невы. Раздается громкая команда лодочника: «молись, ребята!» Всѣ разомъ встаютъ, снимаютъ шапки и молятся на кресты Невскаго-монастыря. Вы двинулись.

Но не прошло часа, лодка останавливается у брандвахты, для предъявленія накладной, въ которой означено откуда и куда слѣдуетъ судно, и гдѣ въ особой графѣ, подъ печатнымъ титуломъ *Названіе Клади*, крупно и четко написано: *съ пассажирами*. И накладная не ошибается. Стоитъ заглянуть во внутренность лодки, чтобы увѣриться, какъ прилично и мѣтко это выраженіе: здѣсь пассажиры въ-самомъ-дѣлѣ могутъ быть названы кладью, такъ же какъ негры на невольничьемъ кораблѣ. Визитъ пристава отъ виннаго откупа, наблюдающаго за тѣмъ, чтобъ шлиссельбургскіе жители не пили петербургской водки, благодаря смѣтливой заботливости лодочника, бываетъ обыкновенно непродолжителенъ. И вотъ вы миновали грозную заставу, лошадь высажена на берегъ, и лодка пошла *на бичевъ*. Длинная веревка привязывается однимъ концемъ къ верхушкѣ шеста, величаемаго мачтою, а другимъ къ хомуту тощей клячи, на которую сажаютъ мальчишку лѣтъ десяти или двѣнадцати. Эта ползучая машина, въ половину лошадиной силы, тянетъ лодку до мѣста назначенія. Можете представить, какъ это идетъ скоро! Замѣьте еще, что навстрѣчу вамъ безпрестанно попадаются суда, или вы сами обгоняете большія барки, которыя тянутся лямкою, то-есть людьми, и разумѣется еще медленнѣе. Всякій разъ бичеву на лодкѣ ослабляютъ, спускаютъ подъ встрѣчное судно, потомъ опять натягиваютъ, и эти остановки случаются на одной верстѣ по нѣскольку разъ. Иногда бичева, по неосторожности лодочника, зацѣпляется за какую-нибудь барку или за другую бичеву, и тогда надъ вашей каютою раздается бѣшенный топотъ и оглушительный крикъ боро-

датаго капитана: «засдрило! засдрило!» Этимъ воплемъ, съ приправою необходимыхъ ругательствъ, дается знать погонщику, чтобы онъ торопился отстегнуть веревку отъ хомута; иначе лодка можетъ опрокинуться или стащить въ воду свою четвероногую машину и съ кондукторомъ (*).

Верстахъ въ четырехъ отъ пороговъ есть деревня Щербинка. Тутъ лодка останавливается передъ харчевнею, и сѣдоки передняго отдѣленія спѣшатъ къ вожденному обѣду. Вы принуждены терпѣливо ждать, покуда накормятъ весь этотъ караванъ, начиная съ командира судна до его измученной клячи. Черезъ два-три часа вы пускаетесь далѣе. Послѣ обѣда публика передней каюты замѣтно оживляется: начинается круговая пѣсня или любимая русская сказка про плутоватаго батрака и его бородатаго хозяина. Завязываются споры и толки, и народное остроуміе сверкаетъ, какъ иней на морозѣ. За десять верствъ до Шлиссельбурга вы останавливаетесь еще разъ, и наконецъ ваше многострадальное плаваніе приходитъ къ вожденному концу. Вотъ какъ у насъ путешествовали по Невѣ, отъ Рюрика до г. Вышинскаго, которому вздумалось составить первую кампанію невскаго пароходства.

Видъ Шлиссельбурга, со стороны Невы, не дуренъ. Налѣво тянется довольно-высокій берегъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ, направо обширный заливъ и по берегу его масса городскихъ строеній, а прямо на низменномъ островѣ — небольшая крѣпость, омываемая сѣрыми водами

(*) Такой же способъ перевозки пассажировъ существуетъ и по Ладожскому каналу.

Ладожскаго-озера. Но картина эта отличается какимъ-то мрачнымъ колоритомъ, оттого ли что она сама по себѣ печальна, или потому что пробуждаетъ можетъ-быть горькія чувства въ вашей душѣ.

Островъ, на которомъ построена крѣпость, назывался встарину Орѣховымъ, какъ говорятъ потому, что берега его покрыты были густымъ орѣшникомъ. По имени острова и самый городъ получилъ названіе Орѣшка. Шведы перевели это слово на свой языкъ и дали ему имя Нотенбургъ (Nötter — орѣхи). Петръ I, овладѣвъ городомъ и считая его ключемъ ко всему при-балтійскому краю, назвалъ его Шлиссельбургомъ, и это названіе удержалось до настоящаго времени.

Положеніе Орѣховаго острова, при истокѣ Невы, было особенно важно въ то время, когда Новгородъ торговалъ съ Нѣмцами и боролся съ Швеціею. Орѣшекъ сдѣлался поэтому настоящимъ яблокомъ раздора между сосѣдями. Но я не намѣренъ утомлять читателей рассказами о томъ, какъ эта крѣпость переходила нѣсколько разъ отъ Русскихъ къ Шведамъ, сколько при этомъ съ обѣихъ сторонъ пролито крови и пожато такъ-называемыхъ лавровъ. Расскажу лучше объ одной дѣтской игрѣ, не лишенной историческаго смысла, которую вы можете и теперь видѣть на любой изъ шлиссельбургскихъ улицъ. Эта игра называется *въ-Орѣшекъ*. Дѣти собираются обыкновенно толпою и раздѣляются на двѣ партіи, на два враждебныя войска. Одни занимаютъ высокій берегъ какой-нибудь канавы, край широкой лужи или большой камень — въ чемъ нѣтъ недостатка на городскихъ улицахъ — и это Орѣшекъ. Другіе отходятъ прочь, потому

по-немногу начинаютъ приближаться и съ шумомъ нападаютъ на крѣпость. Они толкаютъ, стаскиваютъ своихъ противниковъ и стараются занять ихъ мѣсто. Когда имъ удастся это, они кричатъ хоромъ: *мой городъ Орѣшекъ!* Тутъ роли перемѣняются: побѣдители должны теперь защищаться, а выбитая изъ воображаемой крѣпости толпа приступаетъ къ ней до тѣхъ поръ, пока не отниметъ потеряннаго мѣста и въ свою очередь не закричитъ: *мой городъ Орѣшекъ!* Эта дѣтская игра, исполненная простодушной сатиры, лучше всякихъ лѣтописей даетъ понятие объ исторіи Орѣшка.

Осада Нотенбурга при Петрѣ I была послѣднимъ эпизодомъ въ военной хроникѣ этого города. Въ 1702 году крѣпость взята была штурмомъ, послѣ отчаянной обороны, и Русскіе въ послѣдній разъ крикнули: мой городъ Орѣшекъ! Петръ такъ дорожилъ этой побѣдою, что праздновалъ ее триумфальнымъ шествіемъ въ Москву съ небывалой пышностію. Самое названіе Ключъ-Городъ показываетъ, какъ важно было въ глазахъ царя пріобрѣтеніе крѣпости: въ самомъ-дѣлѣ этотъ ключъ отомкнулъ путь къ тому окошку, изъ котораго Русь взглянула потомъ на Европу.

Впослѣдствіи Шлиссельбургу суждена была другаго рода извѣстность. Еще въ 1718 году крѣпость сдѣлалась мѣстомъ заточенія знаменитой узницы. Царица Евдокія, первая жена Петра Великаго, уличенная въ участіи по дѣлу несчастнаго сына своего, царевича Алексѣя, заключена была въ Шлиссельбургъ, и девять лѣтъ провела въ башнѣ, обращенной окнами на Ладожское-озеро. Но мысль сдѣлать Шлиссельбургскую-крѣпость постоянной темни-

цею принадлежитъ, кажется, графу Миниху. Какъ главный производительъ работъ по Ладожскому-каналу, онъ часто бывалъ въ Шлиссельбургъ, а въ послѣдній годъ жизни Анны Иоанновны ему поручено было осмотрѣть крѣпостныя укрѣпленія, по случаю войны съ Швеціею. Тогда-то, вѣроятно, обдумывая низложеніе врага своего Бирона, онъ назначалъ ему тюрьму за этими мрачными стѣнами. Грозный регентъ провелъ годъ въ одной изъ башенъ замка. Но въ числѣ множества лицъ, которыхъ судьба связана была съ именемъ Шлиссельбургской-крѣпости, ни одно не возбуждаетъ такихъ грустныхъ мыслей, какъ узникъ-младенецъ Іоаннъ III, перенесенный сюда въ колыбели прямо съ трона.

Мы отправились въ крѣпость на казенномъ катерѣ. Лишь-только онъ вышелъ на середину невскаго рукава, на крѣпостной стѣнѣ раздался громкій крикъ часоваго: катеръ идетъ! и повторился другимъ часовымъ на гауптвахтѣ, въ самой крѣпости. Этимъ крикомъ дается знать коменданту о прибытіи кого-нибудь изъ города.

Шлиссельбургская-крѣпость стоитъ при самомъ выходѣ Невы изъ Ладожскаго-озера. Желтоватыя стѣны ея замыкаются по угламъ круглыми башнями, съ красными кровлями. Эти массивныя башни ограждены бастіонами, осыпанными булыжникомъ и сверху обложенными дерномъ; одна изъ нихъ въ память Петра I называется *Государевою*. На сѣверо-восточной сторонѣ крѣпостныя стѣны нѣсколько выше: это замокъ, отлѣненный отъ крѣпости ровомъ, съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ. Въ этомъ-то замкѣ жилъ и погибъ Іоаннъ Ульрихъ. Съ крѣпостной стѣны видъ мраченъ и дикъ: съ одной

стороны городъ съ мелкими домами, прорѣзанный каналомъ, по которому тянется длинная вереница мачтъ, и вдали высокій Преображенскій берегъ съ кладбищенской церковью; съ другой—обширный заливъ Ладожскаго-озера, и на свинцовыхъ водахъ его стаи судовъ, бѣлюющихъ подобно чайкамъ. Тишина прерывается только боемъ крѣпостныхъ часовъ, да плескомъ волнъ, шумящихъ по камнямъ.

Крѣпостной соборъ выстроенъ недавно, и въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Подлѣ церкви, съ восточной стороны, возвышается довольно-обширная продолговатая насыпь, на которой недавно начали разводить садъ. Это общая могила Русскихъ и Шведовъ, падшихъ при взятіи крѣпости. Въ этой же насыпи, говорятъ, похороненъ и несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Надъ прахомъ страдальца растутъ бѣлыя и лиловыя сирени, и въ тѣни ихъ чирикаетъ иногда залетная птичка.

Самый городъ, или форштадтъ, расположенъ на лѣвомъ берегу Невы. При первомъ взглядѣ на планъ города, нельзя не замѣтить его выгоднаго мѣстоположенія. Построенный на одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ сѣверной Россіи, Шлиссельбургъ омывается съ сѣвера широкой Невою, съ востока заливомъ Ладожскаго-озера, и перерѣзывается двумя устьями канала, соединяющаго столицу съ внутренними губерніями. Но если вы полюбуетесь счастливымъ положеніемъ города, за то самая постройка его вамъ не понравится. Грязныя, по большей части немощенныя улицы, маленькіе, ветхіе деревянные домики, неживописно окрашенные временемъ въ однообразный темно-сѣрый цвѣтъ — производятъ непри-

ятное впечатлѣніе. Нѣтъ ни гостинаго двора, ни публичнаго сада; только по береговой дамбѣ Ладожскаго канала тянется бульваръ, обсаженный тощими рябинками. Такимъ-образомъ, кромѣ шлюзовъ, въ городѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Шлиссельбургскіе шлюзы, которыми исполинскій Ладожскій-каналъ сообщается съ Невою, принадлежать къ числу важнѣйшихъ сооруженийъ въ Россіи. Старый четырехъ-камерный шлюзъ открытъ былъ въ 1832 году, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ прорытія канала. При постоянномъ усиленіи навигаціи число проходящихъ по каналу судовъ до того увеличилось, что принуждены были прорыть другое устье канала, и на немъ возникли теперь новые двухъ-камерные шлюзы. Сквозь эти гранитныя ворота проходитъ ежегодно не одинъ десятокъ тысячъ судовъ, со всевозможными произведеніями земли и человѣческихъ рукъ. Странное положеніе Шлиссельбурга! Поставленный при устьѣ Ладожскаго-канала, въ самомъ отверстіи золотаго рога нашей внутренней торговли, онъ не извлекаетъ изъ того ни малѣйшей выгоды. Подобно Танталу, стоитъ онъ по горло въ богатствѣ и чахнетъ отъ бѣдности. Вся промышленность его состоитъ въ одной ловлѣ сига, да и тѣхъ онъ не ѣстъ, а отсылаетъ въ Петербургъ.

Что касается до климата, то въ этомъ отношеніи Шлиссельбургъ ни въ чемъ не уступаетъ нашей сѣверной Пальмирѣ: сѣверо-восточные вѣтры, дующіе съ Ладожскаго-озера, съ честью выдерживаютъ соперничество съ своими балтійскими собратами, такъ хорошо извѣстными петербургцамъ. Но говоря о шлиссельбург-

скомъ климатѣ, нельзя забыть здѣшнихъ мошекъ, единственное самобытное произведеніе мѣстной почвы. Извѣстный туристъ XVII вѣка Олеарій говоритъ въ своихъ запискахъ: «Въ Нотенбургѣ насъ очень беспокоили мошки, изъ породы, извѣстной подъ именемъ *parausta*: ихъ было такое множество, что онѣ помрачали дневной свѣтъ, и ни на одну минуту не позволяли намъ открыть глаза». Съ перваго взгляда это выраженіе кажется преувеличеннымъ, какъ и многіе рассказы новѣйшихъ путешественниковъ. Но кто жилъ въ Шлиссельбургѣ, тотъ согласится, что Олеарій совершенно правъ. Въ наше время, когда берега озера осушены каналомъ и многія болота уничтожены, мошки эти появляются еще въ иные годы въ такомъ множествѣ, что городскіе дома, улицы и деревья покрываются цѣлыми тучами насѣкомыхъ, а каналы наполняются ими иногда вершка на два и болѣе. Вѣроятно, это зависитъ отъ какихъ-нибудь особенностей климата.

Проходя отъ пароходной пристани къ гостинницѣ, я замѣтилъ одинъ новенькій домъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, и мнѣ показалось, что онъ какъ-будто покрытъ пухомъ, трепещущимъ отъ вѣтра. Подхожу ближе — и что же? Домъ недавно былъ выкрашенъ, и къ свѣжей краскѣ пристали миліоны мошекъ, такъ-что не осталось малѣйшаго уголка, не покрытаго этой живой штукатуркою. Множество мошекъ, прилѣпясь только краями крыльевъ, еще билось и трепетало.

Мы остановили прохожаго старика, тащившаго старую рыболовную сѣть.

— Что, дѣдушка, всегда у васъ такъ много мошекъ?

— Годъ на годъ не приходитъ, отъчалъ онъ, — поне-
ча слава Богу!

— Да что же вамъ въ этомъ добръ?

— Какъ что!

— Да на что онъ вамъ?

— Какъ на что! Коли мошки много, то и рыбы въ
волю.

Я порадовался, что бѣдные шлюшинцы на самомъ
непріятномъ произведеніи своей почвы построили доб-
рую примѣту.

Не смотря на близость къ столицѣ, въ Шлиссельбур-
гѣ сохранился еще національный костюмъ. Мы видѣли,
какъ горожанки шли въ церковь, въ шелковыхъ сарафа-
нахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, въ кокошникахъ и
повязкахъ, низанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ фоль-
гою, съ длинными лентами, вплетенными въ косы. Но
говорятъ, кокошники убываютъ здѣсь замѣтно съ каж-
дымъ годомъ, и постепенно замѣняются платочкомъ,
чепцомъ, а наконецъ и шляпкою. Меня увѣрили, что на
одной изъ шлиссельбургскихъ улицъ открылся даже ма-
газинъ съ вывѣскою: *Модесъ этъ Робесъ*. Но признаюсь,
я самъ этого не видалъ.

II.

КОНЕВЕЦЪ И ВАЛААМЪ.

На шлиссельбургской пристани, рядомъ съ невской *Кометою*, дымится другой пароходъ, мрачный и закоп-тѣлый. Надъ черными колесами его виднѣлась надпись: *Валаамъ*. Это угрюмый пустынный ладожскихъ водъ, плавающий по суровому озеру, отъ Шлиссельбурга до Сердоболя. Въ шесть часовъ вечера пассажиры собрались на пароходъ, и колеса его зашумѣли. Медленно обогнулъ онъ печальныя стѣны крѣпости, какъ-будто неохотно выбрался въ озеро, и вдали на Кошкиномъ мысѣ показался угрюмый, черный маякъ. Передъ нимъ стояло множество судовъ, выжидая попутнаго вѣтра.

Пройдя мысъ, пароходъ вышелъ въ открытое озеро, и башни Шлиссельбургской крѣпости начали тонуть вдаль. Чѣмъ далѣе, тѣмъ картина становилась однообразнѣе: водная пустыня раскидывалась обширнѣе, рамы ея распускались ниже, наконецъ городъ скрылся, золотой крестъ соборной колокольни блеснулъ послѣднимъ лучемъ и исчезъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась вода, ограниченная однимъ небомъ, и только налѣво тянулась темная полоса западнаго берега, низменнаго и лѣсистаго. Шумъ пароходныхъ колесъ, да тяжелые однообразные удары машины нарушали мертвую тишину.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ началъ усиливаться, изъ крупной зыби образовалось волненіе. Пароходъ стало качать. Когда стемнѣло, вѣтеръ скрѣпчалъ еще болѣе; качка сдѣлалась довольно-сильною и неправильною: волны, разбиваясь о грудь парохода, крупнымъ дождемъ орошали палубу. Большая часть пассажировъ перебралась въ каюту.

Нигдѣ не случалось мнѣ видѣть такого пестраго, разнохарактернаго общества, такой смѣси одеждъ, лицъ и нарѣчій, какъ на ладожскомъ пароходѣ. Тутъ вы встрѣтите представителей всевозможныхъ сословій: богомольцы съ созерцательными лицами, монахи, подпоясанные черными ремнями, туристы съ дымящимися сигарами, Финны съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ — все это представляетъ картину новую и любопытную. Французскія фразы перемѣшиваются съ чухонскимъ языкомъ, а русскія народныя поговорки сливаются съ текстами на славянскомъ діалектѣ. Когда я спустился на нѣсколько минутъ въ каюту, она была совершенно полна. Въ одномъ углу двое молодыхъ людей, развалясь на подушкахъ, читали въ полголоса *Monte-Cristo*. Напротивъ ихъ сѣдой старикъ, съ патриархальной бородою, окруженный тремя или четырьмя богомолками, съ ногъ до головы закутанными въ черное, рассказывалъ о подвижничествѣ какого-то соловецкаго затворника. Посерединѣ стоялъ зеленый столикъ, и двое купцовъ нетерпѣливо постукивали картами по сукну, въ то время какъ третій хлопоталъ всучить кому-нибудь изъ пассажировъ четвертую карточку.

Между-тѣмъ на палубѣ картина была прекрасная : озеро кипѣло, вѣтеръ срывалъ пѣнистыя вершины волнъ и далеко уносилъ ихъ брызги. На кормѣ парохода, у компаса, горѣла свѣча, отбрасывая яркій свѣтъ на лоцмана, сѣдаго старика съ живописнымъ лицомъ и длинной боро-дою, развѣваемой вѣтромъ.

Озеро бушевало всю ночь, и пароходъ шелъ медленнѣе обыкновеннаго. Каждая десять минутъ бросали лоть. Недостатокъ въ дровахъ заставилъ насъ измѣнить курсъ и зайти въ Чортову-Лахту. Этотъ заливъ — лучшая пристань на всемъ западномъ берегу Ладожскаго-озера : высокіе лѣсистые берега закрываютъ его отъ всѣхъ вѣтровъ. Здѣсь заготавливаются въ большомъ количествѣ дрова для Петербурга. Сильный туманъ принудилъ насъ простоять здѣсь болѣе трехъ часовъ, не смотря на то, что до Коневскаго-острова не оставалось и семи верствъ, и звонъ монастырскихъ колоколовъ долеталъ до парохода. Утренній чай и легенды о Чортовой-Лахтѣ сократили для насъ эту скучную стоянку.

Старикъ, который бесѣдовалъ въ каютѣ съ богомолками, оказался специальнымъ знатокомъ всѣхъ преданій о ладожскомъ краѣ. Съ приличной важностью онъ объяснилъ намъ, отчего произошло названіе залива, въ который теперь загнала насъ буря. Въ старые годы, изволите видѣть, когда еще на Ладожскомъ-озерѣ не только не было машинъ, но и порядочныхъ галбатовъ, чортъ жилъ на Коневскомъ-островѣ и для забавы топилъ рыбацьи лодки. Привольно было ему на дикомъ островѣ, въ виду мрачнаго берега, населеннаго мрачными язычниками. Но вотъ однажды явился на Коневцѣ благочестивый цу-

стынникъ и водрузилъ крестъ на его негостепримномъ берегу. Чорту не стало житья, и онъ бѣжалъ съ острова и пріютился на горѣ, въ глубинѣ ближайшаго залива или лахты, который съ тѣхъ поръ и прозвался Чортовой-Лахтою.

— Что же, батюшка, онъ и теперь еще здѣсь? спросила одна изъ нашихъ слушательницъ.

— Нѣтъ — продолжалъ расказчикъ. Когда на островѣ построили святую обитель, да повѣсили колоколь, такъ звонъ-то сталъ его беспокоить, спать мѣшалъ — онъ со всѣмъ отсюда и убрался.

— А не слышать, куда онъ окаянный бѣжалъ? спросила старушка.

— Не слышно: должно думать въ чужіе края.

Наконецъ туманъ мало-по-малу разсѣялся; но сѣрѣя облака застилали еще небо, и крупная зыбь волновала озеро. Въ десять часовъ мы вышли изъ Лахты — и передъ нами заблѣбла ограда Коневскаго-монастыря, на берегу лѣсистаго острова.

Коневскій-островъ лежитъ во сто-десяти верстахъ отъ Шлиссельбурга. Основаніе монастыря относится къ концу XIV вѣка, когда пустынникъ Арсеній пришелъ сюда съ Аѳонской-горы. Финскіе язычники, обитавшіе на ближнемъ берегу, пасли обыкновенно на островѣ свои стада, и въ благодарность своимъ духамъ, покровителямъ скотоводства, каждое лѣто приносили жертву на одномъ большомъ камнѣ и оставляли подлѣ него коня. Преданіе утверждаетъ, что оттого камень, на которомъ совершались жертвоприношенія, названъ *Конемъ-камнемъ*, а послѣ и самый островъ получилъ названіе Коневца. Ар-

сеній, поселясь на островѣ, разорилъ языческой алтарь, совершилъ молитвы надъ камнемъ и освятилъ это дикое мѣсто. Монастырь находился сперва на Святой-горѣ, гдѣ теперь скитъ, но впоследствии перенесенъ ближе къ берегу.

Пароходъ остановился на якорѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ пристани, устроенной передъ самымъ монастыремъ. Въ нѣсколько минутъ монахи перевезли насъ на берегъ въ монастырскихъ лодкахъ. Все строеніе въ монастырѣ новое, и любитель старины не найдетъ здѣсь ни одной древности. Послѣ шведскихъ набѣговъ уцѣлѣла одна только природа, да старые обычаи монастырской жизни.

Мы хотѣли видѣть Конь-камень, и намъ дали проводника. Дорога шла черезъ Святую-гору, гдѣ теперь построены скитъ съ небольшою церковью. Это едва-ли не лучшее мѣсто на всемъ островѣ. Полюбовавшись мѣстоположеніемъ этой пустыни, пошли мы къ Коню-камню, который лежитъ въ сѣверо-западной части острова, не далѣе версты отъ монастыря. Проводникъ вывелъ насъ на узкую тропинку, которая извивалась между высокими соснами и, разсѣянными въ дикомъ безпорядкѣ, гранитными камнями, лѣпилась по обрыву горы, подъ густымъ сводомъ нависшихъ деревьевъ, спустилась въ глубокой оврагъ, и наконецъ привела насъ къ большой скалѣ сѣраго гранита, покрытой мохомъ и блѣдно-зелеными лишаями. Это Конь-камень. На самомъ хребтѣ его возвышается небольшая деревянная часовня, а подлѣ нея изъ расщелины камня выбѣгаетъ молодая березка. Я взошелъ по лѣстницѣ наверхъ, и меня поразила дикая красота

этого мѣста: кругомъ мракъ и тишина; огромныя сосны стоятъ неподвижно, какъ-будто сторожа заповѣднѣй камень, и таинственнымъ шатромъ раскидываютъ надъ нимъ свои густыя вѣтви. При одномъ взглядѣ на эту пустыню, вамъ живо представляются тѣ далекія времена, когда эта скала была алтаремъ язычества и кровь жертвы лилась по ея гранитнымъ уступамъ. Камень вышиною въ шесть аршинъ, а въ окружности болѣе двѣнадцати сажень; но обломки гранита, разсѣянные вокругъ и очевидно отторгнутые отъ него временемъ, доказываютъ, что прежде онъ былъ гораздо-болѣе.

Въ четыре часа мы переѣхали на пароходъ и тотчасъ же снялись съ якоря. Погода была прекрасная: вѣтеръ утихъ, небо очистилось. Часа черезъ три Коневскіи-островъ и западный берегъ озера потонули вдали, вода свѣтилась какъ хрусталь, ни одного судна не было видно на озерѣ, ни одного облачка на небѣ, и только дымъ отъ пароходной трубы длинной полосой тянулся по направленію едва замѣтнаго вѣтра, и расширяясь болѣе-и-болѣе, сѣрымъ облакомъ висѣлъ на краю горизонта. Мы прошли небольшой островъ Мигарку, и тутъ зачернѣлъ вдали высокій берегъ Валаама.

Глубокіи заливъ далеко вдается во внутренность острова. Это *Никонова-пристань*, лучшая гавань на всемъ Ладожскомъ-озерѣ. Окруженная высокими берегами, она такъ безопасна, что самыя большія суда могутъ стоять въ ней безъ якоря, на одной веревкѣ (швартовѣ), во время сильнѣйшей бури. Деревянный крестъ, поставленный на скалѣ, служитъ знакомъ для входа въ пристань. Мы вошли въ проливъ, который вьется между острова-

ми, окружающими Валаамъ. Обогнувъ Саареть и Кохта-Лагу, высокіе, каменистые, поросшіе лѣсомъ, онъ уклоняется къ сѣверу, омываетъ Лета-Сари съ группою другихъ скалъ, и потомъ глубокимъ рукавомъ вдается внутрь главнаго острова. Скоро на маленькомъ островкѣ показалась небольшая часовня, а вслѣдъ за нею вдали, на высокомъ берегу, бѣлая ограда и соборъ Валаамскаго монастыря. Мы прошли еще съ версту въ узкомъ заливѣ: съ обѣихъ сторонъ тянулись обрывистыя скалы; мрачныя сосны стоятъ непроницаемою стѣною на ихъ вершинахъ, и желтоватый мохъ лѣпится по ихъ обнаженнымъ ребрамъ. Пароходъ, сдѣлавъ искусный поворотъ въ заливѣ, подошелъ къ пристани. Надъ нашими головами, на высокомъ каменномъ утесѣ, почти отвѣсно возникающемъ надъ водою, возвышался монастырь, съ своими бѣлыми стѣнами, изъ за которыхъ далеко въ небѣ сверкали главы собора. Надъ балюстрадой, примыкающей къ самому краю скалы, стояли длиннымъ рядомъ монахи; ихъ черныя рясы казались еще чернѣе при яркой бѣлизнѣ стѣнъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами солнца. Въ вышинѣ, какъ-будто за нѣсколько верстъ, глухо раздавался колокольный звонъ.

О времени основанія Валаамской-обители наши лѣтописи выражаются очень неопредѣлительно. Полагають, что первыми пустынниками этаго дикаго острова были Св. Сергій и Германъ; но когда они жили — неизвѣстно. Одни думаютъ, что они поселились здѣсь еще во времена Ольги; другіе относятъ это къ XIV вѣку, и кажется послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе, потому-что Русскіе не ранѣе этого времени утвердились на Корельскомъ-берегу,

по близости котораго лежит Валаамъ. Въ междупарствіе монастырь былъ разоренъ, и монахи удалились въ Старую-Ладогу. Отъ этого на Валаамъ, точно такъ же какъ и въ Коневскомъ-монастырѣ, нѣтъ ни одного древняго зданія. Монастырь возобновился при Петрѣ I. Въ настоящее время въ немъ считается до ста пятидесяти чело-вѣкъ братіи; но прежде, говорятъ, было вдвое болѣе. Самое двѣтущее время монастыря относится къ концу про-шлага столѣтія. Но подробности обо всемъ этомъ любопытные могутъ найти въ благочестивыхъ произведеніяхъ нашего современнаго паломника, А. Н. Муравьева.

По широкой гранитной лѣстницѣ поднялись мы въ монастырь. Передъ папертью собора возвышается гранитная четырехъ-сторонняя пирамида, поставленная въ память посѣщенія обителя Императоромъ Александромъ I. Кромѣ этого памятника, въ монастырѣ нѣтъ ничего монументальнаго.

Благодаря туману, который задержалъ насъ въ Чортовой-Лахтѣ, пароходъ остался на Валаамъ до утра. Поздній пріѣздъ не позволилъ намъ побывать въ кельяхъ *неусыпающихъ* братіи, ни въ пустыняхъ схимниковъ, разсѣянныхъ въ глубинѣ острова, о которыхъ богомольцы рассказывали намъ много любопытнаго. Я пошелъ бродить по монастырю. Ночь была прекрасная: при лунномъ свѣтѣ бѣлыя монастырскія стѣны казались еще бѣлѣе, зелень лѣса темнѣе и гуще, и воды залива свѣтло горѣли въ черной рамѣ своихъ гранитныхъ береговъ. Я зашелъ на монастырское кладбище, которое здѣсь называютъ *усыпальницею*. Мнѣ хотѣлось видѣть, такъ-называемую, могилу Магнуса. На ней, какъ мнѣ рассказывали,

есть надпись, въ которой подробно описывается, какъ шведскій король занесенъ былъ бурею на Валаамскій-островъ, постриженъ и скончался въ этомъ монастырѣ. Конечно, подлинность этой могилы не заслуживаетъ историческаго довѣрія, потому что въ шведскихъ лѣтописяхъ положительно говорится, что Магнусъ умеръ въ Норвегii. Но любопытно то, что у насъ сохранился одинъ древнiй актъ, извѣстный подъ именемъ Магнусова-завѣщанiя, въ которомъ тоже говорится о постриженiи шведскаго короля въ русскомъ монастырѣ *Святаго Спаса*. Прохожiй монахъ указалъ мнѣ эту апокрифическую могилу, и подтвердилъ о существованiи надгробной надписи; но я ничего не нашелъ на этой насыпи. Доска съ рѣзною надписью, по словамъ моего чичероне, снята для возобновленiя полу-изглаженныхъ буквъ, за нѣсколько дней до нашего прiѣзда. Возвратясь на пароходъ, я не нашелъ уже большей части нашихъ пассажировъ: они остались въ монастырѣ—одни до возвращенiя парохода изъ Сердоболя, а другiе даже на цѣлую недѣлю, до будущей поѣздки. Мы заснули въ каютѣ подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ.

Съ восходомъ солнца пароходъ вышелъ изъ залива. Едва мы повернули къ сѣверу, какъ вдали зачернѣли острова и шхеры Сердобольскiя, и съ каждой минутою выше-и-выше поднимались надъ водою. Между ними открылись проливы, и пароходъ пошелъ однимъ изъ этихъ водныхъ ущелий. Острова, замыкающiе сѣверный берегъ озера, выше Валаама. Это дикiя скалы сѣраго гранита, мѣстами опушенныя мелкими соснами; по обрывистымъ краямъ ихъ желтѣетъ мохъ, и въ трещинахъ камней лѣ-

пится тощей кустарникъ. Чѣмъ далѣе подвигались мы проливомъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе чувствовали приближеніе суровой и мрачной Финляндіи : кустарникъ становился рѣже, нагіе утесы мрачнѣе. На каждомъ шагу дикія скалы выставляли свои обнаженные ребра, прикрытыя рубищемъ жалкаго вереска и исчерченныя ржавыми промоинами. Кругомъ невидать было ни одной птицы. Явленіе парохода въ этомъ дикомъ лабиринтѣ угрюмыхъ утесовъ кажется какою-то странной случайностью, какимъ-то неожиданнымъ, вопіющимъ контрастомъ. Однакожь версты за двѣ до Сердоболя эта пустынная картина оживилась : на озерѣ показалось множество лодокъ. Чухны изъ окрестныхъ селеній спѣшили въ городъ къ воскресной службѣ, въ нарядныхъ платьяхъ — мужчины въ синихъ суконныхъ курткахъ съ металлическими пуговицами, женщины въ шерстяныхъ полосатыхъ или клѣтчатыхъ юбкахъ яркихъ цвѣтовъ, съ большими мѣдными и жестяными бляхами на шеѣ, прицѣпленными въ качествѣ нашихъ брошекъ. Насъ особенно поразило то, что надъ веслами трудился одинъ прекрасный полъ, а кавалеры сидѣли въ лодкахъ въ самомъ полномъ бездѣйствіи.

Пароходъ обогнулъ каменный мысъ — и вотъ показался отлогій берегъ, склоняющійся къ озеру, а по скату его ряды сѣрыхъ деревянныхъ строеній, одного цвѣта съ береговымъ гранитомъ. Это Сердоболь.

Учрежденіе пароходства на Ладожскомъ-озерѣ, которое мы теперь прошли изъ конца въ конецъ, встрѣчено было сначала самыми зловѣщими толками. Безпрестанное крушеніе судовъ, погибающихъ болѣе отъ своей па-

тріархальной постройке и образцовой безопасности пловцевъ, утвердило въ народѣ мысль о неодолимой опасности этого озера. Другіе помнили извѣстную картину, распространенную у насъ въ сотняхъ копій и литографическихъ снимковъ, на которой представляется Петръ I, у руля полуразбитой лодки съ переломленной мачтою, среди испуганныхъ гребцовъ, въ отчаяніи опустившихъ весла. Даже люди грамотные увѣряли, что никакой пароходъ не уцѣлѣетъ на страшномъ озерѣ, проклятомъ Петромъ Великимъ, что подводные камни, мели и разсыпчатое неправильное волненіе остановятъ предпріятіе въ самомъ началѣ. Опровергать невѣжество можно только фактами — и рядъ благополучныхъ рейсовъ ладожскаго парохода доказалъ, что плаваніе по озеру не опаснѣе нашихъ прогулокъ въ Петергофъ.

III.

СЕРДОБОЛЬ. — ПУГОЙСЬ.

Пароходный свистокъ произвелъ въ городѣ тревогу: толпы поселянъ, прїѣхавшихъ къ праздничной службѣ, бѣжали отъ церкви къ берегу, и скоро пристань и вся набережная густо покрылись народомъ. Несмотря на то, что *Валаамъ* плаваетъ по озеру уже третій годъ, на насъ смотрѣли, какъ на выходцевъ изъ другаго міра. Не безъ труда пробрались мы сквозь густыя толпы Финновъ, которые наперерывъ старались продрасться къ пароходу. Въ толпѣ женщинъ я не замѣтилъ ни одного привлекательнаго лица, и если всѣ финскія красавицы похожи на сердобольскихъ, то мудрено представить себѣ прелести Сакамьелы, языческой богини любви въ древней Сомаландіи. Но зато на каждомъ шагу встрѣчались намъ лица, которыя блистательно оправдывали извѣстность, еще въ средніе вѣка пріобрѣтенную Финнами во всей Европѣ, по части колдовства и чародѣйства. Загорѣлыя и сухія лица, съ блестящими впалями глазами и длинными прядями рыжихъ волосъ, напоминали тѣхъ чародѣевъ, которые, какъ говорится въ сагахъ, волновали море, наводили мракъ на солнце, вызывали мертвыхъ и своими заклинаніями способствовали даже, по словамъ старой лѣтописи, по-

бѣдамъ Густава-Адольфа, и только не могли заговорить русскаго оружія. Теперь потомки страшныхъ финскихъ волшебниковъ смотрѣли на пароходъ, какъ на произведеніе новѣйшаго чародѣйства.

Сердоболь называется по-фински *Сардовала*. Это маленькій, печальный городокъ, раскинутый по отлогому скату гранитной горы, мѣстами прикрытой легкимъ слоемъ земли, мѣстами выставяющей свои обнаженныя каменные лысины. Полагаютъ, что теперь ему около трехъ вѣковъ отъ-роду. Городокъ этотъ жилъ всегда очень-тихо, и вся исторія его ограничивается тѣмъ, что въ одинъ божій день онъ былъ разоренъ Карломъ XII. Впрочемъ, онъ давно забытъ и это единственное событіе своей политической дѣятельности, обстроился по-прежнему деревянными домишками, обзавелся порядочнымъ кладбищемъ и ведетъ мелочную торговлю съ Петербургомъ. Въ часъ мы обошли Сердоболь кругомъ и осмотрѣли вдоль и поперекъ. На краю города стоитъ на возвышеніи деревянная чухонская церковь, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-нибудь архитектуры. Передъ нею было множество двухъ-колесныхъ таратаекъ, на которыхъ сѣхались къ обѣднѣ окрестные жители. Всѣ каменные постройки въ городѣ ограничиваются печными трубами. Но въ этомъ непомнящемъ родства городкѣ есть предметъ, которому могутъ позавидовать лучшія столицы въ Европѣ: это мостовая. Ни заграничныя плиты, ни макъ-адамовское шоссе, ни петербургскіе торцы не выдержатъ соперничества съ той системою, по которой вымощенъ Сердоболь. Его мостила природа. Городъ стоитъ на цѣльной каменной скалѣ, и по каждой

улицъ его тянется сплошное гранитное полотно, по которому съ громомъ катятся колеса и звонко стучать копыта финской лошади. Мостовая эта держится довольно опрятно: ее подметають не дворники, а сѣверный вѣтеръ.

Цѣлый день провели мы въ городъ, въ скромномъ нѣмецкомъ семействѣ, куда привезли рекомендательныя письма. Окрестности Сердоболя отличаются довольно живописной дикостью: высокіе берега залива, желтѣющіе мохомъ, и гранитныя возвышенія, раскинутыя амфитеатромъ на сѣверѣ, не чужды своего рода красоты.

Между-тѣмъ погода стояла прекрасная: все предвѣщало свѣтлую, лунную ночь. Мы рѣшились воспользоваться прохладнымъ, тихимъ вечеромъ и послали за лошадьми. Намъ привели двѣ таратайки, называемыя по фински *раттами*. Это двухколесная тележка, въ видѣ незатѣйливо-сколоченнаго ящика, на двухъ гибкихъ жердяхъ вмѣсто рессоръ, къ которому прикрѣплено сидѣнье въ родѣ кресла, съ рѣшетчатой, закругленной спинкою. Низенькая чухонская лошадка впрягается въ эту тележку безъ дуги, однимъ краснымъ деревяннымъ хомутомъ, похожимъ нѣсколько на древнюю лиру. На передней таратайкѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ десяти, въ синей суконной курткѣ съ мѣдными пуговицами, съ краснымъ платкомъ на шеѣ. Задняя тележка была безъ проводника. Мы согласились, чтобъ одинъ изъ насъ ѣхалъ поочередно съ извозчикомъ, а двое на другой таратайкѣ, перемѣняясь такимъ образомъ на каждой станціи. Запасы наши положили въ ящики, мы сами помѣстились на подушкахъ, и черезъ нѣсколько минутъ выѣхали изъ Сердобо-

ля. Не смотря на простоту своей конструкціи, чухонскій экипажъ оказался очень-удобнымъ.

Низенькія лошади наши бѣжали бойко по гладкой дорогѣ, но колокольчикъ, привѣшенный къ хомуту, звѣнѣлъ какъ-то глухо и монотонно: въ немъ совсѣмъ нѣтъ той удали, какою отличается его валдайскій товарищъ. И кажется, здѣсь не любятъ его: два раза нашъ маленькій извозчикъ вставалъ для того, чтобъ заткнуть съномъ докучный язычекъ.

Отъ самага Сердоболя шла гористая сторона. Съ каждаго возвышенія виднѣлись во всѣ стороны гранитныя горы, покрытыя ельникомъ и высокими соснами. Песчаная гладкая дорога вилась передъ нами желтой лентою: она то взбѣгала на возвышенія, то опускалась въ долины, то исчезала за горными отрогами. Скорая ѣзда по хорошей дорогѣ—большое наслажденіе въ путешествіи. Мы ѣхали прекрасно. На ровномъ мѣстѣ здѣсь лошадь бѣжитъ обыкновенно рысью, въ гору поднимается тихимъ шагомъ, а съ вышины пускается непременно въ-скачь. Съ непривычки эта ѣзда кажется нѣсколько опасною, но вы скоро къ ней привыкаете. Здѣсь иначе не ѣздятъ. Дороги въ Финляндіи превосходныя, таратайки очень-удобны для горной ѣзды, а лошади совершенно привыкли къ своимъ роднымъ утесамъ. Мы ѣхали въ безконечномъ лабиринтѣ гранитныхъ горъ: всякой вершины открывался видъ на новыя отдаленныя возвышенія, тонувшія въ послѣднихъ лучахъ солнца, въ безконечныхъ переливахъ зелени, темнѣвшей по мѣрѣ отдаленія. Я ѣхалъ эту станцію въ задней тележкѣ. Передняя таратайка часто уносилась впередъ; то виднѣлась

она далеко наверху, карабкаясь въ гору, то при поворотѣ дороги скрывалась изъ виду за лѣсомъ или скалою, и только облако пыли, разломоченной солнцемъ, показывало ея направленіе.

Солнце скрылось за дальними возвышеніями, когда мы пріѣхали въ Ритти. Какъ скоро намъ подали новыя таратайки, на одну изъ нихъ взобралась дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, съ распущенными волосами, похожими на лень, въ красной юпкѣ и суконой курточкѣ. Это нашъ новый извозчикъ. Наѣздница бойко махнула кнутомъ, и мы пустились далѣе.

Ночь была въ самомъ-дѣлѣ свѣтлая и непродолжительная. Только-что съ далекихъ вершинъ сбѣжалъ послѣдній красноватый отблескъ заката, какъ бѣлыя струйки тумана поползли изъ ущелій на скаты потемнѣвшихъ холмовъ. Съ каждой минутой эти пары сгущались. Нерѣдко, съѣзжая съ какой-нибудь горы, я видѣлъ, что дорога вдругъ опускается въ какую-то пропасть, бѣлющую подобно озеру: это была глубокая долина, обвитая густымъ туманомъ. Съ вершины холмовъ часто видишь, какъ этотъ туманъ, разливаясь по низменностямъ и оврагамъ, до половины закутываетъ горы, не касаясь ихъ вершинъ, и кажется будто передъ тобою море, усѣянное множествомъ острововъ. Глаза такъ привыкаютъ къ этой картинѣ, что и самыя озера, попадающіяся между холмами, принимаешь за туманныя долины. Температура мѣняется безпрестанно: на одной верстѣ вы находите нѣсколько климатовъ: спускаясь въ долину, чувствуешь свѣжій, холодный воздухъ и плотнѣе закутываешься въ теплое пальто; а черезъ нѣсколько шаговъ, поднимаясь

опять на гору, дышешь теплой, ласкающей струею и готовь совсѣмъ сбросить верхнее платье.

Не прошло часа, какъ горныя вершины по лѣвую сторону дороги начали желтѣть, и эта свѣтлая полоса съ каждой минутою стала опускаться ниже, темная зелень начала золотиться, длинные стволы сосенъ краснѣли, туманъ разлетался съ быстротою дыма и прятался въ глубинѣ ущелій. И вотъ лѣса и горы засверкали яркой золотистой зеленью при лучахъ восходящаго солнца. Ландшафты, достойные кисти Калама, отразились въ свѣтлыхъ водахъ озеръ. Но въ этой минутѣ было много грустнаго. Здѣсь при восходѣ солнца мы не слыхали того концерта жизни, какой обыкновенно привѣтствуетъ васъ на югѣ въ эту торжественную минуту пробужденія природы. Здѣсь этотъ часъ былъ мертвенно-безмолвенъ. Жаворонокъ не кидался передъ нами въ небесную глубину съ замирающей пѣснью, соловей не наполнялъ лѣса своими гремящими трелями; только изрѣдка гдѣ-нибудь на озерѣ плескалась рыба, зыбкій кругъ разбѣгался по тихимъ водамъ, — и потомъ снова все казалось неподвижнымъ и мертвымъ.

Мы остановились ночевать въ Рускаль, извѣстной своими мраморными ломками. Эта станція, или по здѣшнему гастгеберство, бѣдна, но опрятна. Съ крыльца вы входите въ чистую комнату, гдѣ полъ усыпанъ, по финскому обычаю, рубленнымъ ельникомъ. На столѣ лежитъ дорожная книга, съ указаніемъ разстоянія до ближайшихъ станцій и самой платы за проѣздъ: въ эту книгу проѣзжающіе записываютъ свои имена и мѣста — откуда и куда ѣдутъ. Вокругъ стѣнъ разставлено нѣсколько бере-

зовыхъ стульевъ, и между ними непремѣнно большое кресло, на выгнутыхъ полозьяхъ, какъ у дѣтскихъ деревянныхъ лошадокъ. На этихъ креслахъ любятъ качаться Финны, куря свою нескончаемую трубку. На передней стѣнѣ виситъ *стада*, или почтовое постановленіе, а рядомъ съ нимъ такса немногочисленныхъ станціонныхъ припасовъ, напечатанная на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ. При помощи этихъ дорожныхъ руководствъ вы можете спокойно объѣхать всю Финляндію, хотя бы не знали ни слова на народномъ языкѣ. Намъ разостлали тюфяки въ боковой комнатѣ, на полу густо усыпанномъ свѣжимъ ельникомъ.

Поутру, напившись кофе, мы вышли на крыльцо, — и передъ нами открылась картина въ теньеровскомъ вкусѣ. Подлѣ самаго гастгеберства виднѣлась полуразвалившаяся мельница, надъ небольшимъ природнымъ водопадомъ. Двѣ или три женщины, стоя на гранитныхъ камняхъ, полоскали бѣлье въ шумно-гремящемъ каскадѣ; а на крыльцѣ гастгеберства сидѣло на лавкахъ съ полдюжины стариковъ-чухонъ, въ широкополыхъ шляпахъ и въ невозмутимомъ молчаніи курили изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ. Мы спросили проводника на мраморныя ломки — и намъ дали мальчика, который говорилъ на какомъ-то непозволительно исковерканномъ подобіи русскаго языка.

Рускальскія мраморныя ломки, славныя во всей окрестности, лежатъ въ полуверстѣ отъ станціи. Мы пошли пѣшкомъ и черезъ нѣсколько минутъ были уже на мѣстѣ добыванія мрамора. Передъ нами открылась гора, саженъ въ двадцать вышины, разрытая въ видѣ обширнаго амфи-

театра, съ грубо вырубленными стѣнами изъ бѣлаго мрамора, съ одной стороны ярко освѣщенная солнцемъ, съ другой подернутая тѣнью, — и въ глубинѣ этого каменнаго кратера сотни работниковъ, занятыхъ расширеніемъ его колоссальныхъ стѣнъ. Одни исполинскими буравами сверлятъ отверстія въ мраморныхъ уступахъ, другіе вытаскиваютъ оторванные порохомъ глыбы. Проводникъ показалъ намъ, что скоро будетъ взрывъ. Черезъ нѣсколько минутъ толпа, работавшая у скалы, отступила въ сторону, синій дымокъ взвился фонтаномъ, и обрывокъ скалы съ тяжелымъ грохотомъ покатился внизъ.

Бѣлый сердобольскій мраморъ нѣсколько лѣтъ уже добывается на рускальскихъ ломкахъ для Исакиевскаго собора, Эрмитажа и другихъ сооружений въ столицѣ. Въ послѣднее время работы значительно уменьшились, но и теперь еще на ломкахъ болѣе двухъ-сотъ человѣкъ рабочихъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, у самой станціи найденъ приискъ зеленаго мрамора, по камень оказался дотога твердымъ и неудобнымъ къ обдѣлкѣ, что теперь эта ломка совершенно брошена. Вообще сердобольскій мраморъ довольно грубъ, не чистъ и шероховатъ: въ немъ нѣтъ нисколько той нежности и прозрачности, какими отличается мраморъ итальянскій. Изъ него можно вырубать массивные устои и столбы, но не изваяешь статуи даже и чухонскаго божества.

Изъ Рускалы мы выѣхали, переждавъ полуденный жаръ, по дорогѣ къ Пугойсу, одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей въ Куопіоской губерніи. Жаръ былъ еще очень чувствителенъ: гранитныя скалы, раскаленные солнцемъ, дышали страшнымъ зноемъ. Сторона была

такъ же живописна и пустынна. Неправильныя озера стоятъ неподвижно между дикими утесами, и на нихъ въ чудовищномъ безпорядкѣ разбросаны гранитныя скалы, самыхъ неправильныхъ, фантастическихъ очертаній. Вокругъ мертвая тишина. На озерахъ не видали мы ни одной лодки, въ лѣсу не слышали ни одной птицы, и только изрѣдка за деревьями раздавалось однообразное побрякиванье глухихъ колокольчиковъ, когда разсѣянное стадо собиралось отъ докучныхъ комаровъ подъ дымъ тлѣющаго костра. Однакожъ эта сторона населена. На сѣрыхъ горахъ показываются мѣстами зеленыя полосы, подобно яркимъ заплатамъ на одноцвѣтномъ рубищѣ. Это значитъ, что посреди гранитныхъ скалъ жители нашли клочекъ земли, удобной для посѣва ржи или ячменя. Вы видите ясно, какихъ трудовъ здѣсь стоитъ человѣку хлѣбъ, сколько упорной твердости нужно поселянину для борьбы съ неблагоприятной почвою. Хлѣбъ растетъ здѣсь на камняхъ. Сама природа не позволяетъ Финнамъ жить селеніями: крестьянинъ ставитъ избу свою тамъ, гдѣ находитъ клочекъ удобной земли, а такіе оазы нерѣдко раздѣлены на большое разстояніе бесплодными скалами или большими озерами. Отъ этого въ Финляндіи нѣтъ деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова: финскій *гейматъ* нерѣдко состоитъ изъ пяти или шести домовъ, разбросанныхъ на пятиверстномъ пространствѣ.

Саволаксъ — самая пустынная сторона во всей Финляндіи. Путешественникъ составляетъ здѣсь явленіе рѣдкое и замѣчательное: въ станціонныхъ книгахъ по цѣлымъ недѣлямъ не вписывается ни одного имени. На пространствѣ шестидесяти верстъ намъ попалась одна

старуха съ корзинкою земляники, да два или три крестьянина, возвращавшіеся съ пашни верхомъ на маленькихъ лошадакахъ, съ сохою пристегнутой къ хомуту и обернутой сошникомъ къ-верху. Издали они похожи были на огромныхъ кузнечиковъ, которые на длинныхъ ногахъ своихъ ползали по горамъ.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Пугойсь, на лѣсопильный заводъ, извѣстный по красотѣ мѣстоположенія во всей восточной Финляндіи. Видъ этотъ въ-самомъ-дѣлѣ достоинъ своей извѣстности. Между грудями бревенъ и распиленныхъ досокъ прошли мы на берегъ озера, и передъ нами открылась панорама дикая и грандіозная. На необъятной поверхности дремлющаго озера виднѣлись безчисленные маленькіе острова самыхъ разнообразныхъ и прихотливыхъ формъ, то опушенные зеленью, то увѣчаннные одной или двумя соснами, то сверкающіе обнаженнымъ гранитомъ. Одни изъ нихъ похожи на огромныя мѣховыя шапки, другіе на прихотливыя громады полярныхъ льдовъ. И эти фантастическіе острова не закрываютъ другъ-друга на далекое пространство: природа разбросала ихъ по озеру съ такимъ искусствомъ, съ такой прелестью перспективы, что вы ясно видите раздѣляющіе ихъ проливы и отраженіе каждаго изъ нихъ въ свѣтлыхъ водахъ озера. Картина эта, косвенно освѣщенная лучами вечерѣющаго-солнца, отличалась характеромъ необыкновенно успокоительнымъ: ни одинъ всплескъ рыбы не возмущалъ сонной поверхности озера, ни одна тѣнь легкаго облака не помрачала отраженнаго въ ней неба. Только позади насъ визжали пилы, раздробляя толстыя сосновыя бревна на широкія доски. Пугойсь счи-

тается однимъ изъ главныхъ лѣсопильныхъ заводовъ во всемъ краѣ.

Отъ Пугойса мы повернули къ югу, чтобы попасть на знаменитый Свиной-Хребетъ, о которомъ много рассказывали намъ въ Сердоболѣ. Мы хотѣли поспѣть на ночь въ Кеселаксъ, гдѣ рекомендовали намъ комфортабельный ночлегъ. Между-тѣмъ уже стемнѣло.

Когда мы пріѣхали на станцію Сурьясальми, солнце давно уже скрылось. Лошадей на станціонномъ дворѣ не было, за ними побѣжали въ поле — и это задержало насъ съ полчаса. Наконецъ явились таратайки — и при нихъ два проводника. Эта неожиданная новость сильно не понравилась намъ: до-сихъ-поръ на два экипажа вездѣ давали одного только извозчика, и мы ѣхали очень удобно. Теперь на одной тележкѣ предстояло сидѣть троимъ. Мы рѣшились протестовать. Всѣ наши познанія въ чухонскомъ языкѣ ограничивались десятками четырьмя самыхъ необходимыхъ дорожныхъ фразъ, а потому мы старались выразить пантомимою нежеланіе посадить другого проводника. Насъ кажется поняли, но не думали уступить: показывая на дорогу, Чухны обращались къ намъ съ какими-то убѣжденіями, которыхъ мы рѣшительно не понимали. Чтобъ положить конецъ этимъ преніямъ на незнакомомъ языкѣ, я вскочилъ съ товарищемъ на таратайку — и мы пустились впередъ безъ проводника. Другая тележка, въ которой сидѣлъ уже нашъ третій товарищъ съ извозникомъ, двинулась за нами. Мы выѣхали изъ воротъ гастгеберства при тревожномъ говорѣ озадаченныхъ Финновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ задняя таратайка обогнала

насъ, и извощикъ что-то кричалъ намъ, указывая назадъ. Я обернулся. Проводникъ, котораго мы не пустили на свою тележку, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, догонялъ насъ бойкой рысью.

— Не посадить ли его? спросилъ я товарища.

— Подождемъ: онъ отстанетъ.

Товарищъ мой привсталъ немного и началъ махать проводнику, приглашая его воротиться. Это не подѣйствовало: Чухонецъ, не отвѣчая ни слова, продолжалъ бѣжать по-прежнему. Дорога живописно тянулась по горамъ, покрытымъ густою опушкою лѣса. Мы проѣхали еще съ версту. Я опять обернулся: мальчикъ бѣжалъ неумоимо за таратайкою. Казалось, у него на ногахъ были крылья, какъ у Меркурія.

— Неужели онъ будетъ бѣжать до Кеселакса? сказалъ мой товарищъ.

— Двадцать верстъ? какъ это можно! Надобно его взять.

— Если мы теперь возьмемъ двухъ извощиковъ, это можетъ повториться и впередъ.

— Такъ сдѣлаемъ послѣдній опытъ—проскачемъ еще съ версту, какъ можно скорѣе. Если онъ не воротится и тогда — посадимъ съ собою.

— Идетъ!

Я погналъ лошадь, и въ одну минуту мы обскакали переднюю таратайку. Въ ту же минуту за нами послышались отчаянные крики отставшаго извощика. Я обернулся: онъ стоялъ въ тележкѣ, держась за возжи, и махалъ шляпою съ самымъ встревоженнымъ видомъ. Ло-

шадь его была хуже нашей, и онъ напрасно употреблялъ всѣ усилія обогнать насъ. Скороходъ бѣжалъ вдали съ отчаяннымъ крикомъ. Я хотѣлъ остановить лошадь, но дорога шла подъ гору, и мы неслись вихремъ. Остановиться до спуска съ горы было уже невозможно. Вдругъ дорога, опускаясь съ крутизны, круто повернула въ сторону, обогнула большую скалу сѣраго гранита и страшно оборвалась на берегу какого-то озера, передъ массами густаго тумана, котораго бѣлыя волны застилали невидимую даль противоположнаго берега. Лошадь съ непостижимой ловкостью уперлась копытами на краю самаго берега, и на аршинъ отъ воды стала какъ вкопаная. Тутъ мы поняли, для чего намъ хотѣли дать двухъ проводниковъ, и глубоко почувствовали свое безразсудство.

Едва успѣли мы соскочить съ таратайки, какъ прибѣжалъ нашъ Меркурій, блѣдный, встревоженный. За нимъ извощикъ спускалъ съ горы другую таратайку, держа лошадь въ поводу. Они смотрѣли на насъ, и казалось не вѣрили своимъ глазамъ. Убѣдясь наконецъ, что пассажиры и экипажъ въ цѣлости, они успокоились, повеселились и, смотря на насъ, добродушно покачивали головами.

Скороходъ нашъ подошелъ на самый край берега, оборотился къ туманному озеру, гдѣ тускло и неопредѣленно отражался серпъ молодаго мѣсяца, приставилъ къ губамъ согнутый трубою кулакъ, и закричалъ громко и протяжно. Голосъ его глухо отдался въ сосѣднихъ горахъ — и опять все замолкло. Снова закричалъ онъ, и на этотъ разъ вдали послышался отвѣтный крикъ, похожій на отдаленное эхо. Вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ однообразный шумъ, похожій на плескъ весель: на озерѣ

показался въ туманѣ какой-то неопредѣленный призракъ, и вскорѣ ясно принялъ формы большаго, неуклюжаго парома. У весель сидѣлъ старикъ съ суровымъ морщинистымъ лицомъ, и молодая дѣвушка съ бѣлыми распущенными волосами, оба въ лохмотьяхъ.

Проводники отпрягли таратайки, вкатили ихъ на паромъ, а за ними ввели и лошадей. Одинъ извозчикъ долженъ былъ ѣхать съ нами далѣе, а мальчикъ оставался на берегу. И такъ онъ бѣжалъ болѣе пяти верстъ только для того, чтобы спустить таратайку къ озеру и вкатить ее на паромъ. Утирая съ лица крупный потъ, онъ съ улыбкою указывалъ намъ то на гору, то на озеро и старался кажется растолковать, въ какой степени мы рисковали своими шеями. Подобный случай на русской дорогѣ послужилъ бы отличнымъ поводомъ потребовать настоятельно на водку; но эта въ настоящее время очень извинительная мысль не приходила кажется въ голову нашему скороходу. На лицѣ его не видать было ничего, кромѣ добродушной радости за благополучное окончаніе нашей скачки. Мнѣ было стыдно и досадно. Я позвалъ мальчика, и не находя другаго средства извинить нашу шалость, пожалъ ему руку и положилъ въ нее полтинникъ. Онъ посмотрѣлъ на деньги съ удивленіемъ, потомъ весело поклонился и побѣжалъ на гору, махая намъ на прощаніе шляпою.

Паромъ двинулся отъ берега. Угрюмый перевозчикъ и бѣлокурая его сотрудица гребли дружно огромными веслами. Мало-по-мало противоположный берегъ началъ выходить изъ тумана, и на немъ показалась опять взбѣгающая на гору дорога, которая прервалась за нами такъ

неожиданно, вопреки нашей почтовой картѣ. Старикъ взглянулъ на насъ съ тупымъ удивленіемъ, когда къ казенной платѣ за перевозъ мы прибавили пять копѣекъ.

Дорога пошла опять горами. Въ то время, какъ на озерѣ лежалъ густой туманъ, здѣсь всѣ окрестности ярко рисовались въ лунномъ свѣтѣ. Вся эта станція очень-живописна: она отличается видами, достойными лучшаго климата. Въ полночь пріѣхали мы въ Кеселаксъ и нашли чистыя, прекрасныя постѣли.

IV.

СВИНОЙ-ХРЕБЕТЪ.

Не ждите отъ путешественника, котораго судьба приведетъ въ Финляндію, ни историческихъ разсказовъ, ни живописныхъ описаній памятниковъ и развалинъ. У этого края нѣтъ исторіи политической: всѣ остатки его былой жизни состоятъ изъ нѣсколькихъ крѣпостей, напоминающихъ только покореніе страны, сначала Шведами, потомъ Русскими. Но Финляндія имѣетъ другую исторію, не менѣе мрачную и болѣе любопытную: у нея есть исторія геологическая. Вѣковая жизнь природы, полная самобитныхъ и страшныхъ явленій, оставила здѣсь безчисленные памятники изъ вѣковѣчнаго гранита, нагроможденные каменной лѣтописью по всему пространству этого чуднаго края. На каждомъ шагу находите вы здѣсь несокрушимые памятники великихъ событій, гигантскихъ переворотовъ, страшныхъ битвъ и разрушеній, въ которыхъ жили и дѣйствовали не люди, а стихіи. Читать хронику этой бурной эпохи не легко, но у нея есть свой краснорѣчивый Ламартинъ. Никто такъ не умѣетъ разсказывать объ этомъ геологическомъ переворотѣ, какъ С. С. Куторга. Читайте его статьи о Финляндіи, и вы жи-

во перенесетесь въ тѣ далекія времена, когда подземный огонь расплавилъ страшныя минеральныя массы, таившіяся въ глубинѣ земли, приподнялъ ихъ безконечными пластами надъ поверхностью моря, соорудилъ изъ нихъ цѣлый лабиринтъ каменныхъ горъ, и въ необозримомъ хаосѣ разорванныхъ водъ оставилъ тысячи гранитныхъ развалинъ. Вся исторія Финляндіи въ ея скалахъ и озерахъ.

Намъ предстояла поѣздка къ одному изъ самыхъ величественныхъ и оригинальныхъ памятниковъ финской природы: мы ѣхали на знаменитый Пунга-Хари или Свиной-Хребетъ, который потому только не пользуется большей популярностію у европейскихъ туристовъ, что никто изъ нихъ не заглядывалъ кажется еще въ пустынный Саволаксъ.

Послѣ утренняго кофею мы выѣхали изъ Кеселакса. Дорога перебѣгала по-прежнему съ одной возвышенности на другую, и черезъ часъ привела насъ въ маленькую деревушку Пулкала-Мега, раскинутую на вершинѣ высокаго холма, въ центрѣ обширной массы горъ, которыя безъ конца тянулись во всѣ стороны. Открылся видъ, какого мы до-сихъ-поръ еще не встрѣчали: обширный кругъ, среди котораго мы остановились на самой возвышенной точкѣ, развертываясь верстъ на сорокъ въ діаметрѣ, представлялъ необозримую панораму, съ безчисленными отѣнками зелени, замкнутую со всѣхъ сторонъ горами.

Чтобъ попасть на Свиной-Хребетъ, намъ слѣдовало отъ станціи Кириавалы ѣхать пятнадцать верстъ боковой дорогою. Бесплодная сторона, которую мы видѣли до-сихъ-поръ, показалаась бы оживленнымъ садомъ въ сравненіи съ ожидавшей насъ пустынею. Сначала мы вѣхали въ

мелкій, но довольно-густой лѣсъ. Узкая, едва проѣзжая дорога была до-того дика, что лошадь бѣжала по цвѣтамъ и молодымъ березкамъ, а колеса таратайки катились по глубокимъ колеямъ, полuzаросшимъ травою, и мы должны были ежеминутно нагибаться, чтобъ защитить глаза отъ нависшихъ повсюду вѣтвей. Затѣмъ дорога пошла по горамъ съ крутыми подъемами и обрывистыми спусками, карабкаясь по обнаженнымъ лысынамъ гранита, гдѣ съ глухимъ гуломъ катилась наша таратайка, и звонко стучали подковы лошади. Одна только финская неутомимая и ловкая лошадка въ состояннн спустить васъ цѣлымъ и невредимымъ съ этихъ головоломныхъ утесовъ.

Только что мы выѣхали со станціи, какъ обернувшись нечаянно назадъ, я увидѣлъ, что за нами опять бѣжитъ другой проводникъ. Помня урокъ, полученный въ прошедшую ночь, я тотчасъ же остановился и пригласилъ его сѣсть въ таратайку. Онъ отрицательно кивнулъ головою и продолжалъ бѣжать за нашей тележкой. Я начиналъ уже думать, что этотъ человекъ былъ совсѣмъ неприкосновенъ къ нашей поѣздкѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ онъ черезъ нѣсколько минутъ исчезъ въ лѣсу; но каково же было мое удивленіе, когда проѣхавъ версть семь, я увидѣлъ его снова. Онъ сидѣлъ на камнѣ и преспокойно курилъ свою коротенькую трубочку. Такъ какъ мы ѣхали очень-тихо, то вѣроятно этотъ скороходъ пробѣжалъ черезъ лѣсъ, по какой-нибудь ближайшей тропинкѣ. Съ дымящеюся трубкою онъ снова пустился, какъ паровозъ, впереди нашего поѣзда. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась непроходимѣе: по сторонамъ лежали страшныя массы гранита, оторванныя отъ горъ и разбросан-

ныя въ дикомъ безпорядкѣ. Намъ попадались не разъ поселяне: это особый типъ горцевъ, не похожій на другихъ Финновъ. Они сидѣли на маленькихъ лошадакахъ своихъ съ какою-то гордой посадкой, не совсѣмъ обыкновенной у простыхъ земледѣльцевъ. Угрюмыя лица ихъ были въ половину закрыты длинными прядями рыжихъ волосъ, и глаза сурово сверкали изъ-подъ широкихъ полей шляпы. У каждаго по сторонамъ сѣдла висѣли сумки, плетенныя изъ лыкъ, а за поясомъ заткнутъ былъ большой ножъ въ кожаномъ чехлѣ. Версть пять проѣхали мы еще, вслѣдъ за бѣгущимъ впереди скороходомъ. Вдругъ открылся крутой спускъ по голому гранитному черепу. Таратайки остановили и насъ попросили сойти. Извозчикъ съ неутомимымъ бѣгуномъ взяли за поводъ лошадей и начали осторожно сводить ихъ съ горы. И такъ бѣдный Чухонецъ бѣжалъ больше двѣнадцати верствъ, чтобы только спустить таратайку съ этого возвышенія. До Путтико оставалось меньше версты, и мы дошли туда пѣшкомъ, въ самомъ блистательномъ расположеніи аппетита. Не смотря на страшную глушь, въ которую заброшена эта станція, завтракъ нашъ при дополненіи взятыхъ изъ Петербурга запасовъ и вина, оказался довольно удовлетворительнымъ. Отсюда намъ оставалось ѣхать четырнадцать верствъ до Туансари, и на этомъ то пути лежитъ знаменитый Свиной-Хребеть. Подкрѣпленные завтракомъ и купаньемъ въ ближайшемъ озерѣ, мы поѣхали къ этому чухонскому чуду. Черезъ полчаса очутились мы на берегу одного изъ безчисленныхъ рукавовъ громаднаго Саймы. У берега стоялъ паромъ. Не

отпрягая лошадей и не выходя из таратаекъ, переправились мы черезъ узкій проливъ и передъ нами открылся славный Пунга-Хари.

Представьте себѣ гранитную скалу, въ семь верстъ длиною, брошенную поперекъ озера въ видѣ исполинскаго моста и отдѣленную отъ обоихъ береговъ узкими проливами, изъ которыхъ одинъ мы только что перѣѣхали, а другой оставался впереди. Этотъ чудовищный каменный хребетъ природа создала съ удивительной правильностью, съ непостижимою симметрией. Обѣ стороны его зубчатыхъ боковъ какъ будто вырублены по рисунку: если на право отъ скалы отдѣляется остроконечный мысъ или въ гранитную массу врѣзывается округленный заливъ, то и налѣво противъ нихъ вы увидите мысъ или заливъ, точно такой же формы, того же самаго размѣра. Всякому фестону въ прихотливомъ очертаніи одной стороны этой фантастической громады соответствуетъ такой же фестонъ и съ другой стороны. Почти посерединѣ скалы отдѣляются отъ нея съ обоихъ боковъ два огромные симметрическіе отрога, какъ будто исполинскія крылья этого чудовищнаго каменнаго дракона. Сложите вдвое листъ бумаги, вырѣжьте изъ нея продолговатую фигуру съ закругленными и острыми зубцами, потомъ разогните эту симметрическую вырѣзку — и вы получите наглядное понятіе о формѣ Свиного-Хребта. Замѣьте еще, что этотъ семиверстный мостъ мѣстами суживается до размѣровъ какого нибудь проселочнаго мостика, мѣстами расширяется на нѣсколько десятковъ саженъ, и то опускается почти до поверхности самой воды, то поднимается саженъ до двадцати надъ озеромъ;

а по самому гребню его бѣжитъ почтовая дорога, обнесенная на крутыхъ мѣстахъ барьеромъ изъ гранитныхъ необтесанныхъ глыбъ и стѣнами высокихъ сосенъ, которыя тянутся изъ конца въ конецъ, опускаясь по бокамъ хребта до самой воды и одѣвая его сплошнымъ зеленымъ покровомъ. Этотъ-то оригинальный, величественный утесъ, выдвинутый по объясненію Куторги со дна моря, дѣйствіемъ подземнаго огня въ геологическую эпоху, неприхотливое воображеніе Финновъ сравнило со спиною свиньи и дало ему названіе Пунга-Хари.

Мы ѣхали шагомъ по гладкой, прекрасной дорогѣ. Съ обѣихъ сторонъ поднимались высокой стѣною тонкія сосны; направо эта стѣна казалась почти черною, налѣво она желтѣла, освѣщенная золотистыми брызгами солнца. Мѣстами стѣна эта кое-гдѣ прерывалась, и сквозь этотъ проломъ виднѣлось озеро. Съ каждой стороны у него былъ особый цвѣтъ, другая фізіономія. На востокъ закрытая скалою часть озера казалась неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, отражавшимъ на гладкой поверхности своей всю тѣнь колоссальнаго хребта, покрытаго густою щетиною сосенъ; западный же бассейнъ, обращенный къ вѣтру, волновался крупной зыбью, и по немъ солнечныя брызги играли, какъ живое золото. Это одна изъ самыхъ оригинальныхъ картинъ, какія я видѣлъ въ Финляндіи.

Почти на половинѣ хребта дорога огибаеть особый холмъ, на которомъ стоитъ небольшой чистенькій домикъ съ бельведеромъ. Это мыза или скорѣе дача какого то помѣщика. Она построена на самой возвышенной

точкѣ этого громаднаго утеса, и намъ заранѣе совѣтовали полюбоваться видомъ изъ верхнихъ оконъ домика. Мы остановились и начали взбираться на гору по узенькой крутой тропинкѣ. Туда есть въѣздъ съ самой дороги, но мы давно уже его миновали. Послѣ самага головоломнаго шествія, усталые и измученные, поднялись мы на площадку, къ самому подъѣзду домика. На крыльцѣ насъ встрѣтила старушка въ красномъ шерстяномъ платьѣ и огромномъ коленкоровомъ чепцѣ. На поклонъ нашъ она отвѣчала низкимъ и чрезвычайно быстрымъ книксеномъ. Начался лаконическій разговоръ съ помощью нашего дорожнаго діалога.

— Гиве пейвэ! здравствуйте!

— Гиве пейвэ!

— Дома хозяинъ мызы?

— Нѣтъ.

— Нельзя ли взойти наверхъ?

— Можно.

Старушка оказалась эконолкою и блостительницею этого чухонскаго замка. Она загремѣла ключами, провела насъ черезъ нижнія комнаты на бельведеръ и оттуда въ небольшую открытую галерею. Передъ нами развернулась обширная картина. Свиной-Хребетъ лежалъ у ногъ нашихъ всею своею массою, отбрасывая по сторонамъ свои крылья, густо опушенные зеленью, и выказывая всѣ извивы своихъ странныхъ, симметрически-причудливыхъ очертаній. Отсюда вы еще болѣе удивляетесь его необыкновенной правильности, еще яснѣе видите эту прихотливую игру природы. Въ самомъ дѣлѣ это одно

изъ чудесъ Финляндіи и безспорно одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ видовъ во всей Европѣ. Не хотѣлось оторваться отъ этой картины, которая открывалась передъ нами, какъ въ панорамѣ, въ безчисленныхъ переливахъ свѣта и тѣни. Закуривъ сигары, мы сѣли на галереѣ.

— Не хотите ли, господа, кофе? спросилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Мысль недурная, но развѣ здѣсь трактиръ!

— А на что намъ трактиръ: въ Финляндіи каждая старуха варить кофе изъ любви къ искусству.

— Но вѣрно не всякая угощаетъ имъ незнакомыхъ людей.

— А вотъ увидимъ!

Товарищъ мой подошелъ къ нашей хозяйкѣ, которая стояла въ дверяхъ и повидимому была очень довольна, что мы восхищались живописнымъ видомъ ввѣреннаго ея смотрѣнію жилища.

— Можете вы приготовить намъ кофе?

— Сей-часъ.

За этимъ отвѣтомъ слѣдовалъ быстрый книксенъ, и старушка бойко побѣжала съ лѣстницы. Не прошло пяти минутъ, какъ она явилась снова съ большимъ кофейникомъ и кувшиномъ ароматическихъ сливокъ. Кофе былъ приготовленъ безукоризненно-хорошо: видно было, что хозяйка наша занималась этимъ предметомъ съ любовью. Мы выпили по двѣ довольно-объемистыхъ чашки, къ явному удовольствію старушки.

— Теперь посмотримъ, что стоитъ нашъ пирь! замѣтилъ я.

— Вѣроятно, бездѣлицу! сказалъ мой товарищъ. Я говорилъ, что здѣсь старухи варятъ кофе изъ одного наслажденія этимъ процессомъ, и докажу это наглядно.

Онъ высыпалъ изъ кошелька нѣсколько серебряныхъ денегъ, полтинниковъ и разной мелочи, и поднесъ ихъ на ладони къ нашей хозяйкѣ.

— Возьмите, что слѣдуетъ.

Мы ждали, чѣмъ это кончится. Старушка подошла, посмотрѣла на деньги, взяла двадцать-пять копѣекъ серебромъ и поблагодарила тремя низкими книксенами, отъ которыхъ длинныя лопасти чепца ея развѣвались, какъ крылья летучей мыши. Вотъ свѣтлыя стороны патриархальныхъ нравовъ!

По той же тропинкѣ спустились мы къ нашимъ таратайкамъ. Не останавливаясь проѣхали мы другую половину Пунга-Хари и скоро остановились передъ проливомъ. Онъ нѣсколько шире перваго, и при сильномъ вѣтрѣ здѣсь переправа довольно затруднительна. Не смотря на то, на паромѣ не было ни одного мужчины: три оборванныя старухи гребли веслами съ неумолкавшей во всю дорогу перебранкой. Паромъ прошелъ мимо небольшого гранитнаго островка, гдѣ среди густой зелени виднѣлся маленькій павильонъ. Мы взяли лодку и изъ оконъ этой бесѣдки въ послѣдній разъ простились съ живописнымъ Пунга-Хари. Прогулка наша по этой испанской скалѣ продолжалась болѣе двухъ часовъ.

Отъ Туансары мы поѣхали на Нейшлотъ. Весь этотъ переѣздъ отличается видами дикими и въ тоже время грандіозными. Солнце начинало уже спускаться за горы, и длинныя тѣни ложились отъ нихъ по озерамъ, когда

передъ нами показались высокія башни Нейшлотскаго-замка. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ гостинницѣ, за давно желаннымъ обѣдомъ, и бесѣдовали на родномъ языкѣ съ г. Тюнкиненомъ, однимъ изъ самыхъ любезныхъ и болтливыхъ трактирщиковъ во всей старой и новой Финляндіи.

отъ вѣстоу...
-отъ...
пѣва...
-са...
й...
V. ...

НЕЙШЛОТЪ.

Утромъ разбудилъ насъ заунывный крикъ ночнаго сторожа или клоkena, который по старому шведскому обычаю во всѣхъ финляндскихъ городахъ приглашаетъ ежедневно ко сну и пробужденію. Трактирщикъ принесъ намъ кофе и цѣлый запасъ разсказовъ. Не смотря на свое чухонское происхожденіе, онъ оказался сродни испанскому Фигаро, по крайней мѣрѣ по любви къ новостямъ. Онъ такъ неутомимо работалъ языкомъ, что черезъ часъ мы знали уже подробно не только общественную, но и частную жизнь добраго города Нейшлота. При первомъ намекѣ съ нашей стороны, почтенный Тюнкиненъ не замедлилъ предложить себя въ качествѣ чичероне для осмотра городскихъ рѣдкостей.

Мы отправились въ Нейшлотскій замокъ, который былъ когда-то самой значительной крѣпостью во внутренней Финляндіи. Онъ построенъ Шведами въ концѣ XV вѣка, на небольшомъ островѣ, брошенномъ природою между двумя узкими проливами, соединяющими два главные бассейна громаднаго Саймы. По Абоскому договору крѣпость досталась Русскимъ. Ее возобновляли

и укрѣпляли всякій разъ, какъ только начинались несогласія съ Швеціею. Въ послѣдній разъ Нейшлотъ приведенъ былъ въ оборонительное состояніе Суворовымъ. Но съ присоединеніемъ къ Россіи западной Финляндіи крѣпость эта сдѣлалась совсѣмъ ненужною и уволена въ чистую отставку.

Въ настоящее время весь гарнизонъ Нейшлотской крѣпости состоитъ изъ одного дряхлаго инвалида, проживающаго въ ней въ качествѣ сторожа. Какъ только мы переправились на лодкѣ черезъ проливъ, гарнизонъ этотъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и пригласилъ путешественниковъ въ свою квартиру. Инвалидъ занимаетъ цѣлый комендантскій домъ и помѣщается съ полнымъ комфортомъ: въ одной комнатѣ хранится его гардеробъ, состоящій изъ шинели и пары сапоговъ, въ другой провіантъ въ видѣ муки и картофеля. Добрый старикъ повелъ насъ по своей крѣпости.

Гранитныя стѣны Нейшлотскаго замка стоятъ на цѣльной гранитной скалѣ. Онѣ замыкаются четырьмя башнями съ коническими крышами. На одной изъ этихъ массивныхъ башенъ сохранились желѣзныя четырехугольныя доски, на которыхъ были, говорятъ, какіе-то шведскіе гербы; одинъ изъ нихъ и теперь еще не совсѣмъ изгладился. Но я не знатокъ въ геральдикѣ и не могу сказать ничего о смыслѣ этихъ іероглифовъ. Не смотря на то, что крѣпость очень невелика, мы прошли множество корридоровъ, галерей и погребовъ, мрачныхъ и сырыхъ, съ массивными желѣзными дверями и запорами. Тюнकिनенъ непременно хотѣлъ показать намъ нейшлотскія подземелья, гдѣ во времена шведскаго влады-

чества содержались государственные арестанты. Съ фонаремъ опустились мы въ глубокіе подвалы: отъ стѣнъ ихъ, густо покрытыхъ плесенью, вѣетъ могильной сыростью, а на сводахъ, отъ постоянно наклоняющейся влаги, образовались блестящіе сталактиты. Эти темныя норы вполнѣ гармонируютъ съ мѣстной природою: темницы въ Финляндіи такъ же мрачны и безотвѣтны, какъ ея лѣса и скалы. Въ парижской бастиліи и венеціанскихъ пьомбахъ заключенные по крайней мѣрѣ оставляли по себѣ память, нарѣзывая на стѣнахъ какія нибудь надписи или девизы. Въ шведской тюрьмѣ вы не найдете ни одного имени: эта мрачная oubliette безотвѣтнѣ самой могилы, въ безмолвіи ея нѣтъ даже эха. Въ стѣнахъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, есть кое-гдѣ промежутки, выложенные кирпичемъ: инвалидъ сказалъ намъ, что по выломкѣ его найдены были человѣческія кости съ обломками ржавыхъ цѣпей—слѣды замурованныхъ нѣкогда въ эти стѣны преступниковъ. Мы спѣшили выдти. Казематы въ западной башнѣ показались намъ палацемъ, послѣ этого душнаго подземелья. Мы поблагодарили гарнизонъ мирной крѣпости серебряной монетою, и онъ отсалютовалъ насъ громкимъ: счастливо оставаться!

Въ самомъ городѣ смотрѣть было нечего. Ратуша отличается отъ другихъ деревянныхъ домовъ только тѣмъ, что на крыльцѣ ея поставлены большіе часы довольно уродливой формы. На небольшой площади русская церковь, построенная очень просто, но прилично. Противъ крѣпости разведенъ миниатюрный садикъ, но говорить, въ немъ никто не гуляетъ; жители въ лѣтніе

вечера отправляются обыкновенно на окрестные острова. Въ шведскія времена городъ былъ значительнѣе: теперь въ немъ около восьми сотъ жителей и не больше пяти лавокъ. Тюнкиненъ горько жалѣлъ, что при раздѣленіи Финляндіи на губерніи Сенъ-Микело отдано предпочтеніе надъ Нейшлотомъ: по его словамъ, послѣдному предстоитъ съ окончаніемъ Сайменскаго канала блестящая будущность. Въ этомъ конечно есть доля правды. Съ открытіемъ канала Нейшлотъ будетъ центромъ обширнаго воднаго сообщенія, покрывающаго большую половину Финляндіи. Сайма съ своими безчисленными рукавами и отрогами служитъ главнымъ звѣномъ водной сѣти, которая на пространствѣ шести-сотъ верстъ раскидывается отъ Ладожскаго озера и Финскаго залива до крайнихъ предѣловъ Саволакса и Карелии,—и въ этомъ лабиринтѣ водъ ни одно судно не можетъ миновать Нейшлота, проходя изъ сѣверныхъ бассейновъ въ южные. Впрочемъ, это еще ничего не доказываетъ: и при подобныхъ условіяхъ городъ можетъ быть ничтожнымъ—живое свидѣтельство Шлиссельбургъ.

Въ Нейшлотѣ мы нашли неожиданное знакомство, при обстоятельствахъ довольно любопытныхъ. Еще въ Петербургѣ мы слышали отъ любителей о знаменитой финской наливкѣ, извѣстной подъ именемъ мамуровки, которая славится не менѣе Выборгскихъ кренделей и торнеоскихъ перчатокъ. Въ Сердоболѣ намъ удалось только попробовать свѣжей мамуры: это ягода чернаго цвѣта, похожая нѣсколько на малину, но совсѣмъ другаго вкуса. Тюнкиненъ, не смотря на свою услужливость, не могъ также угостить насъ этой наливкою, увѣряя, что

ее нѣтъ въ продажѣ, и только немногіе любители готовятъ для домашняго употребленія. Онъ совѣтовалъ намъ поискать мамуровки въ Петербургѣ, въ милотинныхъ лавкахъ. Мы теряли уже надежду попробовать этого чухонскаго нектара. Теперь, возвращаясь изъ крѣпости въ гостинницу, мы проходили мимо одного чистенькаго домика; на окнѣ его стояло нѣсколько бутылокъ, которыя сверкали на солнцѣ разноцвѣтными отливами, какъ флажки, выставляемые на окнахъ петербургскихъ аптекъ. На одной изъ этихъ бутылокъ мы увидѣли этикетку съ крупной надписью: мамуровка.

— Видите ли, любезный Тюнкиненъ — сказалъ я: въ Нейшлотѣ есть мамуровка; мы сей часъ ее попробуемъ.

— Какъ можно! вамъ не продадутъ: это домъ священника.

— Ужъ какъ хотите, а достать надобно.

Тотчасъ же отправили мы изъ гостинницы мальчика сказать владѣтелю вождеденнаго напитка, что путешественники изъ Петербурга, желающіе ознакомиться съ финскими произведеніями, покорнѣйше просятъ уступить рюмки три мамуровки. Мальчикъ скоро воротился съ отвѣтомъ, что наливка не продажная, а если мы желаемъ ее попробовать, то хозяинъ проситъ насъ пожаловать на завтракъ. Эта любезная внимательность не позволяла отказать: мы отправились тотчасъ же.

Бодрый почтенный старикъ принялъ насъ просто и радушно. Онъ ввелъ насъ въ опрятно убранную комнату, гдѣ мы нашли накрытый столъ, и на немъ свѣжее чухонское масло, котлеты и нѣсколько бутылокъ, между которыми красовалась и завѣтная мамуровка. Мы отре-

комендовались. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, необходимыхъ при первомъ знакомствѣ, завязался разговоръ о Финляндіи. Хозяинъ нашъ оказался страстнымъ поклонникомъ этого края, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ веселымъ и очень пріятнымъ. Черезъ полчаса мы уже бесѣдовали за рюмками мамуровки, какъ старые знакомые.

Отъ финляндской природы разговоръ обратился на исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ на отсутствіе памятниковъ и народныхъ преданій. Я шутя замѣтилъ, что по осмотрѣ Нейшлотскаго замка, мы не вынесли изъ него ни одного рассказа, и въ качествѣ записывающихъ туристовъ выразилъ объ этомъ свое сожалѣніе.

— Такъ вамъ хочется вѣрно нейшлотской легенды? спросилъ нашъ хозяинъ.

— По крайней мѣрѣ какого нибудь интереснаго рассказа о замкѣ, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ я надѣюсь услужить вамъ рассказомъ не только интереснымъ, но и достовѣрнымъ; онъ будетъ для васъ тѣмъ любопытнѣе, что тутъ дѣло идетъ не объ одномъ Нейшлотѣ, но и объ Суворовѣ.

— Вы нашъ спаситель! вскричалъ я.

Нашъ любезный хозяинъ, не заставляя себя просить, передалъ намъ слѣдующій историческій рассказъ.

Въ 1791 году, по случаю непріязненныхъ отношеній съ Швеціею, Суворовъ получилъ начальство надъ войсками, расположенными въ Финляндіи, и повелѣніе возобновить наши укрѣпленія на шведской границѣ. Нейшлотъ въ то время по своему положенію былъ важнѣйшею пограничною крѣпостью во всей сѣверной части русской Финляндіи. Со дня на день ждали туда главно-

командующаго. Наконецъ въ одинъ день явился курьеръ съ извѣстіемъ, что графъ выѣхалъ уже изъ Фридрихсгама, гдѣ была его главная квартира, и завтра будетъ въ Нейшлотѣ.

Настало давножданное утро. День былъ весенній, свѣтлый и теплый. Съ разсвѣтомъ въ городѣ начались приготовленія къ приему дорогаго гостя. Небольшой деревянный домъ, въ которомъ помѣщались нейшлотскія присутственныя мѣста, былъ убранъ цвѣтными коврами и флагами. На пристани передъ крѣпостью стоялъ уже большой десяти-весельный катеръ, покрытый краснымъ сукномъ. Въ залѣ городского дома собрались бургомистръ, комендантъ крѣпости, офицеры, чиновники и почетные жители. Улица покрыта была народомъ. Всѣ посматривали на михельскую дорогу, куда отправленъ былъ крестьянинъ верхомъ, съ приказаніемъ дать знать, какъ только покажется графъ. Суворова знали во всей старой Финляндіи еще съ 1773 года, когда онъ по порученію Императрицы обозрѣвалъ этотъ край. Нейшлотскій бургомистръ былъ въ то время при какой-то депутаціи и видѣлъ его не одинъ разъ, а комендантъ крѣпости, Подполковникъ М., служилъ прежде подъ начальствомъ графа въ какомъ-то походѣ. Прошло часа три въ ожиданіи знаменитаго гостя.

Между тѣмъ небольшая двухъ-весельная лодка подошла къ пристани. Въ ней сидѣли два Финна въ простыхъ крестьянскихъ балахонахъ и широкополыхъ шляпахъ, опущенныхъ по обыкновенію на самые глаза. Одинъ усердно работалъ веслами, другой управлялъ рулемъ. Лодку не пустили на пристань, и она должна была по-

дойти къ берегу нѣсколько дальше. Старикъ, сидѣвшій у руля, вышелъ на берегъ и началъ пробираться къ городскому дому. Въ это время на другомъ концѣ улицы у михельскаго вѣзда показался крестьянинъ на бойкой шведской лошади; онъ скакалъ во весь опоръ и махалъ рукою. Все пришло въ движеніе. Бургомистръ, комендантъ, депутаты вышли изъ залы и расположились поперекъ улицы съ хлѣбомъ и солью. Всѣ глаза обратились на михельскую дорогу въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Старикъ съ трудомъ пробрался между толпами къ дверямъ городского дома. У входа его остановилъ полицейскій солдатъ.

— Куда, куда ты? закричалъ онъ по-чухонски.

— Къ господину бургомистру, сказалъ старикъ.

— Нельзя.

— Я по дѣлу.

— Какія теперь дѣла... ступай пречь!

— Бургомистра по закону всякій можетъ видѣть, продолжалъ старикъ съ обыкновенной у Финновъ настойчивостью.

— Сегодня нельзя.

— Отчего же?

— Ждутъ царскаго большаго генерала... Убирайся!

Старикъ смиренно выбрался изъ толпы.

Въ это время народъ заволновался: вдали показалась коляска. Городскія власти и депутаты выровнялись; народъ началъ снимать шляпы. Коляска подъѣхала, и изъ нея вышло трое военныхъ. Бургомистръ и комендантъ двинулись навстрѣчу, но съ удивленіемъ замѣтили, что Суворова между ними не было. Поздравя прибывшихъ

съ благополучнымъ прїѣздомъ, комендантъ освѣдомился о фельдмаршалѣ.

— А развѣ графъ не прїѣхалъ? спросилъ одинъ изъ генераловъ.

— Никакъ нѣтъ! отвѣчалъ озадаченный комендантъ.

— Онъ выѣхалъ водою прежде насъ, и вѣрно сейчасъ будетъ.

Городскія власти встревожились. Депутация вмѣстѣ съ прибывшими генералами отправилась къ пристани. Посадили въ лодку гребцовъ и послали ее въ озеро, въ ту сторону, откуда надобно было ждать графа. Толпы народа хлынули на возвышеніе, съ котораго открывается видъ на юго-западную часть Саймы. Прошло съ полчаса. Нетерпѣливое ожиданіе выражалось на всѣхъ лицахъ.

Вдругъ за проливомъ изъ стѣнъ крѣпости пронесся стройный гулъ сотенъ голосовъ, и однимъ громовымъ крикомъ пролетѣлъ по тихой поверхности озера.

— Не проѣхалъ ли графъ прямо въ крѣпость? спросилъ одинъ изъ прїѣхавшихъ генераловъ.

— У насъ вездѣ часовые! отвѣчалъ комендантъ.

Не смотря на то, въ крѣпость тотчасъ же послали офицера, узнать что тамъ дѣлается. Между-тѣмъ всѣ съ нетерпѣніемъ посматривали то на озеро, то на крѣпостныя стѣны. Вдругъ громъ пушечнаго выстрѣла потрясъ всѣ сердца, гулъ отгрянулъ по окрестнымъ горамъ, и густое облако дыма взвилось надъ одною изъ крѣпостныхъ башенъ. За нимъ грянулъ другой, третій выстрѣлъ. Народъ бросился къ крѣпостному проливу.

— Фельдмаршалъ въ крѣпости! сказали въ одинъ голосъ генералы.

Въ эту минуту отъ крѣпостной пристани показалась лодка съ посланнымъ офицеромъ. Черезъ минуту онъ былъ уже на берегу.

— Графъ Суворовъ—сказалъ онъ, подходя къ коменданту — осмотрѣлъ крѣпость и проситъ къ себѣ васъ и всѣхъ желающихъ ему представиться.

Всѣ остолбенѣли. Комендантъ, бургомистръ, приѣзжіе генералы, депутаты и городскіе чиновники поспѣшно сѣли въ катеръ и лодки, и переправились въ крѣпость. Гарнизонъ выстроенъ былъ подъ ружьемъ на крѣпостномъ плацѣ, канониры стояли при орудіяхъ, а Суворовъ съ священникомъ и друмя старшими офицерами былъ на юго-западной башнѣ. Унтеръ-офицеръ прибѣжалъ оттуда и объявилъ, что графъ проситъ всѣхъ на верхъ.

Тутъ узнали, что Суворовъ съ часъ уже въ крѣпости, что онъ приѣхалъ въ крестьянской лодкѣ съ однимъ гребцомъ, въ чухонскомъ кафтанѣ, строго приказалъ молчать о своемъ приѣздѣ, пошелъ прямо въ церковь, приложился къ кресту, осмотрѣлъ гарнизонъ, арсеналь, лазаретъ, казармы и приказалъ сдѣлать три выстрѣла изъ пушекъ.

Озадаченные такой неожиданной развязкою, нейшлотскіе сановники поспѣшно поднимались по узкимъ каменнымъ лѣстницамъ на высокую угольную башню. Въ самомъ верхнемъ ярусѣ они остановились на площадкѣ, едва переводя духъ отъ усталости, и увидѣли бодрого худощаваго старика въ широкополой шляпѣ и сѣромъ чухонскомъ балахонѣ, подъ которымъ виднѣлся мундиръ Преображенскаго полка съ широкой георгіевской лен-

тою черезъ плечо. Это былъ Суворовъ. Приставя къ лѣвому глазу сложенные одинъ на другой кулаки, онъ обзрѣвалъ въ эту импровизированную трубу окрестности замка, и не замѣчая повидимому присутствія нейшлотскихъ чиновъ, говорилъ вслухъ:

— Знатная крѣпость! помилуй Богъ, хороша! Рвы глубоки, валы высоки, черезъ стѣны и лягушкѣ не перепрыгнуть!... Сильна, очень сильна! съ однимъ взводомъ не возьмешь!... Былъ бы хлѣбъ, да вода—сиди да отсиживайся! пули не долетятъ, ядры отскочатъ!... Гуляй, играй, пой пѣсни, бей въ барабанъ!... Непріятель посидитъ, зубовъ не поточить.... Фашинникъ не поможетъ, лѣстницы не нужны.... Помилуй Богъ, хорошая крѣпость!

Вдругъ онъ опустилъ руки, быстро повернулся на одной ногѣ и съ важнымъ видомъ остановился передъ нейшлотскими властями, которыя не успѣли еще отдохнуть отъ восхожденія своего на вершину высокой башни. Командантъ выступилъ впередъ и подалъ рапортъ. Не развертывая его, Суворовъ быстро спросилъ:

— Сколько гарнизона?

— Семьсотъ двадцать человѣкъ, — отвѣчалъ командантъ, знакомый съ лаконизмомъ своего бывшаго начальника.

— Больные есть?

— Шестеро.

— А здоровые здоровы?

— Всѣ до одного.

— Муки много? крысы не голодны?

— Разжирѣли всѣ.

— Хорошо! помилуй Богъ, хорошо! А я успѣлъ у васъ помолиться, и крѣпость посмотрѣлъ, и солдатиковъ поучилъ. Все хорошо. Аминь! Пора обѣдать.... Есть чухонская похлебка?

Бургомистръ объяснилъ фельдмаршалу, что обѣдъ приготовленъ въ городскомъ домѣ. Суворовъ быстро повернулся и скорыми шагами пошелъ съ башни. Всѣ отправились за нимъ почти бѣгомъ. Онъ еще разъ обошелъ ряды солдатъ, и оборотясь къ коменданту приказалъ выдать имъ по чаркѣ водки. Замѣтно было, что Суворовъ въ хорошемъ расположеніи духа и всѣмъ доволенъ. Наконецъ онъ напомнилъ еще разъ, что пора обѣдать и сѣлъ въ катеръ.

Между-тѣмъ бургомистръ уѣхалъ впередъ и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, такъ что обѣдъ въ городскомъ домѣ былъ уже совершенно готовъ, и водка стояла на особомъ столикѣ. Знаменитый гость не хотѣлъ сѣсть въ приготовленную для него коляску: отъ пристани до самаго городекаго дома шелъ онъ пѣшкомъ, въ своемъ сѣромъ балахонѣ и на привѣтствія народа приподнималъ безпрестанно обѣими руками свою широкополую шляпу. Костюмъ его возбудилъ въ городѣ общее удовольствіе.

При входѣ въ городской домъ онъ спросилъ полицейскаго солдата, который не хотѣлъ пустить его къ бургомистру. Солдата отыскали. Онъ былъ въ отчаяніи. Суворовъ весело мигнулъ ему и сказалъ по-чухонски:

— Можно видѣть г. бургомистра? я по дѣлу!

Солдатъ молчалъ, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи.

— У! какой строгій! сказалъ Суворовъ, обращаясь къ свитѣ. Помилуй Богъ, строгій! не пустилъ чухонца, да и голько!... А? можно видѣть г. бургомистра?

Бѣднякъ мочлалъ по-прежнему. Суворовъ опять подмигнулъ ему, потомъ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и отдалъ солдату.

Войдя въ комнату, Суворовъ снялъ свой кафтанъ, поспѣшно подошелъ къ переднему углу, гдѣ нарочно для него поставили образъ, и въ-слухъ началъ читать молитву. За столомъ онъ былъ очень веселъ, ѣлъ съ аппетитомъ, рассказывалъ анекдоты, спрашивалъ бургомистра о разныхъ подробностяхъ касательно его семейства и всѣхъ очаровалъ своимъ вниманіемъ.

На другой день онъ принялся за дѣла—и въ короткое время привелъ Нейшлотскую крѣпость въ оборонительное состояніе.

Суворовъ вполнѣ привязалъ къ себѣ Финляндцевъ, и едва ли въ самой Россіи можно найти мѣсто, гдѣ имя его до сихъ поръ было бы такъ популярно во всѣхъ сословіяхъ народа.

Я поблагодарилъ хозяина нашего за этотъ любопытный рассказъ.

— Больше я право ничего не знаю, господа — сказалъ онъ. Но хотите ли, я еще услужу вамъ? Вы ѣдете въ С. Миккель.... ночуйте въ Рандасалѣ. Это прекрасная станція, а хозяинъ ея Русскій и мой добрый пріятель. У него по случаю каникулъ гоститъ теперь племянникъ, студентъ Гельсингфорскаго Университета. Я попрошу васъ передать ему небольшую посылку, а онъ отблагодаритъ васъ разговоромъ о рандасальскомъ гастгеберствѣ.

VI.

РАНДАСАЛА.

Съ Иналампи, второй станціи отъ Нейшлота, характеръ края измѣнился: горы исчезли, открылась сторона низменная, однообразная. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на дикій, но живописный Саволаксъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись небольшія, едва обозначенныя возвышенности, обширныя болота и низменные печальные острова на неподвижныхъ водахъ какого-нибудь залива, можетъ быть одного изъ отроговъ Саймы. Это озеро преслѣдуетъ васъ по всѣмъ дорогамъ внутренней Финляндіи: вы вѣчно кружитесь въ безконечномъ лабиринтѣ, въ прихотливыхъ изгибахъ этого дикаго, оригинальнаго водоема, не похожаго ни на какія воды въ мірѣ. На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ эта безобразная масса отдѣляетъ отъ себя тысячи рукавовъ, которые стоятъ съ мертвой неподвижностью въ глухой рамѣ гранитныхъ скалъ, или шумно переливаются по каменнымъ порогамъ въ другіе чудовищные водоемы.

Сторона эта представляла удивительно грустное зрѣлище. Съ полей поднимался синеватый дымъ отъ тлѣв-

шихъ кучь валежника и моха, и около него стояли коровы и телята, печально обмахиваясь хвостами отъ докучныхъ комаровъ, которые не переставали тревожить ихъ и посреди этой ѣдкой гари. Мѣстами дымъ увеличивался до того, что взвивался цѣлымъ облакомъ, въ которомъ сверкали крутящіяся искры. Это лѣсные пожары, употребляемые особенно въ Карелии, для удобренія бесплодной почвы. Нѣсколько разъ мы видѣли пламя у самой дороги: огонь пробѣгаетъ тонкими языками по сучьямъ и разливаетъ густыя облака дыма. Вокругъ мрачная пустыня: тощій лѣсъ, закопченные камни, полуистлѣвшій валежникъ, рукавъ какого-то озера и дымъ, разносимый вѣтромъ. Тутъ вы видите иногда старуху, въ рубищѣ, съ распущенными волосами, съ закопчѣлымъ лицомъ, съ рукавами черными, какъ уголь, которая съ толпою такихъ же страшныхъ, полунагихъ ребятишекъ перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто пылающіе сучья, распространяя пожаръ.

Къ ночи мы пріѣхали въ Рандасалу. Недалеко отъ дороги виднѣлась церковь обыкновенной финской архитектуры. Представьте деревянный равносторонній четырехъ-угольникъ, къ которому съ cadaго бока приставлено по такому же квадратному ящику меньшаго размѣра, и ко всякому изъ этихъ фонарей прилѣплено еще по маленькому крыльцу подобной же формы—и такимъ образомъ сложено оригинальное крестообразное зданіе. Представѣте, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него стоитъ узенькая деревянная колокольня, а въ сторонѣ гдѣ-нибудь виднѣтся пасторскій домъ, и все это грязновато-краснаго цвѣта,— и вы получите ясное понятіе обо всѣхъ лютеранскихъ церквахъ въ этой части Финляндіи.

Недалеко отъ церкви стоитъ большой станціонный домъ. Служанка ввела насъ въ чистыя, очень прилично убранныя комнаты, съ порядочной мебелью и зеркалами, гдѣ посреди множества цвѣтовъ были даже два апельсинныя дерева. Эта прекрасная гостинница, какихъ вы не встрѣтите у насъ и на шоссейныхъ дорогахъ, кажется цвѣтущимъ оазисомъ посреди мрачной, дымной пустыни.

Хозяинъ, русскій купецъ, принялъ насъ очень радушно. Передъ нами явился чай съ приложеніями на англійскій манеръ. Послѣ Валаама мы въ первый разъ пили его съ удовольствіемъ. Въ Финляндіи, при всеобщемъ употребленіи кофе, совсѣмъ не умѣютъ готовить чай: его варятъ здѣсь обыкновенно въ мѣдныхъ чайникахъ или кастрюляхъ; самоваръ можно найти только въ русскихъ семействахъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился племянникъ хозяина, студентъ гельсингфорскаго университета, къ которому мы привезли посылку и письмо отъ нейшлотскаго священника. Мы скоро познакомились. Въ дружеской бесѣдѣ время шло незамѣтно. Отъ серьезнаго разговора о Финляндіи, мы перешли наконецъ къ шуткамъ, и я замѣтилъ нашему новому пріятелю, что мы слышали о какомъ-то преданіи касательно станціоннаго дома.

— Помню—сказалъ со смѣхомъ студентъ—это преданіе о старомъ рандасальскомъ гастгеберствѣ, которое прежде стояло въ полверстѣ отсюда, вдали отъ большой дороги.

— А теперь стоитъ въ развалинахъ, замѣтилъ я. Да ужъ не собираетесь ли вы попотчевать насъ какой-нибудь легендой?

— Единственной можетъ-быть чухонской легендой и притомъ очень мрачной.

— Прекрасно.... расскажите же, пожалуста.

Мы закурили сигары. Молодой знакомецъ нашъ усѣлся въ качающіеся кресла и началъ свой рассказъ.

«Въ странѣ, близкой къ полюсу, сосѣдней Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, то есть между Нейшлотомъ и Сень-Микелемъ, стояло въ старые годы пустынное, уединенное гастгеберство.

Въ этомъ гастгеберствѣ былъ разумѣется гастгеберъ.

Его звали Килли.

Килли былъ самый негостепріимный гастгеберъ во всей Старой и Новой Финляндіи.

Цѣлый день сидѣлъ онъ на станціонномъ крыльцѣ, нахлобучивъ на глаза шляпу, и угрюмо курилъ коротенькую трубочку; всю ночь спалъ онъ въ своей каморкѣ, напившись водки и храпя на весь домъ. Напрасно приѣзжій при входѣ говорилъ ему привѣтливое: *гиве пейвэ* — онъ не шевелилъ шляпы; напрасно уѣзжая обращались къ нему съ вѣжливымъ: *гивести* — въ отвѣтъ было одно упорное молчаніе.

Горе было путнику — хотя въ то время и не водилось подобныхъ вамъ любителей легендъ — котораго судьба приводила къ суровому Килли съ пустымъ желудкомъ.

Кромѣ ячменныхъ кнаке-бре и кружки кислаго-прекислаго молока, не находилъ онъ ничего. Да и то зависѣло еще отъ расположенія духа угрюмаго Килли, который держалъ самовластно въ рукахъ своихъ судьбы вашего желудка.

Горе было путнику, котораго судьба приводила къ

суровому Килли съ утомленьемъ и потребностью выпастся.

Кромѣ грязной, закопченной лачужки съ подобіемъ полуразрушенныхъ кроватей—въ домѣ не было другаго пріюта. Да и въ томъ еще не разъ отказывалъ безсовѣстный Килли.

Что ни дѣлалъ проѣзжіи, разсыпалъ ли деньги, грозилъ ли жалобою—неумолимый гастгеберъ былъ глухъ и непоколебимъ, какъ гранитный утесъ, равнодушно отражающій плескъ взволнованнаго бурей Саймы.

И вотъ одни, взглянувъ на ужинъ и постѣли, закладывали снова таратайки и пускались далѣе къ Куопио или Савонлинѣ, проклиная грязное гастгеберство. Другіе оставались, особенно когда было поздно, и разжевавъ съ помощью кислаго молока каменный кнаке-бре, ложились въ постель.

Но тутъ-то и начиналось бѣдствіе. Едва проѣзжіи закрывалъ утомленные глаза, какъ его будили самымъ ужаснымъ образомъ: въ просонкахъ казалось, будто кто-то вонзалъ въ него тысячи смертельныхъ орудій. Въ испугѣ вскакивалъ онъ съ кровати и зажигалъ огонь — въ комнатѣ никого не было.

Успокоенный путешественникъ ложился снова. Но только-что дорожный сонъ начиналъ клонить его, какъ острия орудія опять вонзались въ его тѣло, и тутъ только начиналъ онъ понимать, что это были летучіе отряды тѣхъ воинственныхъ насѣкомыхъ, которыя любятъ селиться на станціяхъ и ведутъ вѣчную войну съ проѣзжающими. Только здѣсь налетали они въ такомъ множествѣ и дѣйствовали съ такой свирѣпостью, что какъ бы

проѣзжіи не былъ закаленъ въ борьбѣ съ этими станціонными партизанами, онъ всю ночь ворочался съ боку на бокъ, почесывая пострадавшія мѣста нападеній, и ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ.

Напрасно совѣтовали угрюмому Килли принять мѣры противъ размноженія варваровъ, предлагая ему скипидаръ (персидскаго порошка тогда еще не было).

Килли отвѣчалъ на все это однимъ молчаніемъ и какою-то зловѣщею улыбкою.

— Начало не дурно! сказалъ мой товарищъ.

— И отзывается настоящей легендой! прибавилъ я.

— Конецъ будетъ еще занимательнѣе! отвѣчалъ серьезно разскащикъ, закуривая новую сигару.

«Въ одинъ осенній вечеръ, когда сырой, холодный туманъ завѣсилъ долины, вѣтеръ съ шумомъ качалъ сосновый лѣсъ, и озеро безотрадно плескало въ гранитные берега,—къ гастгеберству подъѣхало вдругъ нѣсколько таратаекъ. Это были какіе-то русскіе туристы, можетъ быть первые туристы, которые добровольно пріѣхали въ дикій Саволаксъ, и въ самое мрачное время года попали въ самый угрюмый край, въ самое негостепріимное гастгеберство во всей Финляндіи. Все это были люди молодые—кровь съ молокомъ.»

Проѣзжіе вошли на станцію. Не надѣясь поспѣть въ Савонлину, они хотѣли здѣсь почевать.

Разумѣется, прежде всего по русскому обычаю потребовали они воды на чай и водки.

Килли сидѣлъ угрюмо передъ очагомъ, на всѣ требованія путешественниковъ отвѣчалъ упрямо: энъ мойста! не понимаю! и наконецъ совсѣмъ пересталъ отвѣ-

чать и, зарядивъ себя водкою, залегъ въ своей конурѣ.

Пріѣзжіе обшарили всѣ углы и не нашли ни одной посуды, въ чемъ можно было бы вскипятить воду. Чай и водка не состоялись. Они попробовали замѣнить ихъ станціонными кнаке-бре, но не могли разжевать ихъ и голодные расположились на ночлегъ.

Одни легли на полуразвалившіяся кровати, другіе помѣстились кое-какъ на скамьяхъ и стульяхъ. Едва только путешественники погасили огонь, стараясь заглушить сномъ вопли желудка, какъ станціонные обитатели, почуявъ столько свѣжихъ гостей, вышли изъ логовищъ своихъ и летучими безчисленными отрядами бросились на кровавую трапезу. Острые дротики ихъ впились — и кровь брызнула.

Испуганные путники быстро вскочили. Принесли огня.

Съ ужасомъ увидѣли они безчисленные легионы ползающихъ и скачущихъ враговъ. Одни маневрировали по стѣнамъ, другіе торопливо убирались въ щели кроватей, прятались подъ подушки или съ крутизны тюфяковъ скакали на полъ, готовясь съ наступленіемъ темноты начать снова свой кровожадный набѣгъ. Несмотря на короткое знакомство съ подобными удовольствіями станцій и постоялыхъ дворовъ, несмотря на одолѣвающій сонъ, на сырую, холодную ночь и дикій концертъ осеняго вѣтра на водѣ и на сушѣ — путешественники рѣшились ѣхать въ Савонлину.

Они подняли такой шумъ, что въ минуту лошади были

запряжены, и самъ Килли выбрался изъ своей лачуги на крыльцо.

Взбѣшенные гости послали ему на прощанье нѣсколько крѣпкихъ привѣтствій, которыми по строгости финскаго стадга принуждены у насъ ограничиваться недовольные туристы. Въ отвѣтъ на это раздался хриплый хохоть суроваго Килли и слился съ шумомъ вѣтра и отдаленнымъ плескомъ озера. Туристы уѣхали.

— Какъ, спросилъ я, тѣмъ дѣло и кончилось?

— Напротивъ, отвѣчалъ раскащикъ, легенда здѣсь только начинается.

«На другой день на станціи разнесся слухъ, что путешественники исчезли, не доѣзжая Савонлины — можетъ быть заблудились, можетъ быть упали въ озеро. Килли былъ невозмутимъ и суровъ по-прежнему. Какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ онъ въ станціонной комнатѣ, передъ огромной печью, нахлобучивъ на глаза шляпу и кура свою трубку.

Вечеромъ онъ напился водки, ушелъ въ свою спальню и легъ въ постель. Но ему не спалось; на него напала какая-то незнакомая дрожь. Поворочавшись съ боку на бокъ, всталъ онъ съ кровати и пошелъ къ шкапу, гдѣ стояла его большая бутылъ.

Ночь была ясная, мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ окно. Выпивъ стаканъ водки, Килли съ удивленіемъ замѣтилъ, что она больше не согрѣвала его: ледяныя молніи пробѣгали у него по всей кожѣ.

Вдругъ ему показалось, будто кто-то шелеститъ по стекламъ окна, дождь не дождь, вѣтеръ не вѣтеръ, но слышно какъ шумитъ что-то и бьется за стеклами. И вотъ

яркій свѣтъ мѣсяца потемнѣлъ, точно набѣжало перелетное облачко или окно чѣмъ-нибудь занавѣсили.

Килли подошелъ къ окну и увидѣлъ, что съ наружной стороны стеклъ кишать и трепещуть мириады тѣхъ летучихъ насѣкомыхъ, которыми такъ хорошо населены были станціонныя комнаты его гастгеберства. Со страхомъ замѣтилъ Килли, какъ они ползали и скакали по окну, отыскивая входъ въ его спальню.

Килли бросился въ постель и притаилъ дыханіе. Вдругъ въ ухахъ его раздалось что-то похожее на тѣ жалобы и проклятія, какими осыпали его обыкновенно проѣзжіе, когда утомленные борьбою съ станціонными обитателями, они спѣшили изъ ужаснаго гастгеберства.

— Bravo, сказалъ я : легенда принимаетъ серьезный характеръ.

— И она кончится нравоучительно, продолжалъ разскащикъ. Вы знаете, что сказалъ Гюго: *l'histoire est parfois immoral, les contes sont toujours vertueux.*

«Пораженный ужасомъ, несчастный гастгеберъ вскочилъ съ кровати. Въ первый разъ въ жизни ноги его дрожали, и сердце сжималось отъ страха. И вотъ при свѣтѣ мѣсяца, озарившаго снова всю комнату серебристымъ блескомъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ всѣхъ щелей и трещинъ ползли и скакали страшные наѣзники. Сквозь отверстія на полу, съ потолка, изъ-подъ дверей, изъ-за печи собирались тысячи неожиданныхъ гостей, и наводняли комнату и кипѣли муравейникомъ.»

А въ ухахъ Килли еще громче раздавались проклятія и жалобы, на которыя онъ отвѣчалъ бывало злобнымъ смѣхомъ.

Килли бросился въ постель, плотно закутался въ свое одѣяло и затаилъ дыханіе. И вотъ почувствовалъ онъ, какъ міриады скачущихъ и ползающихъ гостей начали проникать подъ его платье, муравейникомъ осыпали его руки, ноги, лицо, миллионами острыхъ жалъ впились во всѣ поры его кожи и принялись жадно пить его кровь.

Дыханіе остановилось въ груди бѣднаго гастгебера; онъ хотѣлъ кричать, но голосъ замеръ, хотѣлъ пошевелиться, и члены не двигались; а въ ушахъ раздавался неумолимый голосъ: ты морилъ насъ въ своемъ грязномъ гастгеберствѣ, теперь мы отомстимъ тебѣ!

На утро Килли нашли безчувственнаго на постели. Все тѣло его было въ мелкихъ пятнахъ, какъ будто истыканное миллионами тонкихъ иголокъ.

Съ-тѣхъ-поръ гастгеберство опустѣло. Страшные рассказы заставили его бросить и перенести на большую дорогу. Въ новомъ рандасальскомъ гастгеберствѣ, какъ вы сейчасъ господа убѣдитесь, можно хорошо поужинать и выспаться на чистыхъ постеляхъ съ полнымъ комфортомъ.

— И теперь въ полверстѣ отсюда показываютъ любопытнымъ остатки стараго деревяннаго дома, гдѣ въ былые годы блохи съѣли гастгебера? спросилъ я рассказчика.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ, наливая себѣ стаканъ вина, теперь отъ всего этого страшнаго гастгеберства не осталось ничего, кромѣ легенды, которую я имѣлъ честь вамъ рассказать.

— И она конечно вполне историческая?

— Безъ сомнѣнія, какъ и всѣ легенды.

— По-крайней-мѣрѣ она не кажется невѣроятнѣе рейнской Mausethurm! замѣтилъ мой товарищъ.

— Вы хотите намекнуть, что исторія Кили имѣеть нѣкоторое сходство съ послѣднимъ приключеніемъ епископа Гаттона? спросилъ нашъ знакомецъ.

— По-крайней-мѣрѣ напоминаетъ балладу Жуковскаго.

— Это не значить, господа, чтобъ я сколько-нибудь заимствовалъ содержаніе моей легенды изъ чужихъ источниковъ.

— А, значить, что изъ одной и той же сказки можно скроить для каждой стороны поучительную быль?

— Именно.

Поздно разстались мы съ нашимъ новымъ знакомцемъ. Намъ отвели прекрасную спальню съ чистыми постелями. Если старое рандасальское гастгеберство послужило сюжетомъ для мрачной сказки, то новая гостинница вполнѣ заслуживаетъ похвальнаго слова.

Послѣ хорошаго завтрака, мы простились съ нашими хозяевами и съ однимъ изъ своихъ товарищей. Онъ поѣхалъ въ Куопію, а мы вдвоемъ пустились по дорогѣ къ Сень-Микелю.

VII.

СЕНЬ-МИКЕЛЬ. — САЙМЕНСКІЙ КАНАЛЬ.

Дорога отъ Рандасалы была по-прежнему пустынна: печальные холмы, опушенные тощимъ лѣсомъ, прерывались изрѣдка полями, гдѣ виднѣлись иногда жалкія пашни. За двадцать верстѣ до Микеля почва начала однако же возвышаться, низкіе холмы превратились опять въ гранитныя горы. Мѣстами попадались долины, не уступающія въ красотѣ сердобольскимъ.

Но выигрывая въ поэтическомъ отношеніи, путешествіе наше потеряло съ матеріальной стороны. Легкая прекрасная таратайка вдругъ переродилась. Изъ удобнаго экипажа, вполне принаровленнаго къ характеру мѣстности этого края, она подѣ Микелемъ начала превращаться въ безпокойную тележку, потеряла гибкія жерди, такъ удачно замѣняющія рессоры во всемъ Саволакскѣ, и выродилась въ грубый ящикъ, сколоченный кое-какъ изъ досокъ, безъ всякаго сидѣнья. Этотъ продолговатый и очень неглубокій ящикъ укрѣпленъ на двухъ длинныхъ оглобляхъ: когда, при запряжкѣ лошади, концы ихъ поднимаютъ, сидѣнье опускается и перевѣшивается назадъ. Можно, правда, въ заднюю часть положить сѣна или

подушекъ, и такимъ-образомъ привести тѣло въ законное положеніе, заставляя ноги держаться ниже головы; но въ этомъ случаѣ спинѣ не на что опереться, и вы должны безпрестанно сгибаться, чтобы не вылетѣть изъ таратайки. И въ подобномъ ящикѣ предстоитъ путешествовать по всей Микельской и Выборгской губерніи.

Не успѣли мы проѣхать версты отъ Топлозиса, гдѣ въ первый разъ дали намъ такую головоломную таратайку, какъ вся наша поклажа разбѣжалась въ ящикѣ и начала вмѣстѣ съ нами прыгать во всѣ стороны.

— Стой! закричали мы съ товарищемъ въ одинъ голосъ.

— Что дѣлать? спросилъ я.

Нашъ рандасальскій знакомецъ заранѣе предупредилъ насъ касательно этого экипажа; но зная, что въ Микелѣ можно будетъ купить рессорную таратайку для дальнѣйшаго вояжа, мы надѣялись выдержать какъ-нибудь одну станцію въ почтовомъ ящикѣ. Теперь это оказалось невозможнымъ. Мы составили совѣтъ, на который пригласили и извозчика. Рѣшено было, что одинъ изъ насъ сядетъ верхомъ на лошадь, другой помѣстится на чемоданѣ, спиной къ проводнику, и такимъ-образомъ при самой тихой ѣздѣ мы будемъ продолжать путешествіе.

Товарищъ мой взобрался на лошадь, я приладилъ чемоданъ. Мы двинулись.

— Стой! крикнули мы опять черезъ нѣсколько минутъ.

— Безъ сѣдла ѣхать невозможно! сказалъ всадникъ.

— Чемоданъ ползетъ впередъ! прибавилъ я.

Въ новомъ совѣтѣ о томъ, какимъ образомъ добраться до Микеля, послѣ довольно продолжительныхъ преній,

положили, что извозчикъ сядетъ верхомъ на лошадь, разумѣется за приличное вознагражденіе, въ задокъ ящика положить чемоданы, спереди застелютъ его сѣномъ — и мы пустимся далѣе. Поѣздъ отправился такимъ образомъ бойкой рысью, къ крайнему удовольствію извозчика, который находилъ повидимому свое положеніе очень удобнымъ и безпрестанно оглядывался на насъ съ веселой улыбкой, забавляясь отъ души нашей прихотливостью.

Положеніе наше въ ящикѣ было однакожь не совсѣмъ завидно. Мы начинали уже думать, не кончить ли путешествіе пѣшкомъ, когда при спускѣ съ горы, въ низменной долины открылся возделанный Сень-Микель. Былъ ужъ вечеръ, какъ мы въѣхали въ городъ. Къ сожалѣнію на улицахъ, вплоть до самой гостинницы, намъ не попалось и пяти человѣкъ, чтобы полюбоваться торжественнымъ поѣздомъ петербургскихъ туристовъ. Да и встрѣчные микельскіе граждане не находили кажется въ нашей колесницѣ ничего забавнаго.

Мы пошли осматривать С. Микель. Всѣ финляндскіе города отличаются необыкновенной пустотою и отсутствіемъ жизни. Безлюдныя улицы, деревянные красные домики, въ которыхъ таятся невидимые жители, отсутствіе садовъ и зелени, — все это придаетъ имъ видъ чрезвычайно грустный. Видно, что въ Финляндіи городъ не имѣетъ смысла: это какая-то случайность, возникшая не изъ потребности самой страны, а по чуждому вліянію. Всѣ они основаны Шведами или Русскими.

Мы уже познакомились съ характеромъ финскихъ городовъ, и при всемъ томъ С. Микель поразилъ насъ своей могильной тишиною. Въ немъ все безмолвно, какъ въ

окружающей его пустынь. Представьте маленькій, чистенькій городокъ, правильно выстроенный по плану. На площади довольно большой лугъ, обсаженный съ четырехъ сторонъ тощими березками въ качествѣ сада и обнесенный загородкою, вѣроятно для того, чтобъ люди не беспокоили гуляющихъ тамъ коровъ. Улицы совершенно пусты: въ девятомъ часу мы обошли весь городъ и не встрѣтили буквально ни одного человѣка. Въ числѣ домовъ много новыхъ, построенныхъ довольно порядочно и совсѣмъ необитаемыхъ; кажется, будто они выстроены только для порядка. Я не могъ добиться, что это значить. Ни въ одномъ окнѣ мы не видали человѣческаго лица. Городъ заснулъ прежде, нежели заплѣли ночные сторожа, такъ что ихъ на-сонъ-грядущая пѣсня скорѣе могла кого-нибудь разбудить, чѣмъ успокоить. Это пригласительное ко сну пѣніе послышалось даже за четверть часа до обыкновеннаго срока.

О покупкѣ таратайки теперь нечего было и думать. Мы воротились въ гостинницу, которая чистотою, порядочнымъ ужиномъ и расторопностью женской прислуги вознаградила насъ за дурное впечатлѣніе, произведенное самымъ городомъ. Утромъ я услышалъ, что меня будятъ. Открываю глаза: передо мною стоитъ молоденькая дѣвушка, въ красномъ шерстяномъ корсажѣ; въ рукахъ у нея большой подносъ, и на немъ чашка кофе и тарелка съ тоненькими блинами. Это утренній завтракъ, который по шведскому обычаю сервируется вамъ еще въ постелѣ.

Покупка экипажа состоялась: за пятнадцать рублей серебромъ мы достали покойную, почти новую таратайку съ двумѣстнымъ сидѣньемъ на деревянныхъ рессорахъ.

Теперь наша поѣздка должна быть еще комфортабельнѣе, чѣмъ въ Саволаксъ. Послѣ обѣда, приготовленнаго совершенно-безукоризненно, мы выѣхали изъ пустыннаго города, который былъ такъ же безлюдень, какъ и вечеромъ.

Отъ Микеля до Вильманстранда дорога живописная. Она карабкается по откосамъ горъ, взбѣгаетъ на хребты, спускается съ нихъ въ долины, пробѣгаетъ мимо озеръ, упирается въ ихъ рукава — и вы снова догоняете ее на паромѣ или по длинному мосту. Но эта сторона такъ пустынна, что по цѣлымъ станціямъ мы не встрѣчали ни одного человѣка. Смѣшно, когда восторженные патриоты сравниваютъ Финляндію съ Швейцаріею. Какъ бы ни была живописна сторона, но если вы не видите слѣдовъ человѣка, памятниковъ его минувшей жизни или плодовъ настоящей дѣятельности, — самые поэтическіе виды утомляютъ васъ, наводятъ невольную грусть.

На станціи Савитайпаль съ нами случилось любопытное приключеніе. Только-что подъѣхали мы къ воротамъ гастгеберства, изъ комнаты выбѣжалъ какой-то плотный мужчина, съ полнымъ лицомъ, опушеннымъ бакенбардами кирпичнаго цвѣта, какими природа одаряетъ чаще всего личности англійской породы. Огромные воротнички голландской рубашки и мекинтошъ совершенно заграничнаго шика заставляли догадываться, что это долженъ быть сынъ Британіи. Догадка вполнѣ оправдалась. Онъ обратился къ намъ съ вопросомъ: говоримъ ли мы по-англійски. Узнавъ, что мы не можемъ вести разговора на этомъ языкѣ, джентельменъ былъ по-видимому очень озадаченъ. Мы съ своей стороны убѣдились, что онъ

совсѣмъ не говоритъ по-русски и по-французски, и знаетъ только нѣскольکو десятковъ нѣмецкихъ фразъ съ чисто-британскимъ акцентомъ. Наконецъ мы дошли до открытія, что съ помощію нашихъ знаній въ языкѣ Байрона и Шекспира и его свѣдѣній въ нарѣчіи Шиллера и Гейне, мы легко можемъ понимать другъ друга.

— Скажите, гдѣ мы? спросилъ Англичанинъ.

— На станціи Савитайпаль.

— Савитэйпель! Гдѣ-же это? въ какой части Финляндіи?

— Недалеко отъ Вильманстранда.

— Виліамс-страндъ? возможно ли это! Господа, спасите меня! я заблудился!

— Куда же вы ѣдете? спросилъ я.

— Я ѣхалъ изъ Гельсингфорса на водопадъ Кюро, дорогой потерялъ карту, попалъ на какую-то незнакомую станцію, и съ-тѣхъ-поръ другой день ѣзжу, самъ не знаю гдѣ. Меня не понимаютъ. What a cursed country!

Мы всѣ расхохотались, какъ школьники.

— Я ужь посматривалъ, сказалъ повеселѣвшій Англичанинъ, не найду ли по вкусу мѣста для поселенія in this land of granit.

— И вѣрно приглядывались къ женскимъ личикамъ для окончательнаго водворенія здѣсь?

— И не видалъ на всей дорогѣ ни одной женщины!

— Жаль, что англійская колонія въ Финляндіи не состоялась!

— Что дѣлать! It is fatality!

— Такъ угодно вамъ записать станціи по нашей картѣ?

— А вы сами куда ѣдете?

— На Иматру.

— Imatra-waterfall? О, я отъ васъ не отстану, господя!

Таратайки были заложены, и мы двинулись. Англичанинъ уцѣпился за насъ, какъ утопающій за соломенку. Онъ не спускалъ глазъ съ нашего экипажа: какъ-только я оглядывался, всякій разъ мнѣ кивало его улыбающееся лицо. Если таратайка наша уносилась на минуту впередъ при поворотѣ дороги, позади ужъ слышался голосъ Англичанина, громко поощрявшій лошадь. Для успокоенія его мы иногда аукались.

На слѣдующей станціи, когда мы объяснялись съ гастгеберомъ при помощи своей дорожной книжки, нашъ новый товарищъ попросилъ взглянуть на этотъ финско-нѣмецкій діалогъ. Онъ раскрылъ книгу, перевернулъ двѣ-три страницы, и оборотясь къ служанкѣ проговорилъ торжественно: *иксѣ канна олютта!* стаканъ пива! Когда по этой фразѣ ему дѣйствительно подали кружку пива, онъ попробовалъ его языкомъ, заплатилъ деньги и расположился за столомъ дѣлать выписки изъ діалога. Мы едва убѣдили его отложить трудъ до Вильманстранда, до котораго оставался одинъ только переѣздъ.

Съ закатомъ солнца мы въѣхали въ городъ и тотчасъ же пошли осматривать его. Англичанинъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ. Вильманстрандъ маленькій, чистенькій городокъ, раскинутый на берегу Саймы. Онъ называется по-фински Лаппенранта. Въ немъ нѣсколько десятковъ деревянныхъ домиковъ, рынокъ, чухонская церковь, ратуша съ башнею и часами, словомъ — все какъ

слѣдуетъ. Недалеко отъ города видна земляная крѣпость, которая въ свое время нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки, обагрялась кровью, взрывалась на воздухъ и удостоилась неоднократныхъ замѣтокъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Желających ознакомиться съ ея славою я прошу обратиться къ исторіи.

Послѣ С. Микеля, Вильманstrandъ кажется городкомъ довольно оживленнымъ. На улицахъ попадаются люди, чего мы до-сихъ-поръ почти не встрѣчали. Съ непривычки это кажется даже нѣсколько страннымъ. Говорятъ, въ городѣ числится до двадцати купцовъ первой и второй гильдіи, но эта торговая аристократія принадлежитъ ему только номинально. Всѣ эти купцы — русскіе; они приписываются здѣсь потому, что городъ владѣетъ нѣкоторыми привилегіями, и многіе никогда и не бывали въ немъ. Вильманstrandскихъ купцовъ можно найти только въ Петербургѣ; въ Финляндіи ихъ нѣтъ. Несмотря на то, третья гильдія и чиновники живутъ здѣсь кажется очень весело: намъ показали городской клубъ и увѣряли, что зимою въ немъ бываетъ даже театръ изъ любителей. Однимъ Вильманstrandъ похожъ на видѣнные нами городки: въ немъ нѣтъ садовъ, и только изрѣдка выглядываютъ гдѣ-нибудь изъ-за забора два-три тощіе дерева. Кажется, Финнамъ надоѣли ихъ дикіе лѣса: въ городахъ они больше всего заботятся о томъ, чтобъ избавиться отъ зелени и тѣни.

Въ гостинницѣ мы заняли большую, довольно чистую комнату. Едва только мы воротились съ прогулки, нашъ Англичанинъ взялся опять за дорожную книжку. Онъ позвалъ служанку, и заложа руки въ карманы своего мекин-

тоша, проговорилъ торжественно: *ана ветта! ана валькя!* Когда ему въ самомъ дѣлѣ подали огня и стаканъ воды, хоть ему и не нужно было ни того, ни другаго, онъ совершенно увѣровалъ въ добросовѣстность нашего печатнаго путеводителя и сказалъ, обращаясь къ намъ: господа! я васъ поздравляю: ваша книга хорошая книга! Мы отвѣчали поклономъ и вслѣдъ за тѣмъ всѣ расхохотались.

Новый пріятель нашъ убѣдительно просилъ, чтобъ мы всѣ расположились ночевать въ одной комнатѣ. Мы согласились и посоветовали ему осмотрѣть хорошенько задвижки въ окнахъ и поставить свою кровать поперекъ двери, чтобы мы какъ-нибудь не ускользнули отъ него ночью. За чаемъ мы короче познакомились съ нашимъ случайнымъ товарищемъ. Онъ отрекомендовался намъ Джемсомъ W. изъ Гулля. Это одинъ изъ тѣхъ оригиналовъ, которыми мы такъ любимся въ романахъ Диккенса. Каждое лѣто ѣздитъ онъ съ удочкой въ самыя пустынные мѣста сѣверной Европы, былъ въ Исландіи, въ Норвегіи, а теперь ѣхалъ изъ Гельсингфорса на водопадъ Кюро. Въ записной книжкѣ его означены были всѣ станціи, какія онъ проѣхалъ до встрѣчи съ нами. Мы развернули свою карту: оказалось, что не доѣзжая Тавастгуса онъ свернулъ въ сторону со станціи Хикя, попалъ въ Гейнолу и два дня бродилъ по внутренней Финляндіи.

— Скажите же, какъ вамъ понравился этотъ край? спросилъ я. Видѣли вы что-нибудь замѣчательное?

— Yes! Много замѣчательнаго!

Мистеръ Джемсъ вынулъ изъ дорожнаго мѣшка записную книжку.

— Въ Гейнолѣ я поймалъ окуня въ одиннадцать дюймовъ! сказалъ онъ.

— А нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь замѣтокъ на счетъ состоянія края?

— Yes! На станціи Сайракала за чашку кофе взяли три копейки. Это дешевле, чѣмъ въ Норвегіи.

— Ну, а что вы скажете о природѣ?

— О, много удивительнаго! отвѣчалъ онъ, перевертывая листокъ въ своей книжкѣ: недалеко отъ Верумеки я видѣлъ гранитный камень, похожій на корову. This eight wonder is! это восьмое чудо въ свѣтѣ!

Послѣ этого мы перестали спрашивать, а мистеръ Джемсъ остался очень доволенъ, что могъ сообщить намъ свои путевыя замѣтки.

Рано утромъ отправились мы по дорогѣ къ Иматрѣ, и черезъ полчаса остановились въ прекрасной гостиницѣ, подлѣ Сайменскаго канала, одного изъ самыхъ удивительныхъ, колоссальныхъ произведеній человѣческаго труда и современной науки. Это первый памятникъ чело-вѣка въ Финляндіи, но какой памятникъ!

Кто не читалъ или не слышалъ о Сайменскомъ каналѣ? Громадное озеро Сайма, раскинутое на пространствѣ шести сотъ верстъ и связанное безчисленными рукавами со множествомъ другихъ водныхъ бассейновъ внутренней Финляндіи, не имѣетъ торговаго сообщенія съ моремъ. Пороги на Кюмени и Иматра на Воксѣ запираютъ выходъ какъ въ Финскій заливъ, такъ и въ Ладожское озеро. Поэтому товары отъ Куопіо и другихъ сѣверныхъ пунктовъ идутъ водою только до Вильманстранда, оттуда перевозятся на пространствѣ пятидесяти верстъ горными

дорогами въ Выборгъ, а здѣсь снова грузятся на суда для отправки въ Петербургъ или за-границу. Давно чувствовали въ Финляндіи потребность уничтожить гранитныя заставы, которыми природа стѣснила здѣшнюю торговлю. Еще при Карлѣ IX шведское правительство покушалось прорыть каналъ изъ Саймы въ Выборгскій заливъ, но покорить природу здѣсь труднѣе, чѣмъ господствовать надъ бѣднымъ народомъ. Слѣдующія за тѣмъ попытки были такъ же безплодны. Только въ наше время привели въ исполненіе этотъ великій проектъ. Финскій сенатъ поручилъ шведскому инженеру Эриксону составить планъ и смѣты на прорытіе Сайменскаго канала, и въ 1846 году приступили къ работамъ. Съ тѣхъ поръ почти каждый годъ Эриксонъ пріѣзжаетъ изъ Швеціи для личнаго надзора за этимъ колоссальнымъ сооруженіемъ.

Инженеръ воспользовался небольшими озерами, разбросанными въ направленіи отъ Вильманстранда къ Выборгу, такъ-что протяженіе самага канала составляетъ не болѣе тридцати двухъ верстъ. Но всю эту линію нужно было провести въ гранитныхъ горахъ, дотога высокихъ, что мѣстами выемка доходитъ до 64 англійскихъ футовъ. Но это еще не все! Сайма лежитъ на тридцать семь сажень выше Финскаго залива, и чтобы удержать эту страшную массу водъ, на протяженіи канала потребовалось поставить двадцать восемь шлюзовъ. При всѣхъ этихъ трудностяхъ, Эриксонъ оцѣнилъ постройку канала въ три милліона рублей серебромъ! Можетъ-быть вы подумаете, что подобная смѣта останется только на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ работы обойдутся по-обыкновенію гораздо дороже. Но вы ошибетесь, если станете на этотъ

аршинъ мѣрять Финляндію. Уже въ 1850 году противъ смѣты Эриксона сдѣлано было около ста тысячъ рублей экономіи. Разгадку этого непонятнаго для насъ факта надобно искать въ дешевизнѣ продовольствія и рабочихъ рукъ, а еще болѣе въ распорядительности при работахъ и извѣстной честности народа.

Работы организованы чрезвычайно просто. Весь каналъ раздѣленъ на три дистанціи, и на каждой находится по одному офицеру.

Сами рабочіе, которыхъ число доходитъ до четырехъ тысячъ, выбираютъ десятниковъ, а эти десятники получаютъ приказаніе отъ офицера и отвѣчаютъ за точность работъ. При взрывахъ работники обязаны употреблять собственный порохъ, а потому его расходуютъ здѣсь съ крайнею экономіей. Люди помѣщаются въ земляныхъ баракахъ: каждый изъ нихъ раздѣленъ на пятнадцать номеровъ, и во всякомъ номерѣ помѣщается шесть чело-вѣкъ.

Въ гостинницѣ познакомились мы съ офицеромъ, производителемъ работъ по верхнему участку канала. Онъ родился и воспитывался въ Финляндіи, былъ за-границей и отличается вполне европейскимъ образованіемъ. При первомъ намекѣ съ нашей стороны, онъ самъ повелъ насъ осматривать работы.

Мы пришли къ каналу. Въ глубокой прорѣзи, которая тянется отъ озера на далекое пространство къ югу, люди кипѣли, какъ муравьи въ недавно-разрытомъ большомъ муравейникѣ. Но эти муравьи готовятъ сооруженіе, достойное гигантовъ. Каналъ проходитъ большею частію въ гранитномъ кряжѣ, и на пространствѣ сорока восьми

версть цѣлыя горы прорываются порохомъ. Скала пробуравливается на нѣсколько аршинъ желѣзомъ, въ отверстіе насыпается порохъ, дѣлается взрывъ, и громадная масса отдѣляется отъ горы. Тутъ снова размельчаютъ ее порохомъ и желѣзомъ. Сотни низенькихъ массивныхъ тележекъ съ чугунными колесами тянутся на цѣпяхъ внизъ и на верхъ, посредствомъ паровой машины, по нарочно устроеннымъ рельсамъ. Въ то время, какъ одинъ рядъ этихъ экипажей, наполненныхъ гранитными обломками, поднимается изъ глубины канала, другой рядъ пустыхъ тележекъ опускается туда за новымъ грузомъ. Вывезенный гранитъ сваливаютъ наверху въ неровныхъ мѣстахъ, и по берегу канала образуется такимъ-образомъ прекрасная горизонтальная дамба, гдѣ будетъ идти дорога. Вездѣ удивительная дѣятельность: раздаются взрывы, падаютъ скалы, звучать тысячи молотовъ. И вотъ каналъ мѣстами уже готовъ и тянется въ сплошныхъ гранитныхъ стѣнахъ. Мистеръ Джемсъ при видѣ этого чуднаго сооруженія забылъ свою британскую флегму и твердилъ, что это удивительнѣе лондонскаго тоннеля.

Сайменскій каналъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Бродя нѣсколько дней въ лабиринтѣ дикихъ скалъ, безобразныхъ водъ и мрачныхъ лѣсовъ, мы не видали никакихъ памятниковъ человѣческой жизни, кромѣ разбросанныхъ хижинъ и безлюдныхъ городовъ. И вдругъ посреди этой пустыни, вслѣдъ за тлѣющими пожарами, является передъ нами одно изъ самыхъ громадныхъ созданій человѣческаго труда и науки: цѣльныя гранитныя стѣны, прекрасные чугунные мосты, великолѣпныя шлюзы. Это одинъ изъ самыхъ разительныхъ контрастовъ!

— После объѣда, приготовленнаго по-петербургски и оживленнаго даже шампанскимъ, мы простились съ нашимъ любезнымъ путеводителемъ, и вмѣстѣ съ мистеромъ Джемсомъ выѣхали изъ гостиницы.

VIII.

ИМАТРА.

Отъ Вильманстранда дорога тянется постоянно по южнымъ окраинамъ Саймы. Яуцено, послѣдняя станція на пути къ Иматрѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ мѣстъ въ этой сторонѣ. Она стоитъ на обрывѣ большой возвышенности, съ которой открывается обширный видъ на низменную равнину, далеко зеленѣющую лѣсами, рощами, усѣянную хижинами, деревнями, живописную и даже веселую при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Быстро скатились наши таратайки съ крутизны и потонули въ этомъ зеленомъ морѣ. Дорога идетъ въ деревню Ситолу, которая лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ водопада, при самомъ истокѣ Воксы. Тамъ почтовая станція. Намъ сказали, что не доѣзжая ея можно свернуть въ сторону и проѣхать прямо на Иматру: мы приказали извозчику вести насъ по этой дорогѣ, и скоро раскаялись. Этотъ боковой переѣздъ до-крайности дурень и утомителень.

Оставалось еще съ версту ѣхать до водопада, какъ вдали послышался намъ глухой гулъ, похожій на шумъ густаго лѣса въ минуту сильной бури. Увеличиваясь съ

каждымъ мгновениемъ, онъ превратился наконецъ въ раскаты неумолкающаго грома.

— Русская Ниагара! вскричалъ мистеръ Джемсъ, обращаясь къ намъ и махая шляпою.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ громъ Иматры.

Мы въѣхали на дворъ гостиницы и остановились передъ небольшимъ, довольно красивымъ павильономъ, построеннымъ на крутомъ берегу Воксы, передъ самымъ водопадомъ. Забывъ о поклажѣ и извошикахъ, мы выскочили изъ таратаекъ, бросились къ водопаду и нѣсколько минутъ стояли молча, пораженные его страшной красотой, оглушенные его немолчнымъ громомъ. Мы опомнились, когда къ намъ подошелъ какой-то господинъ, съ румяными щеками, въ странномъ казакинѣ съ свѣтлыми пуговицами.

— Позвольте узнать, гдѣ живетъ гасггеберъ? спросилъ я.

— Какой гасггеберъ? здѣсь не станція! сказалъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Кто же здѣсь живетъ?

— Смотритель Иматры.

— Нельзя ли его видѣть?

— Это я самъ.

Мы извинились и попросили гостепріимства. Хозяинъ нашъ развеселился и пошелъ готовить для насъ комнату. Мы осмотрѣлись. Павильонъ стоитъ на краю глубокаго гранитнаго ущелья, въ которомъ реветъ бѣшеная Вокса. Въ домикѣ чистенькая пріемная зала, обращенная окнами къ водопаду, и при ней двѣ небольшія боковыя комнаты. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ павильона де-

ревянная лѣстница спускается къ бесѣдкѣ, укрѣпленной на краю скалы, у самаго водопада. Я сбѣжалъ въ эту бесѣдку и остановился передъ дикою и величавою картиною: передо мною открылась вся громадная масса ревущей Иматры.

Представьте себѣ рѣку, шириною почти съ Неву, которая послѣ недалежнаго, но быстрого бѣга изъ Саймы встрѣчаетъ на пути своемъ тѣсное ущелье, пробитое въ незапамятные вѣка глубокой трещиною въ гранитномъ кряжѣ. Гонимая страшнымъ напоромъ водъ, рѣка мчится по этой наклонной тѣснинѣ, усыпанной громадными камнями, изрытой глубокими впадинами, съ ревомъ, грохотомъ и свистомъ мечется чрезъ нихъ, плещеть необъятными массами воды, превращается въ снѣжнобѣлую пѣну, и вырвавшись на просторъ разливается опять широкою, неправильною рѣкой и бѣжитъ въ Ладожское озеро. Этотъ-то бѣшеный прорывъ черезъ узкое, загроможденное скалами ущелье, называется Иматрою.

Слово водопадъ совсѣмъ не даетъ понятія объ Иматрѣ. Въ Финляндіи все не похоже на другія страны, все оригинально и своеобразно. Какъ нельзя назвать горами безобразныя массы финскихъ гранитовъ, какъ невозможно дать имя озеру чудовищному сплетенію водъ громаднаго Саймы, или названіе рѣки дикому потоку Воксы, разбитому на безчисленные рукава и стоячіе затоки, — такъ точно и Иматру нельзя назвать водопадомъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вокса не падаетъ здѣсь съ уступа всей своей шириною, какъ Ніагара, не скачетъ съ горы буйнымъ прыжкомъ, подобно Рейну: она мчится по наклонной впадинѣ длиннаго чернаго ущелья. Но въ этомъ-

то и состоитъ дикая красота Иматры. Довольно остано-
виться на десять минутъ передъ Нарвскимъ водопадомъ,
чтобы вполнѣ налюбоваться его величественнымъ ви-
домъ; на Иматру можно смотрѣть долго и много разъ, и
чѣмъ больше вы всматриваетесь въ нее, тѣмъ больше она
нравится. Бѣшеннѣйшій водоскатъ несетя съ такой невыра-
зимой быстротою, съ такимъ дикимъ грохотомъ, страшная
масса водъ его, то ударяясь о лѣвый берегъ и вскакивая
на правый, то разбиваясь о неровности дна, поднимается
такими разнообразными горами клокочущей пѣны въ ды-
мящихся облакахъ водяной пыли, что вы готовы стоять
передъ нимъ по цѣлымъ часамъ, находя безпрестанно
новыя красоты въ разнообразныхъ столкновеніяхъ свер-
кающихъ водяныхъ молній, въ этихъ непрерывно мѣняю-
щихся отголоскахъ водянаго грома. У Иматры не только
есть своя физіономія, но и свой собственный голось: вы
съ перваго звука отличите его отъ рева всѣхъ другихъ
водопадовъ.

Берега Иматры покрыты густой, свѣжей раститель-
ностью. Постоянная сырость воздуха отъ брызговъ водо-
пада и водяной пыли, далеко разносимой вѣтромъ, поддер-
живаетъ въ землѣ неистощимую влажность, а гранитныя
скалы, накаляясь отъ солнца, дышатъ такимъ жаромъ, что
деревья отличаются здѣсь особенной густотою, а зелень
блеститъ необыкновенной яркостью. У самага водопада,
по слоямъ черныхъ скалъ лѣпится зеленый мохъ и кусти-
ки брусники, надъ ними пестрѣютъ голубые колокольчики
и алая гвоздика, выше цѣпляются мелкія ольхи и березки,
а затѣмъ тянется зубчатой стѣною рядъ густыхъ чер-
ныхъ сосенъ.

Услужливый *смотритель Иматры* прислалъ сказать намъ, что чай приготоуленъ въ павильонѣ. Мы нашли тамъ мистера W. за бифстексомъ, съ двумя молодыми людьми: это были его земляки, комми изъ петербургскаго англійскаго магазина, которые пріѣхали ловить на Иматрѣ форелей. Странствующіе джентельмены погрузились совершенно въ рыбный разговоръ. Хозяинъ между-тѣмъ угощалъ насъ очень радушно, и безпрестанно чокался своимъ пуншевымъ стаканомъ съ рюмками Англичанъ и съ нашими стаканами безукоризненно трезваго чая. Въ заключеніе онъ подалъ книгу, куда пріѣзжающіе туристы вписываютъ свои имена и титулы, съ неизбѣжнымъ дополненіемъ восторговъ и жалобъ. Тутъ по-обыкновенію хвалятъ природу и обѣдъ, жалуются на погоду и таратайки. Водопадъ прославляется въ стихахъ и прозѣ, по-русски и по-нѣмецки. Читая эти строки, въ которыхъ на всевозможные тоны воспѣваютъ Иматру, вы подумаете, что дѣло идетъ не о водопадѣ, но скорѣе о какой-нибудь деревенской барышнѣ. Альбомъ Иматры ничѣмъ не отличается отъ альбома провинціалки, измараннаго армейскими поэтами и сентиментальными подружками.

Надобно было посмотрѣть на водопадъ съ другаго берега. Противъ нижвей бесѣдки, изъ которой мы недавно любовались Иматрой, выстроена на противоположной сторонѣ точно такая же бесѣдка, откуда, говорятъ, открывается лучшій видъ на всю массу этого громаднаго водоската. Разстояніе между бесѣдками такъ невелико, что изъ одной въ другую легко можно перекинуть небольшой камень. Но если вы хотите попасть на лѣвую сторону водопада, вамъ нужно будетъ ѣхать вверхъ по Воксѣ до Ситолы,

тамъ переправиться на паромѣ и снова ѣхать внизъ по рѣкѣ, по дикой, пустынной дорогѣ. Такимъ образомъ ширина Иматры не больше восьми сажень, а переѣздъ съ одного берега на другой не меньше восьми верстъ. Говорятъ, что черезъ водопадъ хотятъ перекинуть цѣпной мостъ. Проектъ этой постройки составленъ Эриксономъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ построилъ такой мостъ на Троллеттскомъ водопадѣ въ Швеціи. Тогда конечно можно будетъ переходить съ берега на берегъ въ одну минуту; но не потеряетъ ли Иматра своей дикой красоты, когда новый фанъ-Амбургъ для удовольствія туристовъ укротитъ ее и накинеть на нее желѣзные цѣпи! Мы рѣшились на переправу, хотя не такъ спокойную, но за то менѣе отдаленную. Пройдя съ полверсты отъ павильона противъ теченія рѣки, мы нашли рыбацью лодку и переплыли въ ней на другой берегъ, передъ самыми порогами, которые составляютъ преддверіе водопада. Съ надежнымъ гребцомъ переправа эта совершенно безопасна. Гораздо ниже нашего переѣзда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода начинаетъ уже пѣниться, увлекаемая въ ущелье, почти въ самомъ бурунѣ, увидѣли мы рыбацью лодку. Въ ней было двое Финновъ: одинъ постоянно отгребалъ веслами противъ теченія, другой закидывалъ удочку въ пороги, гдѣ водятся прекрасныя форели. Охота эта заставляетъ невольно содрогнуться: выпусти рыбакъ какъ-нибудь весло, и черезъ минуту отъ лодки не останется даже щепокъ. Хозяинъ нашъ рассказывалъ, что три года назадъ, какой-то русскій офицеръ переѣзжалъ въ этомъ самомъ мѣстѣ на лодкѣ съ однимъ гребцомъ. На срединѣ рѣки весло переломилось и лодку понесло въ бурунъ. Въ ту

же минуту офицеръ кинулся въ воду, надѣясь перебраться вплавь, а упрямый чухонецъ продолжалъ грести однимъ весломъ; ни тому, ни другому не удалось спастись: ихъ увлекло въ водопадъ, и на другой день нашли только два обезображенные трупы, которыхъ нельзя было и узнать.

По узкой тропинкѣ пришли мы на лѣвую окраину Иматры. Съ этой стороны видъ на нее поразительнѣе. Съ невольнымъ трепетомъ входимъ въ бесѣдку, поставленную на крутомъ обрывѣ чернаго утеса, страшно наклоненнаго надъ водопадомъ. Сердце сжимается при этомъ также болезненно, какъ въ то время, когда стоишь на неогражденной ничѣмъ высотѣ. Вся кипящая бездна водъ съ ревомъ разбивается здѣсь у вашихъ ногъ. Самые утесы кажется дрожать. Только-что мы вошли въ бесѣдку, насъ окружила толпа крестьянскихъ дѣтей, предлагая наперерывъ камешки, выбрасываемые здѣсь водопадомъ. Вотъ первый промыселъ, вызванный прїѣзжающими туристами! Камни эти синеватосѣраго цвѣта: они вытачиваются въ водоворотѣ стремленіемъ воды въ правильныя и прихотливыя фигуры; одни изъ нихъ круглыя, другіе овальныя, иные продолговатыя, похожіе на кондитерскіе бисквиты. Не далеко отъ бесѣдки ребятишки показали намъ огромные камни, съ правильными сквозными отверстіями, похожіе на поставленные стоймя колоссальныя бочки или mortarы. Это такъ называемыя котлы, одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій финской природы. Отверстія въ нихъ, по объясненію геологовъ, проточены водою еще въ тѣ незапамятные вѣка, когда Вокса только-что пробивала себѣ путь черезъ гранитное ущелье Иматры: крутя съ ужасною быстротою мелкіе камни въ этихъ гранитныхъ глыбахъ,

водоворотъ просверлилъ въ нихъ сквозныя отверстія, съ нарѣзками, похожими на стволъ винтовки. Въ одномъ изъ этихъ котловъ, отъ времени наполненномъ землею, растетъ, какъ въ цвѣточной кадкѣ, рослая, густая береза.

Ниже бесѣдки построены на утесахъ еще два небольшіе балкона, для того, чтобъ можно было съ разныхъ точекъ любоваться водопадомъ. Остановясь на одномъ изъ этихъ балконовъ, я увидѣлъ на другомъ берегу нашего Англичанина съ его новыми знакомцами. Онъ махалъ шляпою, приложивъ руку къ губамъ, кажется кричалъ что-то, но ни одинъ звукъ не доходилъ до нашего берега. Водопадъ до того поглощаетъ голосъ, что надобно кричать, чтобы васъ услышали въ двухъ шагахъ.

Было уже темно, когда мы переправились опять черезъ Воксу. По всей дорогѣ горѣли на травѣ яркими точками свѣтящіеся черви. Въ отсутствіе наше пріѣхало на Иматру нѣсколько человѣкъ новыхъ гостей изъ Выборга. Въ нижней бесѣдкѣ мелькали сигары. Я спустился туда. Общество было довольно многочисленное: дамы сидѣли на скамеечкахъ, мужчины стояли, опершись на барьеръ, а другіе вскарабкались на утесы, при самомъ обрывѣ водопада. Молчаніе изрѣдка прерывалось какими-нибудь восклицаніями въ честь Иматры. Мѣсяцъ поднимался изъ-за лѣса. При ночномъ освѣщеніи черныя граниты Воксы казались еще темнѣе, бѣлая пѣна каскада сверкала еще ослѣпительнѣе, сосны стояли мрачными рядами, какъ тѣни, воспѣтыя въ Калевалѣ, и самое общество походило на какую-то фантастическую группу. Сигары наши свѣтились, какъ фосфорическіе

свѣтляки: я бросилъ окуркъ въ водопадъ, и онъ паду-
чей звѣздою исчезъ въ его безднѣ.

Намъ приготовили маленькую, но очень опрятную
спальню въ небольшомъ домикѣ позади павильона. Я
раздѣвался при свѣтѣ фосфорическихъ червей, которыхъ
товарищъ мой набралъ въ стаканъ, въ то время какъ я
ходилъ въ бесѣдку. Былъ ли это обманъ чувствъ, но
намъ казалось, что стѣны нашей комнаты постоянно
дрожали отъ грома Иматры. Всю ночь мнѣ слышался
черезъ окно сильный шумъ, какъ-будто надъ нами бу-
шевала страшная буря.

На утро собралось къ завтраку въ павильонѣ доволь-
но многочисленное общество. Все это были петербург-
скіе гости, прибывшіе на послѣднемъ пароходѣ въ Вы-
боргъ. Мистеръ Джемсъ пришелъ пожать намъ руку:
онъ собирался ѣхать съ петербургскими англичанами на
ловлю форелей, куда-то за десять верстъ по Воксѣ. На
прощаньи онъ предложилъ намъ выпить бутылку шам-
панскаго за благополучное спасеніе его въ финскихъ пу-
стыняхъ. Многіе знали уже черезъ нашего хозяина о
приключеніяхъ скитальца. По просьбѣ дамъ, я съ согла-
сія нашего британскаго друга рассказалъ подробно его
приключеніе. Это вызвало опять шампанское. Провоз-
гласили тостъ за здоровье туриста-рыболова. Мистеръ
Джемсъ отвѣчалъ приличнымъ спичемъ. Черезъ часъ
уже мы въ послѣдній разъ пожали ему руку.

Послѣ завтрака пріѣзжіе собрались опять въ нижней
бесѣдкѣ. Мужчины, кто для собственнаго удовольствія,
кто изъ угожденія дамамъ, принялись собирать на берегу
сучья и бросать ихъ въ водопадъ. Инымъ попадалась

ноша, достойная плечь здороваго носильщика. Едва касаясь кипящей воды, сучья эти въ одинъ мигъ исчезали въ пѣнѣ, какъ листики, сдуваемые иногда вѣтромъ съ прибрежнаго дерева. Эти опыты только поджигали любопытство.

— А что, если въ Иматру опустить большое дерево? спросила одна дама.

— Какъ это должно быть любопытно! прибавила молоденькая черноглазая женщина, одѣтая очень кокетливо въ черную бархатную кофточку и пикейный жилетъ à la Blumer. Съ этимъ замѣчаніемъ она обратилась къ молоденькому офицеру, который облокотясь на барьеръ, напѣвалъ ей что-то съ большимъ жаромъ. Судя по жестамъ его, можно было догадываться, что онъ сравниваетъ свое сердце съ бурной Иматрой.

— А вамъ угодно видѣть? спросилъ онъ. Хорошенькая брюнетка кивнула головой. Молодой человѣкъ вышелъ изъ бесѣдки съ такимъ торжественнымъ видомъ, что я подумалъ, не хочетъ ли онъ самъ кинуться въ водопадъ.

Мысль эта кажется пришла въ голову не одному мнѣ. Молодой мужчина, который сидѣлъ подлѣ меня, обратился къ хорошенькой брюнеткѣ: — Напрасно вы не бросили въ Иматру перчатку! сказалъ онъ.

— Зачѣмъ это?

— Вашъ рыцарь кинулся бы за нею въ водопадъ.

Дама погрозила ему зонтикомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодой человѣкъ возвратился съ такимъ довольнымъ лицомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вышелъ изъ водопада получить награду изъ

рукъ балладной красавицы. За нимъ человекъ шесть чухонъ несли большую сосну съ необрубленными вѣтвями. При этомъ дамы захопали ручками; молодой офицеръ раскланялся.

— Какъ это любопытно! какъ это весело! говорили всѣ, подвигаясь на край бесѣдки.

Финны по указанію молодаго человека взобрались на край скалы и приволокли дерево къ крутому обрыву, на выдающійся гребень утеса, гдѣ водопадъ ревѣлъ съ большей яростью. Послѣ нѣкотораго усилія, сосна была придвинута и однимъ концомъ приподнята надъ бездною. Виновница этого развлеченія махнула зонтикомъ. Чухны дружнымъ усиліемъ двинули дерево, и сосна скатилась въ клокочущую массу бѣлой пѣны.

— Гдѣ же она? спрашивали съ недоумѣніемъ дамы.

— Сейчасъ вынырнетъ! отвѣчалъ съ замѣшательствомъ дирижеръ этого спектакля.

Но сосна исчезла въ Иматрѣ, какъ соломенка, и мы больше ее не видали. Получа за трудъ условленную трехъ-рублевую ассигнацію, Финны раскланялись съ лукавой улыбкою и ушли. Бѣдный рыцарь не получилъ благодарнаго взгляда даже отъ своей дамы.

IX.

ВЫБОРГЪ. — MON-RÉPOS.

Послѣ обѣда мы выѣхали по дорогѣ въ Выборгъ. Съ смотрителемъ Иматры намъ не удалось проститься. Счетъ, поданный намъ служанкою, напоминалъ уже нѣсколько петербургскія цѣны. Сторона между Иматрой и Выборгомъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ уголковъ, какіе только мы видѣли въ Финляндіи. Дорога то извивается въ глубинѣ долинъ, то взбѣгаетъ на горныя возвышенности. Куда ни взглянешь, вездѣ горы, покрытыя сосновымъ лѣсомъ, или выказывающія ребра обнаженныхъ утесовъ. Чѣмъ больше подвигаешься къ Выборгу, тѣмъ сильнѣе поражаетъ картина страшнаго разрушенія: вездѣ виднѣются голыя вершины красноватыхъ скалъ, навороченныхъ безобразными грудами; камни громоздятся надъ камнями, и громадные куски гранита разбросаны въ чудовищномъ беспорядкѣ. Кажется, будто недавно какой-нибудь страшный переворотъ раскрылъ земную внутренность, вырвалъ изъ нея цѣлыя массы гранита и въ хаосѣ этихъ развалинъ представилъ свѣжую картину разрушенія.

Иматра лежитъ въ пятидесяти восьми верстахъ отъ

Выборга. На этомъ разстояніи три станціи. Здѣсь во многомъ видна уже цивилизація большихъ дорогъ: на станціяхъ прислуга понимаетъ по-русски, въ почтовыхъ комнатахъ встрѣчаются на стѣнахъ путевыя замѣтки туристовъ, у воротъ гастгеберства нерѣдко протягиваетъ вамъ руку нищій, и даже извозчикъ, получа прогонныя дѣньги, посматриваетъ иногда на васъ съ нескрываемымъ желаніемъ получить прибавку. Число туристовъ увеличивается на этомъ пути годъ отъ году. Еслибы таратайки были здѣсь такъ же хороши, какъ въ Саволаксъ, то безъ сомнѣнія гостей на Иматру ѣздило бы еще больше. Правда, что въ Выборгѣ отдаются на прокатъ экипажи, но это по большей части семейные шарабаны. Въ станціонныхъ книгахъ я нашелъ не одну жалобу на выборгскія таратайки. Въ самомъ дѣлѣ ничего нельзя придумать легче и удобнѣе рессорной финской двухколески, и нѣтъ ничего отвратительнѣе того ящика, въ которомъ мучать проѣзжающихъ въ Выборгской губерніи.

Скалы начинали уже темнѣть при слабомъ свѣтѣ вечернихъ сумерекъ, когда мы подъѣзжали къ Выборгу. Я люблю города, которые изъ вѣжливости къ путешественникамъ высылаютъ имъ навстрѣчу, за пограничную черту свою, отдѣльные домики и дачи. Эти передовыя строенія, встрѣчая васъ, какъ радушные посланцы, какъ будто говорятъ, что вамъ недолго уже ѣхать, что для васъ готовъ и покойный ночлеги, и аппетитный столъ, и любопытныя новости. Таковъ именно Выборгъ съ вильманstrandской дороги. Васъ встрѣчаютъ сперва разсѣянные по сторонамъ домики, нарядные и привѣтливые, какъ пажы, высланные передать вамъ первый

поклонъ отъ своего господина; потомъ они группируются, тѣсняются въ Петербургскій-форштадтъ, какъ цѣлый отрядъ, отправленный для вашего приѣма, и когда вы минуете его, бульваръ, съ маленькими деревьями, провожаетъ васъ длиннымъ строемъ до самыхъ городскихъ воротъ и раскланявшись остается назади, предоставляя на собственный вашъ выборъ ѣхать въ Hôtel de Sociéte или въ гостиницу Мотти. Мы остановились въ послѣдней и не имѣли причинъ раскаяваться. Высокія, прилично меблированныя комнаты, безукоризненно чистыя постели, расторопныя служанки въ красныхъ національныхъ корсажахъ, — все отличается европейскими удобствами.

Послѣ обстроенныхъ деревянными домиками пустырей, которые мы до-сихъ-поръ встрѣчали въ Финляндіи подъ именемъ городовъ, Выборгъ въ самомъ дѣлѣ кажется городомъ красивымъ, веселымъ, почти многолюднымъ. Въ немъ есть каменные дома, торговля, публичные сады, нищія, книжныя лавки, кондитерскія, даже гауптвахта, однимъ словомъ всё необходимыя принадлежности порядочнаго города. Коровы ходятъ не иначе, какъ подъ надзоромъ пастуха, и если изрѣдка попадаетъ на улицѣ свинья, то по ея торопливости видно, что тутъ не позволяютъ ей гулять безнаказанно. Одно напоминаетъ еще, что это Финляндія: едва легъ я въ постель и началъ смыкать глаза, какъ подъ окномъ раздался крикъ ночнаго сторожа съ заувѣннымъ приглашеніемъ гасить огонь и ложиться спать. Къ этому скоро присоединился глухо-протяжный звукъ какой-то трубы и повторился аккуратно черезъ полчаса. Послѣ я узналъ,

что по старинному обыкновенію сторожъ лютеранской церкви трубить въ это мусикійское орудіе въ знакъ того, что въ городъ все обстоитъ благополучно.

Утро посвятили мы на знакомство съ Выборгомъ. Мѣстоположеніе города, на краю глубокаго залива, довольно-живописное. Укрѣпленія его состоятъ изъ высокаго землянаго вала, съ прорѣзанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ воротами, выложенными камнемъ. Судя по нашимъ лѣтописямъ, крѣпость считалась встарину очень-сильною, но я не нашелъ въ ней ничего грознаго. У длиннаго моста, соединяющаго городъ съ Выборгскимъ форштадтомъ, стоитъ замокъ съ массивной каменной башнею. Здѣсь помѣщаются теперь арестанты. Когда мы проходили мимо, два колодника въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ ловили рыбу на удочки. При каждомъ движеніи, на ногахъ у нихъ гремѣли пѣпи. Подлѣ ведра, приготовленнаго для пойманной рыбы, стоялъ караульный солдатъ, угрюмо опираясь на ружье. Мы бросили деньги этимъ рыболовамъ; они опустили ихъ въ ведро и снова закинули свои удочки. Выборгская крѣпость известна многочисленными осадами: ее нѣсколько разъ осаждали Новгородцы, облегалі царскія войска. Въ лѣтописяхъ съ особыми подробностями описывается известный *выборгскій трескъ*. Въ концѣ XV вѣка Русскіе, осаждая крѣпость въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, успѣли овладѣть одною башней, и Шведы никакъ не могли ихъ оттуда выбить. Комендантомъ былъ какой-то Кнутъ Поссе. Послѣ напрасныхъ усилій отѣснить непріятелей, онъ подвелъ мину и взорвалъ ее: башня взлетѣла на воздухъ съ трескомъ и громомъ, и Новгородцы принуждены

были снять осаду. Подлѣ замка проходить южное устье Сайменскаго канала. На немъ въ 1849 году выстроены прекрасный чугунный мостъ, легкій и изящный. Устройство его совершенно особенное. Во время прохода судовъ, онъ не поднимается и не отводится въ стороны, какъ петербургскіе мосты, но посредствомъ машины уводится въ тоннель, сдѣланный подъ набережную, и скрывается подъ землей. Въ одну минуту, точно по волшебному мановенію, мостъ исчезаетъ, и какъ скоро пройдетъ судно, онъ снова выкатывается изъ подземнаго тоннеля и ложится черезъ каналъ.

Выборгъ былъ главнымъ городомъ всей Старой Финляндіи (gamla Finland). Съ присоединеніемъ къ Россіи всего края, онъ сошелъ на степень губернскаго города, но несмотря на то сохранилъ свое прежнее значеніе. Въ немъ многое напоминаетъ уже Россію. По улицамъ безпрестанно попадаются офицеры, на площади съ раннего утра гремитъ барабанъ, на крыльцѣ губернаторскаго дома стоитъ жандармъ. Въ городѣ есть гимназія съ порядочной библіотекой и пять высшихъ училищъ и пансіоновъ. Въ книжныхъ лавкахъ мы нашли послѣднія произведенія французской литературы, особенно романы Сю и Дюма; нѣмецкихъ книгъ мы видѣли немного, русскихъ совсѣмъ нѣтъ. Жителей въ Выборгъ теперь больше пяти тысячъ: это довольно пестрая смѣсь Русскихъ, Шведовъ, Нѣмцевъ и Финновъ. У каждаго племени своя церковь и свой языкъ. Даже на рынкѣ, по требованію съѣстныхъ припасовъ, легко угадать, къ какой націи принадлежитъ покупатель.

Выборгъ окруженъ зеленою. За Петербургскимъ фор-

штадтомъ раскинуть городской садъ, довольно обширный и тѣнистый. Но кажется, выборгцы не любятъ этого мѣста: мы два раза были въ саду и не встрѣтили тамъ никого. На противоположной сторонѣ города, на гранитномъ возвышеніи, разводится другой садъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ Promenade. Деревья растутъ въ немъ очень медленно, тѣни совсѣмъ почти нѣтъ, и самая прогулка по крутымъ, узенькимъ дорожкамъ довольно-утомительна. Но отъ бесѣдки, поставленной на гребнѣ скалы, открывается обширный видъ на городъ и заливъ къ Тронзунду. Здѣсь показали намъ большой камень, съ котораго Петръ I во время осады осматривалъ городскія укрѣпленія. Кромѣ пріѣзжихъ изъ Петербурга, въ этомъ саду кажется тоже никто не гуляетъ.

Но лучшее украшеніе Выборга — знаменитый Mon-Répos. Послѣ обѣда въ Hôtel de Sociéte, гдѣ за общимъ столомъ обѣдаетъ большая часть пріѣзжихъ, взяли мы извощичью линейку и отправились смотрѣть прославленный садъ барона Николаи. Черезъ Выборгскій форштадтъ, который такъ же далеко провожаетъ васъ отъ города, какъ при въѣздѣ встрѣтилъ насъ Петербургскій форштадтъ, выѣхали мы на гельсингфорскую дорогу, съ нея повернули направо, и черезъ полчаса были у воротъ сада. По воскресеньямъ онъ открытъ для всѣхъ бесплатно, а въ прочіе дни съ посѣтителей собирается при входѣ по десяти копѣекъ серебромъ на бѣдныхъ. Помѣщикъ говоритъ этимъ: въ праздникъ милости просимъ отдыхать въ мой садъ, я радъ одинаково богатымъ и бѣднымъ; но если вы хотите гулять въ рабочіе дни, значить у васъ есть лишнее, и вы можете заплатить за свое удо-

вольствіе тому, у кого нѣтъ куска хлѣба. Привратница подала намъ кружку и записную книгу: мы положили деньги, записали свои имена и вошли въ садъ.

Mon-Répos принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ мѣстъ во всей Финляндіи. Много видалъ я садовъ, но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на это дикое, странное, живописное произведеніе природы и искусства. Его почти нельзя назвать садомъ, такъ же какъ Иматрѣ нейдетъ названіе водопада. Что сказалъ бы блаженной памяти Делиль, еслибъ ему случилось быть въ Выборгѣ? Пѣвецъ подстриженныхъ и напудренныхъ садовъ пришелъ бы въ крайнее изумленіе при видѣ финскаго парка, и вѣроятно съ классической важностью оцѣнилъ бы его такъ же, какъ Вольтеръ отдѣлывалъ Шекспира. Mon-Répos совсѣмъ не подходитъ къ понятіямъ о садахъ, даже въ романтическомъ вкусѣ. Онъ самобытенъ, какъ природа Финляндіи, оригиналенъ, какъ финская народная поэзія.

Вообразите цѣлый лабиринтъ гранитныхъ скалъ, мѣстами возникающихъ въ видѣ отдѣльныхъ утесовъ, мѣстами собранныхъ въ дикія и живописныя группы, то обнаженныхъ какъ черепъ, то одѣтыхъ густыми деревьями и ярко-зеленымъ мохомъ, — и все это отражается въ свѣтлыхъ тихихъ водахъ залива, какъ-будто вставленнаго въ гранитную, узорчатую раму, для того чтобъ вѣтеръ не туманилъ этого прозрачнаго зеркала. По этимъ-то гудамъ утесовъ и прибрежныхъ острововъ раскидывается Mon-Répos. На всякомъ шагу передъ вами дикія картины финской природы, которымъ искусство придало еще болѣе красоты. Кажется, оно навело какую-то улыбку

ку на эти мрачные граниты, громадные сосны и неподвижные воды. Стволы густыхъ деревьевъ покрыты желтыми и красными лишаями, скалы поросли такимъ зеленымъ бархатнымъ мохомъ, что кажется онъ посѣянъ нарочно. Это идеаль сѣвернаго сада, который полгода спитъ подъ горами снѣга и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ блещетъ самыми яркими красками жизни.

Посреди этого живописнаго хаоса безпрестанно встрѣчаете вы поразительные и разнообразныя виды. Послѣ дикой массы нагроможденныхъ амфитеатромъ скалъ, вы видите лугъ, блестящій самой яркой зеленью; отъ куртинъ, усѣянныхъ оранжерейными цвѣтами, приходите къ мрачному утесу, склоненному надъ свѣтлымъ заливомъ. То на скалѣ виднѣется гранитный обелискъ, то посреди холма въ яркой зелени открывается павильонъ. На одномъ высокомъ гранитномъ островкѣ построенъ небольшой замокъ, съ зубчатыми башнями. Это миниатюрное подобіе тѣхъ рыцарскихъ гнѣздъ, которыми усѣяны берега Рейна.

Но лучшее мѣсто въ концѣ сада, гдѣ на берегу залива, въ небольшомъ ущельѣ, обставленномъ высокими скалами, поставлена статуя Вейнемейнена. Нельзя найти болѣе поэтическаго мѣста для финскаго бога поэзіи: кругомъ виднѣются вѣковѣчные граниты, одѣтые сѣрымъ и зеленымъ мохомъ, мрачныя сосны и ели, густо переплетенныя вѣтвями, а внизу неподвижныя воды извилистаго залива. Здѣсь въ маломъ видѣ вся Финляндія, съ ея мрачною поэзіей. Статуя Вейнемейнена, въ настоящій человѣческій ростъ, стоитъ на пьедесталѣ. Финскій Аполлонъ держитъ въ одной рукѣ кантелу, а другою ударяетъ по

струнамъ; ротъ полуоткрытъ, глаза подняты къ небу, и кажется вдохновенная руна льется вмѣстѣ съ слезами. Работа статуи далеко не художественная, но мысль выражена довольно удачно. Смотри на статую, узнаешь того бога финской мифологіи, который, носясь по синему морю, силою божественнаго слова творилъ острова, заливы и подводные камни. Въ финской народной эпопеѣ выражено могущество его пѣсенъ въ чертахъ оригинальныхъ: когда онъ начиналъ пѣть — солнце останавливалось слушать, большая медвѣдица ярче горѣла своими звѣздами, озера переставали ревѣть и быстрая Вокса прекращала свое теченіе. Статуя Вейнемейнена напоминаетъ прекрасное мѣсто въ Калевалѣ:

Вотъ играетъ Вейнемейненъ :

Мощный звонъ летитъ съ кантелы;

Долы всходятъ, выси никнутъ,

Горы твердыя трепещутъ,

Откликаются утесы,

Жнитва выются въ пляскѣ, камни

Разсѣдаются на брегѣ,

Сосны зыблются въ восторгѣ...

Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,

Шелъ ли межъ высокихъ елей, —

Сосны низко преклонялись,

Ели гнулись привѣтно,

Иглы падали на землю.

По лугамъ ли проходилъ онъ —

У цвѣтовъ вскрывались чаши,

Стебли долу поникали. . .

Когда вспомнишь, что Моп-Répos лежитъ съ небольшимъ на полтораста верстѣ отъ столицы, а отъ него

меньше шестидесяти верстъ до Иматры, то невольно удивляешься апатическому характеру петербургских жителей. Сообщение на пароходѣ быстро и дешево, а между-тѣмъ всѣ наши лѣтнія удовольствія ограничиваются прогулками въ Павловскъ или преферансомъ на берегу Черной рѣчки. Говорятъ, въ Венеціи есть люди, которые никогда не видывали живой лошади: въ Петербургѣ найдутся господа, которые отроду не бывали въ морѣ и не знаютъ, что такое восходъ солнца.

Но говоря о Выборгѣ, мнѣ слѣдовало бы начать съ того, чѣмъ онъ славится въ Петербургѣ — съ знаменитыхъ кренделей. Да не подумаютъ читатели, что я считаю этотъ предметъ недостойнымъ литературнаго пера: по моему мнѣнію выборгскіе крендели гораздо почтеннѣе выборгскаго треска. Дѣло въ томъ, что въ Выборгѣ я не нашелъ хорошихъ кренделей. Какой-то путешественникъ говоритъ, что въ Голландіи нельзя найти настоящихъ голландскихъ сельдей, а кто хочетъ видѣть египетскія древности, обелиски и сфинксовъ, тому нужно ѣхать не въ Луксоръ и Оивы, а въ Парижъ и Петербургъ. Я съ своей стороны замѣчу, что лучшіе выборгскіе крендели можно найти не въ Выборгѣ, а скорѣе въ петербургской булочной Иванова. Впрочемъ, долгъ справедливости заставляетъ меня прибавить, что когда я высказалъ эту мысль за *table d'hôte* въ гостинницѣ Эренбурга, всѣ выборгцы вооружились противъ меня съ рѣшительнымъ единодушіемъ. Мнѣ сказали, что по тѣмъ кренделямъ, какіе продаются на улицахъ, нельзя судить о выборгскомъ печенье, а кто хочетъ имѣть понятіе о настоящихъ выборгскихъ кренделяхъ, тотъ долженъ заказать ихъ за-

ранѣе и тогда не будетъ предпочитать жалкихъ поддѣлокъ петербургскихъ булочниковъ. Къ сожалѣнію я уѣзжалъ въ тотъ же день, а потому вопросъ о кренделяхъ и остался не рѣшеннымъ.

Послѣ обѣда пріѣхали мы на пароходъ *Веллямо*, который только-что пришелъ изъ Гельсингфорса. На немъ я оканчиваю свою поѣздку и возвращаюсь въ Петербургъ. Пароходъ этотъ не даромъ носитъ названіе мифологической богини финскихъ морей. *Wellamo* вовсе не похожъ на мрачный *Валаамъ*: онъ легче на ходу, чище и веселѣе, общество его не такъ разнообразно, но гораздо разговорчивѣе и общительнѣе. Здѣсь вы также найдете не мало комическаго, но это уже комизмъ европейскій. День былъ жаркій; надъ палубой раскинули тентъ. Все пароходное общество собралось наверху.

Изъ Тронзунда, въ глубинѣ котораго стоитъ Выборгъ, мы вошли въ шхеры. Это цѣлый лабиринтъ гранитныхъ острововъ, усыпавшихъ весь сѣверный берегъ Финскаго-залива. По мѣрѣ приближенія нашего къ востоку, гряда эта начинала рѣдѣть, утесы краснаго гранита становились ниже, берегъ дѣлался низменнѣе, острова менѣе живописными.

Между-тѣмъ погода была прекрасная. Я сѣлъ на палубѣ. Передо мною было трое мужчинъ: одинъ въ тепломъ пальто, другой въ байковомъ сюртукѣ, третій въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ. По лицамъ ихъ замѣтно было, что это больные, возвращавшіеся въ Петербургъ послѣ леченія на какихъ-нибудь прибалтійскихъ водахъ. Разговоръ начался по петербургскому

обычаю съ погоды. Кутаясь съ свои воротники, они на перерывъ хвалили прекрасный день.

— Какъ жаль, сказалъ господинъ въ пальто: ѣдешь назадъ, погода стоитъ прекрасная, а нужно было лечиться, дышать воздухомъ — такъ безпрестанно дождь.

— Вы гдѣ лечились? спросилъ его сосѣдъ въ сюртукѣ.

— Я былъ въ Ревелѣ.

— Скажите: какъ вы находите тамошній климатъ?

— Превосходный; я совершенно выздоровѣлъ! отвѣчалъ онъ, натаскивая свой cache-pez на самый ротъ. А вы также лечились?

— Купался въ Гельсингфорсѣ.

— Ну, какъ вы нашли гельсингфорскія купанья?

— Чрезвычайно пелезны: я выздоровѣлъ, переродился! отвѣчалъ пассажиръ въ байковомъ сюртукѣ, закутываясь воротникомъ.

— По мнѣ, кажется, ревельскія купанья здоровѣе.

— Нѣтъ, гельсингфорскія лучше; это общій голосъ.

— Позвольте замѣтить сказалъ господинъ въ мѣховой шинели: врачи съ особенной похвалою отзываются объ Аренсбургѣ.

— Какіе врачи? спросилъ ревельскій пациентъ.

— Аренсбургскіе же? прибавилъ поклонникъ Гельсингфорса.

— Никакъ нѣтъ-съ! это всѣ утверждаютъ. Да я самъ лечился въ Аренсбургѣ.

— И чувствуете пользу?

— Большую пользу! Смѣю васъ увѣрить, тамошнія ванны крайне зоровы, отвѣчалъ господинъ въ шинели съ глухимъ кашлемъ.

— Далеко имъ до гельсингфорскихъ: не тотъ грунтъ, не тотъ...

— Въ Ревелѣ воздухъ другой, вода другая...

— Вы предубѣждены, если позволите; да и на лицѣ у васъ, извините меня, не видать совершеннаго здоровья. Если бы вы лечились въ Аренсбургъ...

— Однако вы сами не можете похвалиться здоровымъ лицомъ!

— Это правда, но аренсбургскія купанья дѣйствуютъ не вдругъ. Доктора сказали мнѣ, что я поправлюсь совершенно мѣсяца черезъ два.

— Въ Петербургъ? спросили его собесѣдники съ насмѣшливой улыбкой.

— Въ Петербургъ. Докторъ объяснилъ, что во мнѣ произошла уже такъ сказать реакція противъ болѣзни, только обнаружится она вполне черезъ нѣсколько недѣль... Однако здѣсь, господа, какъ будто дуетъ! Не лучше ли намъ въ каюту?

— Да, становится сыро!

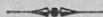
— Душно отъ печи!

Выздоровѣвшіе посѣтители балтійскихъ ваннъ встали и побрели въ каюту, закутывая шею и закрывая ротъ. Между-тѣмъ вечеръ былъ теплый, достойный лучшаго климата.

Отъ Березовыхъ острововъ мы вышли въ открытое море, и черезъ нѣсколько времени вдали показались едва замѣтныя очертанія зданій и мачтъ. Это Кронштадтъ.

Послѣдній лучъ солнца исчезъ позади насъ, и въ то же мгновеніе впереди, на одномъ изъ крѣпостныхъ фортовъ, мелькнулъ яркій свѣтъ, и громовые раскаты пушечнаго выстрѣла звучно пронеслись по грустно однообразной поверхности моря.

Къ довершенію неприятнаго впечатлѣнія намъ объявили, что мы должны ночевать передъ Кронштадтомъ. Къ пароходу подошла таможенная лодка, и на палубѣ поставили часоваго съ обнаженнымъ тесакомъ. Пассажиры сѣли за ужинъ, и всѣ разговоры обратились на таможню, грозу всего человѣчества, начиная съ почтеннаго мистера Кобдена и оканчивая простодушнымъ туристомъ, который слишкомъ расчетливо запасается шведскимъ табакомъ въ Финляндіи.

ВТОРАЯ ПОЪЗДКА.

I.

ФРИДРИХСГАМЪ.

Кто однажды испыталъ прелесть путешествія, тотъ на этомъ не остановится. Любовь къ новымъ зрѣлищамъ и впечатлѣніямъ, усиливаясь съ каждой поѣздкою, обращается въ страсть, дѣлается хронической болѣзною. Путешественникъ неисправимъ, какъ игрокъ. Я знаю людей, которые никогда не играли въ карты, и отроду не выѣзжали изъ своего роднаго города; но мнѣ не случалось встрѣчать игрока или туриста, который безъ рѣшительныхъ препятствій остановился бы на первой кар-

точной колодѣ или на одномъ только уголку географической карты.

Съ наступленіемъ новаго лѣта меня опять начало манить въ путешествіе. Невозможность ѣхать за-границу и нежеланіе трястись въ родной телѣгѣ до предѣловъ Крыма или Кавказа заставило опять подумать о Финляндіи. Къ-тому-же, познакомясь съ восточной частию этого края, я хотѣлъ взглянуть и на западную его половину. Новая Финляндія по красотамъ природы такъ же любопытна, какъ и Старая Финляндія. На этотъ разъ мнѣ удалось, какъ и прежде, запасться товарищемъ и достать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

Въ конторѣ Финляндскаго пароходства взяли мы билеты до Фридрихсгама, и въ прекрасное лѣтнее утро пріѣхали на набережную Васильевскаго-Острова, къ пристани парохода *Уньоненъ*. вмѣсто десяти часовъ, какъ обѣщано было въ объявленіи, мы отѣшли отъ берега ровно въ одиннадцать. Недавно я узналъ изъ газетъ, что этотъ пловучій ветеранъ отслужилъ свои годы, и за старостию лѣтъ продается съ публичнаго торга, а потому, не стѣсняясь латинской пословицею *de mortuis aut bene aut nihil*, замѣчу, что онъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ претензій на чистоту и удобства. Неповоротливый на ходу, какъ чухонская лайба, пароходъ этотъ отличался въ своей конструкціи разными дикими особенностями, а руль его приводился въ движеніе веревками, которыя тянулись и перекрещивались на кормовой палубѣ, подъ ногами у пассажировъ.

Кронштадтъ показался мнѣ на этотъ разъ не такъ мрачнымъ. Мы прошли мимо флота, который стоялъ на

рейдъ, выстроенный въ двѣ линіи. Корабли и фрегаты, убранные по случаю праздника разноцвѣтными флагами, пестрѣли какъ маслиничные балаганы. На палубѣ громадной *Россіи* гремѣла музыка.

По выходѣ въ открытое море, на пароходѣ нашемъ по-обыкновенію стали завязываться дорожныя знакомства. Общество Уньонена было довольно многочисленное. Большинство пассажировъ составляли больные и полубольные труженики нашей дѣловой столицы, которые отправлялись большею-частію въ Гельсингфорсъ. Одни изъ нихъ ѣхали купаться, другіе пить минеральныя воды, третьи — просто подышать не-служебнымъ воздухомъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые поправились уже за обѣдомъ, хотя онъ и не отличался особенной питательностью.

Въ шесть часовъ Уньонень остановился передъ стѣнами Выборгскаго-замка. Послѣ получасовой суматохи и перетаскиванья взадъ и впередъ чемодановъ и дорожныхъ мѣшковъ, снова раздался путевой звонокъ. Здѣсь случилось маленькое происшествіе, которое могло кончиться очень-дурно для нашего патриархальнаго парохода: едва только мы отошли отъ пристани и начали поварачивать къ выходу изъ залива, какъ на палубѣ слышался громкій, оглушающій крикъ... Руль не беретъ! кричалъ по-шведски Финнъ въ синей курткѣ и красномъ шерстяномъ шарфѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ нашъ почтенный Уньонень, не слушаясь руля, бѣжалъ прямо на берегъ. Рулевой поблѣднѣлъ, какъ парусъ. Напрасно налегалъ онъ всѣми силами на рулевое колесо: пароходъ вышелъ изъ повиновенія,

какъ взбѣсившаяся лошадь, и летѣлъ къ гранитнымъ скаламъ, грозя разбить себѣ носъ.

— Стопъ машина! заревѣлъ испуганный капитанъ.

Машину тотчасъ же остановили и дали ей задній ходъ. Уньоненъ только сажень на пять не дошелъ до каменнаго берега. Капитанъ побѣжалъ къ рулю. Причина возмущенія нашего кроткаго парохода обнаружилась въ одну минуту. Одинъ изъ новыхъ выборгскихъ пассажировъ, какой-то русскій мужичекъ-огородникъ, положилъ на палубѣ свой кафтанъ. При первыхъ поворотахъ колеса, кафтанъ этотъ запутался въ веревкахъ, которыми приводился въ движеніе руль,—и этотъ ничтожный случай едва не стоилъ жизни бѣдному Уньонену.

Капитанъ приступилъ было съ угрозами къ хозяину несчастнаго кафтана, но пассажиры общимъ голосомъ попросили его оставить въ покоѣ невиноватаго мужика, и перенести лучше свой гнѣвъ на рулеваго, который, зная нелѣпное устройство парохода, и отходя отъ пристани среди бѣлаго дня, не подумалъ взглянуть себѣ подъ ноги и убѣдиться, въ порядкѣ ли рулевая веревка.

Изъ Транзунда мы вошли въ шхеры, которыя тянутся сплошной гранитной сѣтью по всему южному берегу Финляндіи. Переѣздъ этотъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ по открытому морю: въ этомъ лабиринтѣ острововъ вы вполне обезпечены отъ морской болѣзни, и сверхъ-того любуетесь панорамою самыхъ разнообразныхъ видовъ. Въ шхерахъ есть мѣста истинно-живописныя. На каждомъ шагу открывается новая картина: иногда проливы суживаются какъ рѣчки или разливаются какъ озера; иногда виднѣется отдаленный берегъ или широкой

далью проглядывает море. По сторонамъ тянутся сотни острововъ, — и одни возникаютъ изъ воды голыми скалами, другіе опущены мохомъ, покрыты кустарникомъ или одѣты густыми елями и соснами. Нѣтъ двухъ острововъ похожихъ другъ на друга: передъ вами ежеминутно, какъ фигуры въ калейдоскопѣ, являются новые арабски изъ гранита и зелени.

Въ Фридрихсгамъ мы пришли ночью. Салютные выстрѣлы изъ трехъ маленькихъ пушекъ рѣзко прозвучали съ нашего парохода, и въ отвѣтъ послышалось въ городѣ заунывное пѣніе ночнаго сторожа: «спите, обыватели! одиннадцать часовъ било»! Едва успѣли мы остановиться, и якорная цѣпь еще гремѣла, съ шумомъ катясь въ море, какъ отъ пристани налетѣло къ намъ множество лодокъ. Бойкіе мальчишки и даже дѣвочки гребли на нихъ изо всѣхъ силъ, стараясь перегнать другъ-друга и поспѣть прежде другихъ къ пароходу, въ надеждѣ заработать нѣсколько копѣекъ. Въ одну минуту эти маленькіе моряки совсѣхъ сторонъ облѣпили Уньонень, какъ мухи лакомый кусокъ хлѣба. Они цѣплялись за спущенную сходню, за бортъ и колеса, отталкивали одни другихъ и страшно шумѣли, качаясь на своихъ маленькихъ лодочкахъ. Матросы безпрестанно отталкивали передовыхъ, но мѣста ихъ тотчасъ же занимали другіе. Бѣднякамъ предстояло однако жъ немного поживы, потому-что кромѣ меня съ товарищемъ никто не съѣзжалъ на берегъ.

Мы прыгнули въ одну изъ лодокъ, на которой въ качествѣ гребцовъ сидѣли дѣвочка лѣтъ десяти и мальчикъ годами двумя моложе. Матросы спустили нашу поклажу. Пробираясь между лодками, шнырявшими безнадежно

вокругъ парохода, который такъ безжалостно встревожилъ ихъ своими выстрѣлами, мы бросили въ одну изъ нихъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Между моряками поднялась при этомъ такая отчаянная суматоха, что мы испугались не на-шутку, но къ-счастію дѣло кончилось однимъ шумомъ. Въ нѣсколько минутъ маленькіе гребцы довели насъ къ пристани, прицѣпили свою лодку, подняли на головы наши дорожные мѣшки, — и мы пустились при гостепріимномъ свѣтѣ мѣсяца отыскивать вожделенный ночлегъ. Пройдя двѣ-три улицы, проводники наши остановились передъ деревяннымъ домомъ, и принялись такъ усердно барабанить въ затворенныя ворота, что проснушіеся клоkenы зацѣли какъ пѣтухи въ разныхъ концахъ города. Служанка отвела насъ въ чистую комнату, и черезъ полчаса я спалъ уже праведнымъ сномъ туриста.

Утромъ мы пошли взглянуть на Фридрихсгамъ. Это городокъ чистый и довольно красивый; жители говорятъ, что онъ обязанъ своей красотой послѣдному пожару, который въ нѣсколько часовъ вымелъ изъ него вѣковой соръ. На большой площади показали намъ массивное зданіе, гдѣ въ 1809 году подписанъ послѣдній трактатъ съ Швеціею, по которому вся Финляндія присоединена была къ Россіи, на основаніи конституціоннаго акта, утвержденного Императоромъ Александромъ I-мъ. Отъ этого историческаго зданія во всѣ стороны города раскидываются прямыя улицы, подобно спицамъ громаднаго колеса. Укрѣпленія Фридрихсгама, съ присоединеніемъ Новой Финляндіи, потеряли прежнее значеніе и теперь совсѣмъ не поддерживаются.

Но я уже сказалъ, что не намѣренъ повторять того, что читатели могутъ найти въ книгахъ. Самая любопытная и новая вещь, какую мнѣ удалось отыскать въ Фридрихсгамѣ — это анекдотъ о Суворовѣ, который до-сихъ-поръ свято хранится въ памяти городскихъ старожилловъ. Вотъ этотъ замѣчательный разсказъ.

Въ 1791 году главная квартира Суворова находилась въ Фридрихсгамѣ, а самъ онъ жилъ въ домѣ г-жи Гринъ, вдовы тамошняго штабъ-лекаря, лучшемъ во всемъ городѣ. Главнокомандующій занималъ верхній этажъ, хозяйка помѣщалась внизу. Она была женщина умная, ловкая, пользовалась общимъ уваженіемъ въ городѣ, хорошо говорила по-русски, и вполне умѣла угодить своему знаменитому жильцу. Суворовъ любилъ ее, приходилъ къ ней въ свободныя минуты отъ своихъ занятій на чашку чаю, любилъ говорить съ нею по-шведски, и обыкновенно называлъ ее маменькой.

У г-жи Гринъ была дочь и племянница, обѣ молодыя дѣвушки, и обѣ невѣсты: одна сговорена была за доктора Л., родомъ Итальянца, другая—за голштинскаго уроженца У., бывшаго въ Фридрихсгамѣ учителемъ. Г-жа Гринъ желала, чтобъ обѣ свадьбы совершились въ одно время, и наконецъ назначила день. Въ домѣ начались приготовленія.

За день до свадьбы штабъ-лекарша пришла къ своему жильцу. Суворовъ былъ очень-веселъ, бѣгалъ по комнатамъ, и увидѣвъ свою маменьку, самъ подалъ ей стулъ. Хозяйка сказала ему о наступающимъ днѣ свадьбы дочери и племянницы и просила графа осчастливить ее, быть посаженнымъ отцомъ у ея дочери. Суворовъ согла-

сился, и сверхъ-того вызвался быть отцемъ посаженнымъ и у племянницы, говоря, что любить обѣихъ невѣсть, и желаетъ познакомиться съ ихъ будущими мужьями. Г-жа Гринъ благодарила графа за честь.

— Не-за-что! не-за-что! закричалъ онъ. Я васъ люблю, маменька; прямо, по-солдатски говорю, люблю. Я солдатъ, прямикъ, не двуличка, — гдѣ мысли, тутъ и языкъ! Смотрите же, маменька, — прибавилъ онъ прищуриваясь и грозя пальцемъ, — чтобъ мнѣ не быть у васъ за ужиномъ голоднымъ: я русскій солдатикъ, люблю щи да кашку!

— Позвольте мнѣ, графъ, — сказала хозяйка, — посоветоваться съ вашимъ поваромъ.

— Да, посоветуйтесь: мой Гришка славный поваръ, помилуй Богъ какой мастеръ; на свѣтѣ другаго нѣтъ.

Ободренная ласковымъ приемомъ графа, г-жа Гринъ откровенно призналась, что беспокоится о тѣснотѣ квартиры. Суворовъ предложилъ ей свою половину.

— Но я буду въ отчаяніи, если обезпокою васъ! сказала штабъ-лекарша.

— Помилуй Богъ! вскричалъ Суворовъ. Обезпокоить солдата, русскаго солдата! Развѣ онъ нѣженка какой? — Дайте мнѣ чердачекъ либо чуланчикъ, да охачку сѣнца, — и усну, захраплю, развѣ вотъ кто разбудить!

Тутъ онъ хлопнулъ руками и запѣлъ цѣтухомъ. Въ тотъ же день графъ перебрался въ одну небольшую комнатку и предоставилъ свою квартиру въ распоряженіе хозяйки.

Свадебный обрядъ, по желанію г-жи Гринъ, долженъ былъ совершиться у нея на-дому. Комнаты оставили ме-

белью, но во всей квартирѣ не было ни одного зеркала, изъ уваженія къ Суворову, который не могъ терпѣть зеркаль.

Наступилъ вечеръ. Домъ освѣтили. Начали съѣзжаться гости, пріѣхали и женихи. Докторъ Л., человекъ лѣтъ тридцати, скромно-одѣтый, имѣлъ характеръ хитрый, вкрадчивый, настоящій итальянскій. Г-нъ У. былъ моложе его нѣсколькими годами, веселаго и вѣтрянаго характера, и большой щеголь. Онъ одѣтъ былъ со всею изысканностью тогдашней моды: во французскомъ фракѣ, нарочно выписанномъ изъ Петербурга; бѣлый туго накрахмаленный галстухъ высоко подпиралъ его голову, причесанную по послѣдней, только-что явившейся тогда, модѣ à la Brutus, со множествомъ кудрей, завитыхъ и взбитыхъ кверху; духи и помада разливали благоуханіе на нѣсколько шаговъ.

Все было готово; ждали посаженнаго отца. Наконецъ явился Суворовъ, въ мундирѣ, въ орденахъ. Г-жа Гринъ подвела къ нему жениховъ. Графъ подалъ имъ руки, но при первомъ взглядѣ на учителя сдѣлалъ гримасу, и на лицѣ его показалась насмѣшливая улыбка. Пасторъ началъ обрядъ. Сначала вѣнчали дочь г-жи Гринъ, потомъ племянницу. Во время обряда Суворовъ морщился, поглядывая на учителя, нахмуривалъ брови, прищуриваясь глядѣлъ на его прическу, выставлялъ носъ, нюхалъ и поплевывалъ въ сторону. Видно было, что модный фракъ, духи и въ-особенности огромная прическа молодого щеголя произвели на него очень непріятное впечатлѣніе. Сперва онъ молчалъ, потомъ началъ шептать: «щеголь!

помилуй Богъ, щеголь! голова съ походный котель!
прыгунчикъ! пахучка!»

Онъ вынулъ платокъ и зажалъ носъ.

По окончаніи обряда, Суворовъ поздравилъ молодыхъ. Докторъ умѣлъ ему понравиться. Графъ обходился съ нимъ очень благосклонно, почти дружески, съ участіемъ спрашивалъ о его дѣлахъ и называлъ запросто Карломъ Карлычемъ. Но лишь только бѣдный учитель подходилъ къ Суворову, онъ затыкалъ платкомъ носъ, поглядывая съ насмѣшкою на его прическу.

Заиграла музыка. Графъ открылъ балъ полонезомъ съ дочерью хозяйки, потомъ танцевалъ съ другой молодою. По какому-то странному ослѣпленію, У. не замѣчалъ дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на своего посаженаго отца, танцевалъ, веселился, перебѣгалъ съ одного конца комнаты на другой и вполне выказывалъ всю беззаботность своего характера. По окончаніи одного танца, отводя на мѣсто даму, онъ былъ такъ неостороженъ, что наступилъ Суворову на ногу въ то время, когда тотъ проходилъ по комнатѣ. Суворовъ сморщился, сдѣлалъ гримасу, и схвативъ рукою за конецъ ступни, заговорилъ: «ай! ай! ай! ходить не могу.... Господи помилуй! хромаю, калеккой сталъ!»

Гости встревожились. Испуганная хозяйка не знала что дѣлать; бѣдный У. походилъ на статую; молодая жена его готова была плакать. Наконецъ г-жа Гринъ приказала подать кресла, и обращаясь къ Суворову, умоляла его сѣсть. Суворовъ не слушалъ и продолжалъ говорить скоро: «Охъ, кургузый щеголь! безъ ноги сдѣлалъ! голова съ хохломъ, съ пребольшимъ хохломъ! Ой, поми-

луй Богъ! калекой сталъ! Охъ, краснословка! вѣжливка! паучка!»

Хозяйка совершенно растерялась; всѣ гости съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣли на эту странную сцену.

Вдругъ Суворовъ подошелъ къ г-жѣ Гринь.

— Маменька! сказалъ онъ: маменька! гдѣ та щетка, которою передъ свадьбой обметали у васъ потолоки, круглая такая, вотъ какъ голова этого щеголя!

Онъ показалъ на неподвижнаго У.

— На дворѣ, графъ! прошептала штабъ-лекарша.

— Покажите мнѣ ее!

Должно было повиноваться. Принесли круглую щетку на длинной палкѣ. Суворовъ поднялъ голову.

— Славная щетка! сказалъ онъ, посматривая искоса на бѣднаго учителя, который въ отчаяніи пробирался къ стѣнѣ: — точно парикмахерскій болванъ!... Брутова голова! Важно причесана, помилуй Богъ какъ гладко, только что стѣны обметать! Бруты, Цезари, патріоты на козыхъ ножкахъ, двулички-экивоки! языкомъ города берутъ, ногами пыль пускаютъ... а головы — пуфъ! щетка! ей-Богу щетка!

Тутъ онъ повернулся на одной ногѣ, и заговорилъ съ хозяйкою о московскихъ блинахъ, и о томъ, какъ должно готовить ихъ. Мало-по-малу всѣ успокоились, начали говорить, шутить, смѣяться, и скоро всѣ, кромѣ несчастнаго У., забыли приключеніе со щеткой. Только одинъ Фридрихгамскій щеголь не могъ возвратить своей прежней веселости, и нетолько не смѣлъ подойти къ Суворову, но избѣгалъ даже его взгляда.

За ужиномъ Суворовъ сѣлъ между двумя новобрач-

ными дамами, и выпилъ за ихъ здоровье стаканъ вина. Передъ нимъ поставили два горшка, со щами и кашею. На другой день онъ прислалъ хозяйской дочери богатый серебряный сервизъ. Бѣдный щеголь не получилъ ничего.

Располагаясь ѣхать на возвратномъ пути изъ Гельсингфорса черезъ Ловизу и Борго, мы рѣшили отпра- виться теперь по внутренней дорогѣ, которая перерѣзы- ваетъ страну параллельно съ моремъ, въ направленіи къ Тавастгусу. Впослѣдствіи планъ нашего путешествія из- мѣнился, и я очень жалѣлъ, что мы не поѣхали берего- вой дорогою.

Утромъ сѣли мы въ почтовую таратайку, такъ же удобную и покойную, какъ въ Саволакскъ, и пустились по дорогѣ къ Коувалъ, станціи на берегу рѣки Кюмени, ко- торая была нѣкогда пограничной чертою Старой и Но- вой Финляндіи.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ Фридрихстама, красно- ватыя гранитныя скалы начали смѣняться невысокими холмами, густо покрытыми еловымъ лѣсомъ. Во всѣ сто- роны тянулись длинныя гряды возвышенностей, увизан- ныхъ по краямъ большими валунами. Мѣстами показы- вались пашни. Но людей мы почти не видали. Дорогою попало намъ только нѣсколько старухъ съ ягодами; онѣ встрѣчали и провожали насъ быстрыми книксенами.

Станція Коувала стоитъ на самомъ берегу Кюмени. Жаръ былъ нестерпимый, и мы прямо съ таратайки бро- сились купаться въ быстрой рѣкѣ. Къ намъ тотчасъ же присоединилось около десятка ребятшекъ — всѣ они плавали какъ рыбы. Между-тѣмъ намъ подали новую те-

лежку. Освѣщенные купаньемъ, мы вошли на паромъ, гдѣ въ числѣ гребцовъ была молоденькая, стройная чухонка, въ красномъ шерстяномъ корсажѣ, съ огромной мѣдной бляхою, которая въ случаѣ нужды защитила бы грудь не хуже рыцарскаго щита. Эта вооруженная красавица работала весломъ съ энергіею, достойной самага сильнаго и усерднаго гребца.

Мы въѣхали въ предѣлы Новой Финляндіи.

II.

КАЙЗОЛЯ. — ЛЯХТИСЬ.

Если справедливо, что природа кладет свою печать на образ жизни и характер людей, то нигдѣ это не выражается съ такой очевидностью, какъ въ Финляндіи. Здѣсь на каждомъ шагу вы находите поразительную аналогію между страной и всѣмъ бытомъ ея населенія. Въ финляндскомъ городѣ та же мрачность и безмолвіе, какъ на окружающихъ его горахъ и озерахъ. Деревянные домики, потемнѣвшіе отъ времени или окрашенные въ любимый красный цвѣтъ, вполне гармонируютъ съ страной, покрытой сплошными массами сѣраго и краснаго гранита. Селенія еще больше выражаютъ характеръ края. Въ Финляндіи нѣтъ деревень, въ томъ смыслѣ слова, какъ оно понимается въ Россіи. Земля принадлежащая одному семейству, разбросана нерѣдко на значительномъ пространствѣ, перерѣзана озеромъ или цѣпью бесплодныхъ скалъ. Торпы, то-есть арендные участки селенія, разсѣяны иногда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мызы. Русская община невозможна въ Финляндіи: здѣсь и люди разбросаны въ такомъ же хаосѣ, какъ земля и воды.

Финскій туземецъ вполне похожъ на страну, въ которой живетъ: онъ также мраченъ и молчаливъ. Невѣроятный трудъ, съ какимъ человекъ добываетъ здѣсь хлѣбъ на своихъ каменныхъ нивахъ, развиваетъ необычайную твердость и упорную настойчивость въ его характерѣ; а жизнь въ уединенной хижинѣ, вдали отъ сосѣдей, отдѣленныхъ иногда большимъ разстояніемъ, приучаетъ его къ молчанію и суровой задумчивости. Въ чертахъ Финна ярко отражается твердость и мрачность его родныхъ гранитовъ.

Отъ самой переправы черезъ Кюмень мѣстность однообразна. По обѣимъ сторонамъ дороги видны были сплошныя зубчатая стѣны густаго еловаго лѣса. Изрѣдка только попадались массы вывѣтрившагося гранита, которыя сами собою разсыпались въ мелкую древесу. Съ завиднымъ аппетитомъ приѣхали мы на станцію Кайзоля, рѣшась заранѣе добыть здѣсь какой-нибудь обѣдъ.

Станціи въ этой части Финляндіи отличаются большей опрятностью, чѣмъ въ Карелии. Вы находите обыкновенно крестьянскій домъ, раздѣленный на двѣ половины. Въ одной помѣщается станціонная комната, съ простой, но опрятной мебелью. На столѣ лежитъ дорожная книга, гдѣ расписываются проѣзжающіе, а на стѣнѣ виситъ въ рамкѣ почтовое положеніе или *стадга*. Въ числѣ правилъ этого станціоннаго кодекса есть одна статья, которая сильно озадачиваетъ русскаго человека, привыкшаго къ кулачному праву нашихъ проѣзжихъ дорогъ: по финскому закону проѣзжающій за напрасную брань гастгеберу и даже извощику платитъ 97 рублей

штрафа. И не думайте, что это правило существует только на бумагѣ: намъ рассказывали еще на пароходѣ, какъ оно въ прошломъ году примѣнено было *de facto* къ какому-то петербургскому господину. Нѣсколько гравированныхъ картинокъ, и между ними нерѣдко портретъ Наполеона, дополняютъ убранство станціонной комнаты.

Другую половину дома занимаютъ хозяева. Здѣсь вы видите домашній бытъ Финна. Въ комнатѣ стоитъ обыкновенно громадная печь, большею частью не штукатуренная. По стѣнамъ тянутся скамейки; въ одномъ углу большой шкафъ съ посудой, въ другомъ кровать, такихъ же колоссальныхъ размѣровъ, какъ и печь. Финны любятъ спать на положенномъ мѣстѣ: я никогда не видалъ здѣсь, чтобъ люди лежали на полу или подъ лавками, какъ въ русской деревнѣ. Во всякой избѣ находили мы книги на финскомъ языкѣ: это по большой части молитвенники или другія сочиненія духовнаго содержанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ календарь, а въ двухъ станціонныхъ домахъ нашелъ нѣсколько нумеровъ шведскаго журнала *Suomi*, который издается въ Куопіо. На вопросъ мой по этому предмету, одинъ гасгеберъ отвѣчалъ, что беретъ его на прочтеніе отъ пастора, а другой выписывалъ самъ, въ складчину съ двумя сосѣдними крестьянами. Часто случалось мнѣ видѣть старухъ, усердно занятыхъ чтеніемъ или обученіемъ дѣтей.

Мы вошли въ станціонную комнату. Полъ въ ней густо усыпанъ былъ ельникомъ. Этотъ обычай господствуетъ во всей Финляндіи, и въ городахъ, и въ самыхъ бѣдныхъ избахъ. Въ деревенской станціонной комнатѣ вы находите обыкновенно ящикъ съ можжевельникомъ,

поставленный въ углу вмѣсто плевальницы. Иногда сверхъ можжевельника кладутъ въ него полевые цвѣты. Даже на дворѣ, передъ крыльцомъ дома, лежитъ нерѣдко большая вязанка молодыхъ еловыхъ вѣтокъ. Сначала такой обычай кажется немного страннымъ, но скоро вы привыкаете къ этому, и совсѣмъ забываете похоронную извѣстность нашего ельника.

Наши дорожные запасы состояли только изъ круглаго голландскаго сыра и итальянской ветчины, а потому нужно было подумать о чемъ-нибудь дополнительномъ. Гастгебера не было дома, и его должность отправляла маленькая дѣвочка. Я тотчасъ же отправился на хозяйскую половину хлопотать о нашемъ обѣдѣ. Съ перваго шага меня поразило странное убранство финскаго геникея. По всему потолку вдоль комнаты привѣшено было тѣсными рядами множество длинныхъ жердей, увязанныхъ кружками темно-сѣраго цвѣта. Это *кнаке-бре*, обыкновенный чухонскій хлѣбъ, заготавливаемый у крестьянъ на цѣлый годъ. Его пекутъ въ видѣ лепешекъ, величиной съ обыкновенную тарелку, протыкаютъ посерединѣ и нанизываютъ плотно на шесть, который потомъ привѣшиваютъ горизонтально къ потолку. Подлѣ этого шеста прицѣпляется другой, за нимъ третій, и такимъ-образомъ вскорѣ послѣ жатвы и помола весь потолокъ въ избѣ покрывается этими хлѣбными гирляндами. Къ концу года *кнаке-брä* такъ засыхаютъ, что дѣлаются совершенно похожими на камень. Не смотря на крѣпкіе зубы, эти опрѣсноки всегда казались мнѣ столько же неудобными для ѣды, какъ и финскій гранитъ. Стѣны комнаты увѣшаны были по-обыкновенію гравюрами, и между ними былъ

портретъ славной нѣкогда Бобелины. Какимъ образомъ судьба забросила эту греческую героиню на одну изъ самыхъ пустынныхъ станцій въ Финляндіи!

На скамейкѣ, подлѣ самымъ портретомъ Бобелины, сидѣла за самопрялкою старуха съ распущенными съдыми волосами.

Съ дорожною книжкою въ рукѣ подошелъ я къ этой особѣ, которая перебирая въ костлявыхъ пальцахъ свою нескончаемую нить, пряла подобно паркѣ, если не судьбу человѣческой жизни, то по-крайней-мѣрѣ участь нашего обѣда. Я обратился къ съдовласой пряхѣ.

— Можно у васъ пообѣдать?

Старуха покачала отрицательно головой и пробормотала что-то въ отвѣтъ. Я понялъ изъ всего этого, что предчувствіе меня не обмануло: мы попали на одну изъ тѣхъ бѣдныхъ, уединенныхъ станцій, гдѣ по незначительности почтовой ѣзды вовсе не готовятъ обѣда для проѣзжающихъ. Нужно было однако же добыть что-нибудь.

— Есть у васъ молоко? спросилъ я.

— Молоко есть, отвѣчала старуха.

— А яйца, хлѣбъ?

— Есть.

— Давайте же намъ скорѣе.

Старуха встала. Я воротился въ станціонную комнату, и пригласилъ товарища на конференцію, для приведенія въ извѣстность нашихъ поварскихъ талантовъ. Послѣ взаимнаго экзамена оказалось, что общими усиліями мы можемъ состряпать исправную яичницу, а принимая въ расчетъ взятый изъ Петербурга ромъ, въ состояніи даже полакомиться гоголь-моголемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка поставила передъ нами припасы. Но что же? Яйца были уже совсѣмъ сварены, и притомъ очень-круто, вмѣсто молока явилась простокваша, а подъ видомъ хлѣба поданы были сухие кнаке-бре. Всѣ наши планы на яичницу и гоголь-моголь разстроивались окончательно.

— Она не поняла тебя! сказалъ съ досадою мой товарищъ.

— Видно, что такъ! А этотъ чухонскій *guide de voyage* до-сихъ-поръ служилъ исправно.

— Надобно попробовать еще разъ.

Онъ въ свою очередь приступилъ съ дорожной книжкою къ нашей хозяйкѣ. Старуха повидимому догадывалась, что намъ нужно что-то другое, но не смотря на чухонское краснорѣчіе моего товарища, ничего не понимала.

Впослѣдствіи намъ объяснили, что въ этой сторонѣ говорятъ особымъ нарѣчіемъ, отличнымъ нѣсколько отъ того, которое господствуетъ въ Карелии и Саволакскѣ. Финскій языкъ въ основаніи своемъ не похожъ на другіе европейскіе языки. Не смотря на однообразное удареніе въ словахъ, падающее всегда на первый слогъ, въ произношеніи его есть множество особенностей, неодолимо-трудныхъ для иностранца. Вся сила языка заключается въ гласныхъ звукахъ. Согласныя буквы въ финскомъ языкѣ часто замѣняются однѣ другими, и въ разныхъ областяхъ края выговариваются различно въ одномъ и томъ же словѣ; но гласная буква остается неприкосновенною, и отъ малѣйшей неправильности въ ея произношеніи смыслъ слова совершенно измѣняется и даже исчезаетъ. Вотъ почему русское ухо, способное уловлять

всевозможные звуки, часто оказывается несостоятельнымъ въ отношеніи къ тонкостямъ чухонскаго произношенія.

Бросивъ книгу, товарищъ мой принялся пантомимомъ объяснять старухѣ разницу между сырыми и вареными яицами, прѣснымъ молокомъ и простоквашею, но не смотря на обнаруженный имъ въ этомъ случаѣ талантъ въ мимическомъ искусствѣ, объясненія его не имѣли никакихъ послѣдствій. Хозяйка наша покачала головой, проворботала: *энъ мойста* и ушла въ свою комнату.

— Глупый народъ! сказалъ съ досадою мой пріятель.

— Понятія не имѣютъ о балетномъ языкѣ! прибавилъ я.

Мы оба захохотали.

Между-тѣмъ на желудкѣ у насъ было совсѣмъ не весело. При самомъ усиленномъ настроеніи аппетита, мы располагались уже приняться за свой дорожный сыръ съ дополненіемъ одной довольно черствой булки. Вдругъ у меня мелькнула счастливая мысль. Я хлопнулъ руками, какъ Архимедъ въ минуту своего великаго открытія.

— Еугіка! нашель! вскричалъ я.

— Ужъ не обѣдъ ли? спросилъ мой товарищъ.

— Разумѣется.

— Перестань шутить!

— Какія шутки! Хочешь по-англійски держать пари? Если у насъ будетъ сей-часъ яичница, ты платишь за все угощеніе.

— А если не будетъ — тебѣ оставаться безъ булки.

— Идетъ!

Я вышелъ и черезъ пять минутъ позвалъ моего пріятеля въ хозяйскую комнату. Онъ остановился въ удивленіи, видя на столѣ горшокъ свѣжаго молока, тарелку невареныхъ яицъ и мягкій, хотя довольно-дурно испеченный, бѣлый хлѣбъ. Старуха разводила уже огонь на очагѣ.

— Пари твое выиграно! сказалъ мой товарищъ. Но зачѣмъ же ты скрывалъ свои познанія въ чухонскомъ языкѣ?

— Да я ни слова не говорилъ съ хозяйкой.

— Какимъ же чудомъ ты все это добылъ?

— Очень-просто: я отыскалъ погребъ и самъ забралъ, что нужно.

Мы отправились на рекогносцировку хозяйскаго шкапа, и нашли въ немъ всю нужную посуду, даже небольшую желѣзную ступку съ деревяннымъ пестикомъ. Старуха принялась толочь сахаръ, а мы занялись стряпней, и скоро нашъ пустынный обѣдъ былъ готовъ. Мы приготовили стаканъ гоголь-моголю для нашей хозяйки; лакомство видимо ей понравилось; она поблагодарила насъ самымъ низкимъ присѣданьемъ. Пари стоило моему товарищу двадцать копѣекъ серебромъ.

Подкрѣпленные самодѣльной закуской, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Пустынная, лѣсистая сторона казалась безконечною. Мѣстами виднѣлась между деревьями какая-нибудь хижина самыхъ лиллипутскихъ размѣровъ или деревянная вышка, въ которой сушатся у крестьянъ вѣники, заготавливаемые здѣсь на цѣлый годъ, какъ и хлѣбныя лепешки. Еслибы не дорога, которая вилась передъ нами желтой полосой, впиваясь вдали въ

гребень стоящаго на возвышеніи лѣса, то можно бы иногда подумать, что мы попали въ страну, гдѣ отъ вѣка не было никакого населенія. Кажется, будто этотъ дикій край только-что вышелъ изъ рукъ Божіихъ.

Лѣса и горы тонули уже въ вечернемъ сумракѣ, когда мы пріѣхали ночевать въ Ляхтисъ. Станція эта лежитъ на берегу озера, при маленькомъ живописномъ заливѣ. Окна нашей спальни обращены прямо на озеро, обрамленное горами. Когда я взглянулъ въ окно, темная поверхность воды, казалось, застлана была чернымъ сукномъ, а вдали вершины прибрежныхъ скалъ вырѣзывались еще свѣтлыми фестонами въ послѣднихъ лучахъ потухающей зари. И здѣсь служанка не понимала нашего діалога, но предчувствовала, кажется, что въ этомъ день мы должны были обѣдать не слишкомъ-роскошно: она, поправивъ постели, поставила на столъ поднось съ чухонскимъ масломъ, тарелкою мелко-нарѣзаннаго мяса и графиномъ заграничнаго хереса.

Когда она вышла и затворила дверь, въ домѣ сдѣлалось такъ тихо, что мы ясно могли слышать стукъ своихъ карманныхъ часовъ.

III.

ТАВАСТГУСЬ.

Въ всей Финляндіи не видалъ я такой картины, какая развернулась передъ нами на другой день, когда при закатѣ солнца, послѣ утомительной ѣзды по однообразной сторонѣ, увидѣли мы наконецъ живописный Тавастгусь. Съ вершины возвышенія открылся намъ обширный горизонтъ, обставленный со всѣхъ сторонъ холмами, и посреди этой панорамы изъ водъ и зелени — красивый городокъ, въ томъ вечернемъ освѣщеніи, когда на одной сторонѣ неба скрывается солнце, а на другой наливается уже свѣтомъ бѣловатый дискъ молодого мѣсяца. Вся картина отличалась какою-то мягкостію и спокойствіемъ: въ ней вовсе не было того дикаго характера, какимъ поражаетъ васъ финская природа. Выгнутыя линіи окрестныхъ горъ, одѣтыхъ зеленью, не походили на мрачные утесы Саволакса, берега весело сверкающаго озера отличались пріятными для глазъ очертаніями, и самыя вѣтренныя мельницы, разбросанныя кое-гдѣ по возвышеніямъ, какъ-то привѣтливо размахивали своими полупрозрачными крыльями.

По длинному мосту, перекинутому черезъ заливъ, въѣхали мы въ городъ, который ведетъ свою родословную съ XIII вѣка, когда Биргеръ-Ярль заложилъ здѣсь крѣпость, для обузданія дикихъ Тавастландцевъ и прекращенія частыхъ визитовъ нашихъ новгородскихъ земляковъ. Но какъ привлекателенъ казался Тавастгусъ издали, такъ обманулъ онъ насъ, когда мы подѣхали ближе. Онъ пустъ и мраченъ, подобно прочимъ городамъ Финляндіи. Улицы его, обстроенныя по большей части деревянными домиками, идутъ по склону горы на берегъ озера. На домахъ господствуетъ неизбѣжный красный цвѣтъ и безпрестанно попадаются вывѣски съ изображеніемъ трубокъ и чубуковъ. Въ одномъ мѣстѣ привѣшена была къ воротамъ огромная деревянная трубка съ мѣдной оправою, величиною съ кавалергардскій ботфортъ. Видно, Тавастгусъ снабжаетъ курильнымъ инструментомъ всю Финляндію.

Намъ рекомендовали гостинницу Соммера, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились на площади, передъ порядочнымъ домомъ съ вывѣскою *Hôtel de Saint-Pétersbourg*. При входѣ встрѣтилъ насъ молодой лакей, съ завитымъ хохломъ, въ черномъ фракѣ съ побѣлѣвшими швами и въ бѣломъ галстухѣ съ почернѣвшими складками. Онъ провелъ насъ въ большую комнату съ приличной мебелью и безукоризненнымъ бѣлымъ на постеляхъ. На первый вопросъ нашъ, онъ отвѣчалъ длинной рѣчью, въ которой мы при всей своей филологической опытности ничего не поняли. Между тѣмъ на требованіе подать воды, сдѣланное на русскомъ языкѣ, онъ тотчасъ же явился съ графиномъ и стаканами; приказаніе принести свѣ-

чи, отданное по-нѣмецки, исполнено было съ такою же точностью, и даже, когда я спросилъ по-французски, какъ его зовутъ? — онъ отвѣчалъ тотчасъ же: Мейеръ! При всемъ томъ мы ничего не понимали въ его разговорѣ. Озадаченный такимъ любопытнымъ случаемъ, я началъ предлагать ему вопросы, которые требовали короткихъ, положительныхъ отвѣтовъ, и дошелъ наконецъ до открытія, что нашъ тавастгускій фронтъ говоритъ на небываломъ нарѣчій, которое поставило бы въ тупикъ и самого кардинала Меццофанти. Это была смѣсь нѣмецкихъ, чухонскихъ, русскихъ и шведскихъ словъ, исковерканныхъ такимъ образомъ, что русское имя являлось съ чухонскимъ окончаніемъ, шведскій глаголь спрягался по грамматикѣ Греча, и въ добавокъ еще рѣчь разбавлялась нѣмецкими частицами. Скоро однакожь мы оказали блистательные успѣхи въ этомъ новомъ нарѣчій индо-германскаго корня. Утомленный долгимъ переѣздомъ, я уснулъ послѣ перваго крика городскихъ клоkenовъ.

Рано утромъ проснулись мы отъ сильнаго грохота. На площади, передъ губернаторскимъ трехъ-этажнымъ домомъ, который своею бѣлою краской отличается рѣзко отъ окружающихъ его красныхъ домиковъ, стояло трое клоkenовъ въ каскахъ, ярко блиставшихъ на утреннемъ солнцѣ, и одинъ изъ нихъ выбивалъ на барабанѣ зорю съ такими необыкновенными перекатами, какихъ вы не услышите и у столичныхъ виртуозовъ этого искусства. Стекла въ нашихъ окнахъ аккомпанировали съ замѣчательныхъ тактомъ. За инструментальною частью концерта слѣдовала вокальная: двое остальныхъ прокричали утреннее привѣтствіе доброму городу Тавастгусу. По волшеб-

ному голосу ихъ, мирный городокъ тотчасъ же началъ просыпаться: чухонцы выѣхали съ припасами на рынокъ, и изъ красныхъ домиковъ потянулись съ корзинами служанки въ красныхъ юбкахъ. Площадь оживилась.

Мейеръ, завитой какъ парикмахеръ, подалъ намъ кофе. Мы отправили привезенное изъ Петербурга рекомендательное письмо къ помѣщику Д., жившему на своей подгородной мызѣ, и пошли бродить по городу.

Обзоръ Тавастгуса мы начали съ лавокъ. Какъ во всѣхъ маленькихъ городкахъ, онѣ отличаются характеромъ энциклопедическимъ. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ вы находите сукно и войлоки, помаду и колбасы, книги и игральныя карты. Дорожную сафьянную подушку купилъ я въ желѣзной лавкѣ. Папиросъ же мы нигдѣ не могли достать, и намъ посоветовали спросить ихъ въ аптекѣ. Въ самомъ дѣлѣ мы нашли въ аптекѣ папиросы — не распалевскія, а простыя, изъ шведскаго табаку.

— Можно взять безъ рецепта? спросилъ я у аптекаря.

— Да, можно! отвѣчалъ онъ прехладнокровно.

Купцы торгуютъ здѣсь съ непонятной для русскаго человѣка апатіей. Вы не увидите въ Финляндіи тѣхъ бойкихъ сидѣльцевъ съ подвижными руками и улыбающеюся фізіономіей, которые въ Петербургѣ такъ краснорѣчиво расхваливаютъ вамъ свои «настоящіе аглицкіе» товары. Здѣсь продавецъ не бѣгаетъ изъ угла въ уголъ по лавкѣ, не прыгаетъ какъ вѣкша по лѣстницамъ; онъ отвѣчаетъ вамъ лѣниво, не хвалитъ поминутно своихъ товаровъ, но зато и не обманываетъ васъ, если только вы сами не напроситесь какъ-нибудь на обманъ.

Возвращаясь въ гостинницу, мы увидѣли на рынкѣ

широкій кружекъ столпившагося народа. Еще издали слышались тамъ глухіе звуки какого-то патріархальнаго инструмента, похожаго на барабанъ городскихъ клоковъ. Мы подошли. Въ срединѣ круга стоялъ мужикъ съ жиденькой русой бородкой, въ рыжемъ поношенномъ кафтанѣ и истертой шляпенкѣ московскаго фасона. Въ одной рукѣ держалъ онъ длинную палку, а въ другой конецъ желѣзной цѣпи, на которой ходилъ большой бурый медвѣдь съ продѣтымъ въ губу кольцомъ. Поодаль другая фигура въ козлиной шкурѣ съ рогами, изъ-подъ которой выказывались ноги въ лаптяхъ и пестрыхъ онучахъ, усердно колотила въ обтянутое кожею лукошко. Чухны густой толпой окружали эту труппу, въ которой мы съ перваго взгляда узнали земляковъ.

— А ну, Михалъ Ивановичъ, не лѣнись! вишь, какъ Марья Ивановна тѣшитъ твою милость! говорилъ однозвучной скороговоркою мужикъ, поднимая палкою медвѣдя на заднія лапы.

Финны стояли съ невозмутимымъ спокойствіемъ. — А какъ наши бабы на барщину ходятъ? продолжалъ гнусливымъ напѣвомъ мужикъ.

Медвѣдь пошелъ тяжелой поступью, переваливаясь съ ноги на ногу и изрѣдка почесывая лапой у себя за ухомъ.

— А какъ красныя дѣвки съ парнями въ лѣсъ по грибы гуляютъ?

Медвѣдь началъ прыгать на цѣпи. Зрители подались назадъ, и кругъ значительно увеличился въ діаметрѣ.

Русское представленіе шло своимъ чередомъ, съ обыкновенными прибаутками. Но меня занимала не потѣха, а

зрители. Чухны не понимали ни слова, но прислушивались къ словамъ мужика съ напряженнымъ вниманіемъ.

Наконецъ коза сбросила свою шкуру и оказалась одноглазымъ мальчишкой лѣтъ пятнадцати. Обернувъ кверху дномъ свой барабанъ, онъ принялся обходить зрителей, собирая немногочисленные гроши.

— Откуда вы? спросилъ я мужика.

— Костромскіе, батюшка! отвѣчалъ онъ, снимая лѣнливо шляпу.

— Какъ же вы сюда попали?

— Были подъ Москвой, подъ Питеромъ.

— А теперь куда идете?

— Въ Лизинъ-форсъ.

— Хорошо ли у васъ сборъ идетъ?

— Коё-какъ кормимся, батюшка.

— Да понимаютъ ли здѣсь, о чемъ ты толкуешь съ своимъ Михайломъ Иванычемъ?

— А кто ихъ знаетъ! Може иное и не въ толкъ, да по крайности потѣшно: всѣ люди, всѣ человѣки.

Въ самомъ-дѣлѣ Чухны смѣялись точно такъ же, какъ будто совершенно понимали всѣ тонкіе намеки на старосту и бурмистра и вѣкъ свой ходили по-русски на барщину. Я невольно вспомнилъ нашу итальянскую оперу.

Въ гостинницѣ мы нашли Д., который съ любезной внимательностью пріѣхалъ предложить намъ свои услуги для обозрѣнія города. Послѣ завтрака мы поѣхали въ крѣпость, древній Тавастборгъ, въ которомъ кромѣ имени не уцѣлѣло впрочемъ ничего древняго. Маленькій замокъ съ невысокими башнями, обведенный гранитнымъ рвомъ, довольно живописно возвышается на берегу озера. Подъ

цвѣтъ городу, онъ весь красный. При въѣздѣ отстроиваются каменные казармы, а передъ ними дѣлая гора выравнивается для большаго экзерцир-плаца. Въ крѣпостныхъ стѣнахъ помѣщается теперь арестантскій замокъ и рабочій домъ.

Нигдѣ я не видалъ такого страннаго зрѣлища, какое ожидало насъ въ Тавастгускомъ замкѣ. По всему двору разсѣяны были группами арестанты, въ тиковыхъ клѣтчатыхъ курткахъ и большею частію въ цѣпяхъ. Это былъ часъ ихъ тюремной прогулки. Въ одномъ мѣстѣ составилъ кружекъ, въ срединѣ котораго сидѣлъ скованный по рукамъ и ногамъ старикъ, съ желтымъ, морщинистымъ лицомъ и прядями рѣдкихъ, сѣдыхъ волосъ на обнаженномъ черепѣ, похожемъ на голову муміи. Поджавъ по-турецки ноги и покачиваясь направо и налево, напѣвалъ онъ гнусливымъ голосомъ уныло-однозвучную чухонскую пѣсню. Въ Финляндіи, гдѣ первый языческій богъ Вейнемейненъ былъ богомъ поэзіи, теперь почти не поютъ, и единственную пѣсню во все продолженіе моего путешествія пришлось мнѣ услышать въ тавастгуской тюрьмѣ. Такъ все не похоже здѣсь на другія страны! Скованный пѣвецъ изрѣдка поднималъ глаза, и въ мутно-суровомъ взглядѣ его виднѣлось что-то безнадежно-покойное. Слушатели сидѣли со вниманіемъ въ разныхъ позахъ, подбравъ свои цѣпи. Приходъ зрителя замка прервалъ это дикое пѣніе.

Смотритель сообщилъ намъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о своихъ арестантахъ. Число уголовныхъ преступленій въ Финляндіи сравнительно съ населеніемъ довольно незначительно, но зато они отличаются необык-

новенной жестокостью. Финнъ рѣдко покушается на зло, но если рѣшается на него, то становится совершеннымъ звѣремъ. Въ прошломъ году въ Выборгѣ я видѣлъ въ книжныхъ лавкахъ литографированный портретъ молодого человѣка въ цѣпяхъ, съ крупной подписью—Adamson. Объ этомъ страшномъ преступникѣ, который истребилъ все свое семейство, говорили тогда во всей Финляндіи. Теперь мы узнали, что Адамсонъ въ Тавастгусѣ. Видь цѣпи, даже на злодѣѣ, всегда заставляетъ краснѣть за униженіе человѣческаго достоинства, и при всемъ томъ я не могъ одолѣть любопытства взглянуть на этого необыкновеннаго преступника.

Я спросилъ о немъ смотрителя. Онъ отвѣчалъ, что Адамсонъ содержится въ особомъ казематѣ, потому-что упорнымъ злодѣямъ, которые могутъ имѣть дурное вліяніе на прочихъ арестантовъ, не позволяется ходить на общемъ дворѣ замка. Мы просили показать намъ преступника. Насъ ввели въ корридоръ, гдѣ передъ массивной дверью прохаживался часовой. Смотритель отодвинулъ запоръ — и мы вошли въ комнату съ маленькимъ окномъ и желѣзной рѣшеткою. На деревянныхъ нарахъ сидѣлъ человѣкъ, лѣтъ двадцати, скованный по рукамъ и ногамъ, съ желѣзными обручами на шеѣ и на поясѣ, скрѣпленными по спинѣ тяжелой продольной цѣпью. Въ мутномъ взглядѣ преступника не замѣтно было ничего свирѣпаго; онъ смотрѣлъ на насъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто на совѣсти его не лежало ни одного преступленія. Я спѣшилъ выдти изъ мрачной тюрьмы.

Изъ казематовъ пригласили насъ въ рабочій домъ, гдѣ

содержатся арестанты, приговоренные по суду къ срочнымъ исправительнымъ работамъ. Мы вошли въ обширное зданіе—и передъ нами открылся длинный рядъ большихъ комнатъ. Меня поразило въ-особенности убранство половъ: на лѣстницѣ, въ корридорахъ и залахъ видѣнъ любимый финскій ельникъ, изъ котораго очень-искусно составлены дорожки, куртины, разнообразныя узоры, въ видѣ фантастическихъ арабесковъ, не лишенныхъ вкуса и гармоніи. Въ одномъ мѣстѣ выложенъ былъ изъ елика большой двуглавый орелъ со всѣми его атрибутами; въ другомъ показали намъ такъ же превосходно сдѣланный вензель Императора Николая I. Это работа арестантовъ въ часы ихъ отдыха.

Мы прошли черезъ нѣсколько большихъ комнатъ, просторныхъ и свѣтлыхъ. Каждая назначена для какого-нибудь особаго ремесла: въ одной помѣщается ткацкая, въ другой прядильная, въ третьей размотная. Какъ на большой фабрикѣ, вездѣ слышится громъ станковъ. Въ одной палатѣ шьютъ арестантское бѣлье для всей Финляндіи, въ другой работаютъ туфли на улеоборгскую больницу. Часть денегъ, выручаемыхъ отъ продажи издѣлій этихъ мастерскихъ, идетъ на содержаніе заведенія, а другая часть составляетъ собственность арестантовъ и выдается имъ при выходѣ изъ рабочаго дома. При заведеніи есть небольшая лютеранская церковь, въ которой служба бываетъ два раза въ недѣлю.

Г. Д. пригласилъ насъ обѣдать на мызу. Послѣ получасовой ѣзды посреди превосходно воздѣланныхъ полей, пріѣхали мы къ чистенькому деревянному дому, обставленному со всѣхъ сторонъ домашними пристройками.

Новый знакомец повелъ было насъ осматривать свои хозяйственныя заведенія, но скоро замѣтилъ, что прогулка по ригамъ и анбарамъ не могла быть достаточно интересною, а потому поспѣшилъ пригласить насъ въ комнаты. Мыза отличалась всѣми признаками довольства и скуки. Съ перваго шага видно было, что мы въ усадьбѣ помѣщика, и притомъ не русскаго. Отсутствіе подобострастныхъ лицъ, подвижныя кресла на выгнутыхъ полосьяхъ, шведскія гравюры на стѣнахъ— все вѣяло чуждой жизнью. Только рядъ пенковыхъ трубокъ съ янтарными мундштуками, уставленныхъ въ шкапу, подобно ружьямъ на гауптвахтѣ, напоминалъ что-то родное.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась хозяйка и пригласила насъ въ столовую. Обѣдъ былъ очень оригиналенъ: никогда не видалъ я такого смѣшенія блюдъ и такого разнохарактернаго общества, хотя все оно, за исключеніемъ насъ, состояло изъ хозяевъ и двухъ дѣтей ихъ. После русскихъ зеленыхъ щей мы ѣли польскій холодникъ со сметаной, за шпигованной во французскомъ вкусѣ индѣйкой, явился нѣмецкій кремъ съ мараскиномъ, а къ водкѣ вмѣстѣ съ маринованной салакушкой подана была лапландская оленья ветчина. Общество наше было еще любопытнѣе: хозяинъ, родомъ Полякъ, говорилъ только по-русски и по-чухонски, жена его кромѣ шведскаго языка понимала русскій, но въ разговорѣ безпрестанно смѣшивала ихъ, а дѣти объяснялись съ нянькою своей по-шведски, съ прислугою по-чухонски. Отецъ говорилъ съ дочерью черезъ переводчицу няньку, а хозяйка отдавала приказаніе служанкѣ черезъ маленькаго сына. Ни за какимъ заграничнымъ *table d'hôte* не услышишь, я думаю,

такого разноязычнаго говора. Д. сказалъ намъ, что такое вавилонское смѣшеніе языковъ — вовсе не рѣдкость въ финляндскихъ семействахъ.

Вечеръ мы посвятили на окончательный обзоръ города. Нашъ обязательный хозяинъ вызвался показать намъ клубъ и городской садъ. Тавастгускій клубъ основанъ на акціяхъ, и его танцевальная зала, послѣ абоской и гельсингфорской, считается лучшею въ Финляндіи. Она освѣщается тремя большими люстрами. Въ сторонѣ гостиная, уборная и комната для карточной игры. Балы даются въ клубѣ въ продолженіе всей зимы, по воскресеньямъ, черезъ каждыя двѣ недѣли.

Городской садъ раскинутъ на большомъ гранитномъ холмѣ и уступами спускается къ озеру. Нѣсколько лѣтъ назадъ гора эта покрыта была густыми соснами; но теперь онѣ вырублены и замѣнены молодыми деревьями. Черезъ нѣсколько времени садъ будетъ конечно очень хорошъ, но теперь вы не найдете въ немъ тѣни, кромѣ той, которую отбрасываетъ ваша собственная особа. Не смотря на то, мы встрѣтили въ саду нѣсколько гуляющихъ; они расхаживали большею частию по-парно, мужчины съ дамами, подъ широкими дождевыми зонтиками.

На возвышеніи, отъ котораго гора опускается террасами къ озеру, стоитъ красивый павильонъ. Подлѣ него замѣтилъ я густой дымъ, и вокругъ нѣсколько женщинъ. Это гранитная печка, устроенная съ благотворительной цѣлью доставить возможность гуляющимъ нагрѣвать кофейники. Когда мы проходили мимо, вокругъ этого жертвенника толпилось нѣсколько чухонокъ, съ лицами накаленными отъ огня подъ цвѣтъ ихъ красныхъ юбокъ.

Мы вошли въ навильонъ. Посрединѣ стоялъ большой столъ изъ цѣльной глыбы полированного гранита, а вокругъ него на деревянныхъ скамеечкахъ сидѣли дамы, всѣ въ соломенныхъ широкихъ шляпкахъ à la bergère. Это было шведское семейство, коротко знакомое съ Д. Нашъ пригласили на чашку кофе. Я сѣлъ рядомъ съ блѣлокурой дѣвушкой, въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, которая перелистывала томикъ *Le Juif Errant*. Нашъ разговоръ начался по этому случаю съ литературы. Моя хорошенькая сосѣдка напомнила мнѣ русскихъ соотечественницъ: она перечитала всѣхъ французскихъ романистовъ, но въ шведской литературѣ знала только имена Францена и Рунеберга, а о финскихъ народныхъ писателяхъ не имѣла и понятія. Даже *Калевала* была ей совсѣмъ неизвѣстна.

Послѣ этого понятно, какъ я удивленъ былъ, когда она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ о Лермонтовѣ. Оказалось, что она читала *Демона* по тетрадкѣ, завезенной въ Тавастгусъ какимъ-то русскимъ офицеромъ. Къ утѣшенію литературныхъ крестоносцевъ, подвизающихся противъ натуральной школы, я долженъ признаться, что имя Гоголя было вовсе неизвѣстно хорошенькой Финляндкѣ.

Мы разстались поздно вечеромъ.

На другой день я принужденъ былъ проститься съ моимъ товарищемъ. Онъ оставался въ Тавастгусѣ, жалуясь на простуду и утомленіе отъ дороги, но больше кажется для одной пары шведскихъ глазокъ, съ которыми

наканунъ очень умильно переглядывался въ бесѣдкѣ. Мы условились съѣхаться въ Гельсингфорсъ, и я одинъ отправился по таммерфорской дорогѣ къ водопаду Кюро.

VI

ТАММЕРФОРСЪ

Отъ Таммерфорса до Гельсингфорса по железной дорогѣ въ три дня. Таммерфорсъ — одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Финляндии. Онъ расположенъ на берегу Финского залива, въ пяти миляхъ отъ Гельсингфорса. Городъ этотъ основанъ въ 1773 году. Онъ былъ первоначально деревней, но въ 1809 году получилъ права города. Въ 1812 году онъ былъ сожженъ французскими войсками. Въ 1833 году онъ получилъ права города. Въ 1863 году онъ получилъ права города. Въ 1883 году онъ получилъ права города. Въ 1903 году онъ получилъ права города. Въ 1923 году онъ получилъ права города. Въ 1943 году онъ получилъ права города. Въ 1963 году онъ получилъ права города. Въ 1983 году онъ получилъ права города. Въ 2003 году онъ получилъ права города. Въ 2023 году онъ получилъ права города.

IV.

ТАММЕРФОРСЪ.

Отъ Тавастгуса до Таммерфорса восемьдесятъ верстъ, и по отзыву всѣхъ путешественниковъ это самый живописный уголокъ Финляндіи. Мнѣ заранѣе совѣтовали выбрать для этой поѣздки ясный день, чтобъ вполне насладиться панорамою разнообразныхъ видовъ. Но выбрать было не зачѣмъ: время стояло превосходное. Когда я выѣхалъ изъ города, на синемъ небѣ не видать было ни одного облачнаго пятнышка, и солнце ярко освѣщало зелень, сверкающую каплями утренней росы.

Отъ самага Тавастгуса дорога извивалась между рядами горъ, поросшихъ лѣсомъ или одѣтыхъ полосатыми пашнями. Казалось, я вѣхалъ въ громадный паркъ, раскинутый на безчисленномъ множествѣ холмовъ, въ лабиринтъ свѣтлыхъ водъ, гдѣ картины мѣнялись ежеминутно. То является передъ вами исполинской клумбою со-сновый лѣсъ, то вмѣсто пруда разливается обставленное горами озеро; здѣсь виднѣется мыза, заброшенная въ видѣ бесѣдки въ глубинѣ зеленѣющей рощи, а тамъ на горѣ, какъ искусственная руина, чернѣетъ старая каменная церковь съ остроконечной кровлею и башнями. Зе-

лень такъ свѣжа, блещетъ такъ ярко, какъ-будто ее сейчасъ вымыло проливнымъ дождемъ и освѣтило всѣми лучами пылающаго солнца.

Въ Миролѣ я перемѣнилъ лошадь. Безпрестанно мѣняющіеся виды были такъ привлекательны, что я нѣсколько разъ приказывалъ извознику ѣхать шагомъ. Не смотря на эти остановки, мнѣ показалось, что мы доѣхали въ Онкала въ нѣсколько минутъ.

Съ этой станціи дорога сдѣлалась еще живописнѣе. Обнесенная красными перилами, она извивалась по высокому и узкому гранитному хребту, между двумя длинными озерами, которыхъ берега, густо покрытые лѣсомъ, то убѣгали въ даль, то приближались къ дорогѣ. Хребетъ безпрестанно подавался въ ту и другую сторону, и ежеминутно казалось, что озера сей часъ кончатся, но они тянулись на цѣлыя версты, врѣзываясь заливами въ берегъ или оттѣсняемыя въ даль выступающими скалами. Переливы свѣта и тѣни всякій разъ составляли новыя картины, съ новыми оттѣнками красокъ. Густой лѣсъ, ярко освѣщенный солнцемъ, стоитъ свѣтло-желтой стѣною и вдругъ прерывается, а за нимъ тянется другая темная линія болѣе отдаленнаго лѣса, и въ промежуткахъ ея мелькаетъ гдѣ-нибудь горная цѣпь или шпиль уединенной церкви, — и все это отражается передъ вами въ прозрачныхъ водахъ нескончаемаго озера. Не хочется отвести глазъ отъ этого сверкающаго ландшафта. Вотъ съ одной стороны его показалась темная полоса: это тѣнь облака, набѣжавшаго на солнце. Быстро подвигается она дальше, — и лѣса, горы, острова, воды подергиваются какъ будто дымкой, наброшен-

ной невидимой рукою; но едва успѣлъ взглянуть на нее, какъ опять эта тѣнь начинаетъ сбѣгать, темная завѣса свертывается, и чрезъ минуту вся картина горитъ уже въ яркомъ освѣщеніи, во всемъ блескѣ красокъ и свѣта. Кажется, невидимыя уста дохнули на этотъ зеркальный ландшафтъ, помрачили его на одно мгновеніе, и снова тусклый слѣдъ этого дыханія сбѣжалъ подъ лучемъ горячаго солнца.

За четыре версты до Гуть-ерви озера соединяются прорытымъ сквозъ хребетъ каналомъ, и черезъ него перекинутъ длинный мостъ. Здѣсь природа и люди какъ будто условились доставить путешественнику всѣ средства любоваться живописными видами. Хребетъ нагибается прихотливо то въ ту, то въ другую сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога перебѣгаетъ отъ одного озера къ другому, какъ бы угадывая ваше любопытство. Я не разъ останавливался, къ крайнему изумленію моего извозчика, который не могъ кажется понять, для чего я такъ внимательно смотрѣлъ на ихъ лѣса и озера. Между-тѣмъ съ каждымъ переваломъ черезъ хребетъ картины быстро мѣнялись. Дорога перебѣгаетъ на лѣвую сторону хребта, — передо мною тянется длинной полосой лѣсъ, весь въ синемъ туманѣ, и густая тѣнь его застилаетъ поверхность озера, темнѣющаго какъ бархатъ. Но вотъ дорога переносится на правый склонъ возвышенія — тутъ видно другое озеро, огражденное вдали такимъ же лѣсомъ, но зелень уже въ яркомъ освѣщеніи, воды играютъ серебряными брызгами, и на нихъ темными фестонами отражается все очертаніе хребта. Когда я поднимаюсь на его гребень, тѣнь нашей тара-

тайки, вмѣстѣ съ моей собственной тѣнью, бѣжить чернымъ силуэтомъ по зеркальной поверхности озера.

Позади Гуть-ерви живописный хребетъ кончился, дорога опустилась въ широкую долину, и на правой сторонѣ поднялась высокая лѣсистая гора съ округленнымъ мысомъ, выдающимся на самую дорогу.

— Кангасала! сказалъ извозчикъ, останавливая лошадь и указывая на гору.

Я заранѣе объявилъ проводнику, что остановлюсь на полчаса у этого замѣчательнаго мѣста и заплачу за остановку. Онъ отвелъ лошадь къ сторонѣ, сѣлъ на траву и принялся набивать свою коротенькую трубку. Съ биноклемъ и записной книжкой въ карманѣ, я началъ подниматься на Кангасалу, и черезъ нѣсколько минутъ довольно головоломнаго пути былъ на вершинѣ. Раскрылся видъ, какихъ еще не случалось мнѣ встрѣчать во всемъ краѣ. Направо сверкаетъ озеро, налѣво другое, съ разнообразными островами, съ фантастически-узорчатымъ очертаніемъ береговъ, изрѣзанныхъ заливами и мысами; прямо горный хребетъ съ желтой извилистой лентою дороги, по которой я сейчасъ пріѣхалъ; со всѣхъ сторонъ горы, лѣса, пашни въ безконечно разноцвѣтныхъ отливахъ зелени, а горизонтъ тонетъ въ туманной дымкѣ синеватой дали. Долго не могъ я отвести глазъ отъ этой картины. Мелькающія въ разныхъ мѣстахъ церкви напомнили мнѣ, что по словамъ Финляндцевъ, съ горы этой видно пятнадцать приходоу или киршпилей. Я взялъ бинокль, но мнѣ удалось насчитать только двѣнадцать церквей.

Закуря сигару, я легъ на траву, у самаго обрыва горы. Кругомъ было тихо, но въ самой этой тишинѣ слышалось присутствіе жизни. У всякой страны есть своя гармонія, свои собственные звуки, поражающіе прищельца. Вой волковъ и крикъ орла, звуки унылой пѣсни и окликъ часоваго, плескъ лѣниваго весла и заливной звонъ удалаго колокольчика точно такъ же дѣйствуютъ на путешественника, какъ ландшафты и зданія. Финляндія бѣдна звуками: глубокое молчаніе изрѣдка прерывается здѣсь шумомъ сосноваго лѣса, да погремушками разсѣяннаго стада. Васъ не поразить ни звонъ колокола, ни звуки какой-нибудь пѣсни, но тѣмъ яснѣе слышится здѣсь громовое пѣніе водопадовъ, полное дикой и оригинальной гармоніи. На Кангасалѣ мнѣ слышалось что-то иное: это былъ неопредѣленный, едва замѣтный гулъ, отъ шелеста ли сосѣдняго лѣса или паденія какого-нибудь далекаго каскада. Мнѣ казалось даже, что это былъ тотъ обманчивый шумъ, какой отдается иногда въ ухахъ, посреди мертвой, невозмутимой тишины.

Я пробылъ на горѣ цѣлый часъ. Извощикъ давно уже меня ждалъ. Онъ весело крикнулъ на лошадь, мы пустились шибкой рысью, и черезъ нѣсколько времени при спускѣ въ долину открылась гряда деревянныхъ строеній и посреди нея громадное каменное зданіе съ исполинской трубою. Это былъ Таммерфорсъ.

До города оставалось еще больше версты, какъ мнѣ послышался глухой шумъ, подобный тому гулу, какой вы замѣчаете при вѣздѣ въ многолюдную столицу, гдѣ на улицахъ гремятъ сотни экипажей, слышатся тысячи

голосовъ. Что же это значить? думалъ я: неужели въ маленькомъ финляндскомъ городкѣ можетъ быть такое движеніе, такая шумная жизнь? Гулъ съ каждой минутой увеличивался. Наконецъ мы въѣхали въ улицу, и загадка объяснилась: это былъ громъ водопадовъ, при которыхъ расположенъ городъ.

Я остановился въ гостинницѣ Tammerfors. Бойкій Шведъ-трактирщикъ въ одну минуту приготовилъ прекрасный обѣдъ, и во все продолженіе его неутомимо говорилъ мнѣ о городѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ, пересыная свои рассказы вопросами о томъ, кто я такой, зачѣмъ и куда ѣхалъ. Въ заключеніе онъ вызвался лично проводить меня на фабрику г. Нотбека, куда я привезъ рекомендательное письмо. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ квартирѣ г. Н., главнаго мастера при фабрикѣ. Мы познакомились, и онъ повелъ меня осматривать городъ.

Таммерфорсъ — небольшой, но чистенькій городокъ, построенный на берегу протока, соединяющаго два озера. Кромѣ фабрики Нотбека, все строеніе въ городѣ деревянное, впрочемъ безъ замѣтныхъ признаковъ ветхости. Лучшимъ и самымъ оригинальнымъ украшеніемъ Таммерфорса служатъ его шумные водопады. Широкий протокъ, вырываясь изъ озера, набѣгаетъ на нѣсколько гранитныхъ уступовъ и падаетъ съ нихъ живописными каскадами, между возникающихъ изъ воды гранитныхъ скалъ и островковъ. На пространствѣ какой-нибудь сотни сажень виднѣются многочисленные водоскаты, напоминающіе въ миниатюрѣ Иматру, и наконецъ главный водопадъ, катящійся широкой сверкающей стѣ-

ною. Мы взошли на мостъ, перекинутый надъ этой бунтующей бездною. Что за чудная картина! У ногъ моихъ гремятъ водопады, раздѣленные гранитными утесами. Въ трещинахъ скалъ приютились кое-гдѣ красивыя березы; черные корни ихъ мѣстами пробиваются сквозь гранитъ, и какъ змѣи висятъ надъ водою. Зелень, орошаемая брызгами, блеститъ свѣжестью, и листья переливаются на солнцѣ подобно золоту. Радуги, одна выше другой, играютъ надъ водопадами, и среди общаго шума надающихъ водъ ясно слышится тяжелый гулъ главнаго каскада, подобный ударамъ отдаленнаго грома. Мы сѣли на скамейкѣ, поставленной на мосту, кажется нарочно для любителей водопада, подлѣ высокаго столба съ гербами Тавастгуса и Або. Кажется, Таммерфорсъ единственный городъ въ Россіи, построенный въ предѣлахъ двухъ губерній.

Налюбовавшись прекрасной картиною, мы пошли смотрѣть водолечебное заведеніе, построенное на водопадѣ, немного ниже моста. Это большое деревянное строеніе, опрятное и приличное по наружности. Паровыя бани, ванны и холодныя души, устроенныя по системѣ Присница, начинаютъ пользоваться извѣстностью. Не смотря на отдаленность Таммерфорса и новостъ заведенія, число посѣтителей, какъ сказали мнѣ, увеличивается въ немъ съ каждымъ годомъ. Слава о чудотворныхъ исцѣленіяхъ его дошла и до Петербурга. Мы прошли нѣсколько отдѣльныхъ келій, съ ваннами для чающихъ исцѣленія, и наконецъ мой проводникъ привелъ меня въ довольно большую комнату. Это была паровая

баня, свѣтлая и чистая. Здѣсь ожидала насъ картина любопытная.

На правой сторонѣ комнаты стояло у стѣны деревянное возвышеніе въ видѣ катафалка, съ проведенными въ него изъ стѣны паровыми трубами. На разостланномъ сверху тюфякѣ, протянувшись во весь ростъ, лежала на спинѣ человѣческая фигура, вся закутанная въ бѣлыя простыни, и похожая на мраморную статую на гробницѣ въ какой-нибудь древней католической базиликѣ. При входѣ нашемъ она медленно приподняла вѣки, и въ ту же минуту опять опустила ихъ. Налѣво, противъ этой муміи, стоялъ у стѣны большой деревянный ящикъ, въ родѣ невысокаго шкапа или коммода, также съ рукавомъ паровой трубы, запертой краномъ. Надъ верхней доскою его, изъ круглаго отверстия возвышалась живая человѣческая голова, повязанная и зашнурованная вокругъ шеи вмѣсто галстука кожанымъ чохломъ; между-тѣмъ принадлежавшій головѣ торсъ оставался невидимымъ и потѣлъ во внутренности плотно закрытаго шкапа. Пары были очевидно въ полномъ дѣйствіи, потому-что голова походила цвѣтомъ на вареную ветчину. Двѣ пряди рѣдкихъ волосъ слегка оттѣняли ея красныя щеки и обнаженный черепъ. Во рту у нея дымилась сигара, и струя дыма одѣвала ее синеватымъ облакомъ.

Только-что я заговорилъ съ моимъ проводникомъ, въ глазахъ живой головы показалось замѣтное удовольствіе съ явными признаками любопытства. Ловкимъ движеніемъ губъ она съ большимъ искусствомъ передвинула сигару въ одинъ уголь рта, и придерживая ее зубами, заговорила со мной по-русски густымъ басомъ:

— Позвольте узнать, вы не лечитесь ли пріѣхали?

— Нѣтъ, я проѣзжіи, зашелъ сюда изъ любопытства.

— Жаль, сказала печально голова и пустила легкую струйку дыма. — Ну, что же? прибавила она, взглянувъ на дверь и значительно понизивъ голосъ: вотъ полюбуитесь, батюшка, какъ здѣсь мучать нашего брата! Меня другой мѣсяць въ котлѣ развариваютъ, словно какого окаяннаго!

Голова передвинула опять губами сигару на середину рта, пустила густой клубъ дыма, потомъ выплюнула окурокъ и закричала:

— Мальчикъ! подай пить!

Слуга, стоявшій до тѣхъ поръ у дверей въ видѣ каріатиды, принесъ стаканъ воды и влилъ его въ широко разинутый ротъ.

— А вы давно нездоровы? спросилъ я разговорчивую голову.

— Третій годъ, желудкомъ и ногами, сударь, страдаю, отвѣчала со вздохомъ голова. Я, позвольте рекомендоваться, ...скій помѣщикъ. Лечился и по обыкновенному, и гомеопатіей, а въ прошлую зиму былъ на гимнастикѣ въ Петербургѣ, изволите знать—на Англійской-набережной? Чего только со мной не дѣлали? скребницами спину натирали, какъ лошади, по лѣстницѣ стоячей взадъ и впередъ заставляли карабкаться, словно какого мальчишку. Не помогло! А что дѣлать? надобно лечиться!

— А на водахъ, за границей вы не были?

— Нѣтъ еще, а чуть было не уехали. Въ Тироль посылали водой лечиться! Я ужъ и собрался было, да узналъ, что вотъ здѣсь по той же методѣ лечатъ. Пріѣхалъ

— толку все нѣтъ. А инымъ помогаетъ! Вотъ этотъ господинъ — мы вмѣстѣ въ гостинницѣ стоимъ — очень поправился.

Живая голова кивнула на лежащую напротивъ нея мумію.

— Что, сосѣдъ, какъ себя чувствуете?

— *Ziemlich gut!* прошептала бѣлая фигура, приподнявъ на минуту вѣки.

— А мнѣ, право, только мученіе, а пользы не видать, продолжала голова, качнувшись нѣсколько разъ сверху внизъ. — Человѣкъ! закричала она, возвышая голосъ: сигару!

Мальчикъ проворно прибѣжалъ съ сигарой, вставилъ ее въ зубы живой головѣ, и какъ скоро она откусила и выплюнула кончикъ, поднесъ зажженую свѣчу. Голова снова задымилась, потомъ отодвинула языкомъ въ сторону сигару и спросила меня:

— А вы куда изволите ѣхать?

— Въ Кіуро.

— По дѣламъ что-ли?

— Нѣтъ, изъ любопытства.

— А что же тамъ такое?

— Водопадъ въ родѣ Иматры... слышали?

— Нѣтъ, мнѣ признаться не до водопадовъ. Какъ бы не болѣзнь-то меня зарѣзала, и калачемъ бы меня сюда не заманили! Я не люблю ѣздить, да и хозяйство! А съ водопада-то вы куда?

— Въ Гельсингфорсъ.

— Купаться что ли будете?

— Можетъ быть, а главное погулять.

— Гулять? Экіе счастливыцы эти здоровые! Не правда ли, сосѣдь?

— *Das versteht sich!* проговорила бѣлая мумія, вовсе не раскрывая глазъ.

— Можетъ статья, мы и увидимся, продолжала голова: я черезъ двѣ недѣли кончу курсъ и поѣду отдохнуть въ Гельсингфорсъ.

Голова пустила густое облако дыма, и спряталась въ немъ, какъ кровавый шаръ зимняго солнца въ утреннемъ туманѣ. Бѣлая фигура лежала въ томъ же монументальномъ положеніи. Мы пожелали имъ здоровья и пошли на фабрику.

Таммерфорскій водопадъ, оживляя и украшая весь городъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ въ дѣйствительной службѣ при бумагопрядильной фабрикѣ г. Нотбека. На самомъ берегу его громоздится исполинское каменное зданіе, прорѣзанное въ шесть рядовъ амбразурами большихъ оконъ. Этотъ промышленный фортъ, съ своей колоссальной трубою, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и повелѣваетъ водопадами. Они работаютъ на всей фабрикѣ, движутъ безчисленные станы и машины и соперничаютъ съ величайшимъ дѣятелемъ нашего времени — паромъ. Однакожъ г. Нотбекъ, заставляя водопадъ работать на своей фабрикѣ, употребилъ его и для удовольствія. Одинъ изъ рукавовъ протока входитъ въ садъ, разведенный передъ домомъ хозяина, и тамъ гремитъ отдѣльнымъ каскадомъ, но не съ такимъ уже буйствомъ, какъ въ городѣ, а весело и игриво, точно въ

переливахъ праздничной пѣсни. Послѣ Mon-Répos, садъ г. Нотбека лучший во всей Финляндіи.

Поздно воротился я въ гостинницу и долго не могъ заснуть. Гулъ таммерфорскихъ водопадовъ постоянно раздавался въ моихъ ушахъ. Мнѣ казалось, что я прѣхалъ изъ тихой деревни въ шумный, никогда незасыпающій городъ.

V.
ВОДОПАДЪ КЮРО.

Я выѣхалъ изъ Таммерфорса при утреннемъ крикѣ городскихъ клоkenовъ. До Кюро нужно было проѣхать сорокъ шесть верстъ. Сторона эта не такъ живописна, какъ переѣздъ отъ Тавастгуса. Природа замѣтно принимала характеръ суровый: чаще показывались обнаженныя скалы, рѣже видны были селенія и пашни. Перемѣнивъ лошадь въ Илеярви, я скоро пріѣхалъ въ Магналя. Извощикъ, съ которымъ предстояло мнѣ ѣхать на водопадъ, былъ низенькій чухонецъ съ длинными космами свѣтлорыжихъ волосъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ по плечамъ. Синяя суконная куртка его усажена была мѣдными пуговицами всевозможныхъ вѣдомствъ: это было цѣлое собраніе русскихъ форменныхъ пуговицъ, съ орломъ, губернскими гербами, сенатской короною и кадетской арматурой. Замѣтя, что я съ любопытствомъ всматривался въ эту коллекцію, Финнъ улыбался и былъ чрезвычайно-доволенъ эффектомъ своего костюма.

Дорога отъ Магналя оживилась. Мы начали обгонять таратайки съ мужчинами и женщинами. Это были поселяне, собиравшіеся въ церковь на воскресную службу. Мужчины одѣты были какъ водится въ синія куртки съ метал-

лическими пуговицами; на шеѣ повязанъ платокъ, нерѣдко шелковый, и преимущественно краснаго цвѣта. На женщинахъ шерстяныя синія юбки, съ широкими красными или бѣлыми клѣтками, цвѣтныя кофты и бѣлыя полотняныя шляпки. Я видѣлъ нѣсколько таратаекъ на рессорахъ, съ кожаными подушками и красивой упряжью.

Скоро показалась въ сторонѣ церковь прихода Кюро. Передъ нею, подлѣ самой дороги, стоитъ подъ навѣсомъ деревянная статуя очень незатѣливой работы, окрашенная синей и красной краскою, съ протянутой впередъ рукой. На ладони прорѣзано у нея отверстіе, куда опускаютъ, какъ въ кружку, подаваніе на бѣдныхъ; внизу какіе-то тексты изъ Св. писанія на чухонскомъ языкѣ. Большой лугъ передъ церковью уставленъ былъ таратайками, покрыть толпами народа. Финны съѣзжаются на молитву очень рано и послѣ службы долго остаются у церкви. Разрозненный бытъ населенія, разсѣяннаго между озерами и скалами, не допускаетъ здѣсь частыхъ свиданій даже между сосѣдями. Поэтому поѣздка въ церковь служить финскому крестьянину средствомъ не только для свиданія съ родными и знакомыми, но и для переговоровъ о дѣлахъ и хозяйственныхъ расчетовъ. Лугъ представлялъ картину оживленную и оригинальную. По одну сторону церкви сидѣли и стояли группами мужчины, занятые разговорами. По другую сторону пестрымъ таборомъ расположились женщины, переодѣваясь къ службѣ въ нарядныя платья, привезенныя въ узелкахъ: однѣ переменяютъ кофты, другія убираютъ волосы, поправляютъ и охорашиваютъ другъ друга. У многихъ я замѣтилъ въ рукахъ маленькое круглое зеркальце.

Видно, что чухонскія поселанки готовятся къ воскресному засѣданію въ церкви съ такой же заботливостью, какъ наши столичныя красавицы къ пышному балу.

До водопада оставалось недалеко. Не доѣзжая двухъ верстъ до станціи Ервенкиле, мы повернули въ сторону. Неровная, каменистая дорожка, пробѣгая извилинами въ густомъ лѣсу, поднималась все выше и выше между обломками камней и скалъ. И вотъ, посреди глубокой тишины, когда вокругъ не слышно было ни пѣнія птички, ни шелеста листьевъ, раздался глухой шумъ, похожіи на отдаленный стонъ лѣса, колеблемаго вѣтромъ.

— Кюро-коски! вскричалъ мой извозчикъ, весело указывая кнудомъ въ ту сторону, откуда слышался этотъ гулъ.

Дорожка съ каждой минутой становилась непроходимѣе, и наконецъ превратилась въ едва пробѣзжую тропу. Мы ѣхали шагомъ, и таратайка, попадая колесами то въ рытвину, то на камень, безпрестанно наклонялась изъ стороны въ сторону. Проводникъ принужденъ былъ сойти съ тележки и вести лошадь за узду. Эта медленная, скучная ѣзда сдѣлалась нестерпимою, и я рѣшился идти пѣшкомъ.

Глухой гулъ съ каждой минутой становился слышнѣе, и наконецъ я сталъ ясно различать грохотъ падающей воды. Болѣе версты прошелъ я по этой дикой дорогѣ и вдругъ очутился на краю обширной, глубокой котловины, загроможденной скалами и поросшей соснами. Изъ-за темной стѣны вѣнцемъ раскинутаго бора возвышалась другая, болѣе отдаленная полоса густаго лѣса, выше и свѣтлѣе, а за нею тянулись амфитеатромъ горы,

расцвѣченныя солнцемъ и далью въ безконечныя пере-
ливы зелени и свѣта. Въ глубинѣ этого ущелья съ тяже-
лымъ глухимъ гуломъ ревѣлъ водопадъ.

Я спустился по дорожкѣ въ ложбину, гдѣ виднѣлось
нѣсколько избушекъ, построенныхъ у самаго каскада.
Проводникъ осторожно свелъ лошадь и принялся отпря-
гать таратайку. Я стоялъ уже передъ водопадомъ.

Вообразите большое озеро, которое быстрымъ пото-
комъ переливается въ другое озеро, не менѣе обширное,
и эта бурная рѣка, пробѣгая по тѣсному ущелью, съ
обѣихъ сторонъ сдавленному скалами, встрѣчаетъ кру-
той обрывъ, болѣе семи сажень глубиною, и падаетъ
съ него широкой волной клокочущей пѣны. Обрывъ
этотъ состоитъ изъ трехъ высокихъ ступеней, и
такимъ-образомъ водопадъ дѣлится на три уступа.
Верхній каскадъ, раздѣленный на два рукава черной
обнаженной скалою, падаетъ на среднюю ступень;
здѣсь воды, сливаясь въ одну кипящую массу, бѣ-
шено перекидываются на другую нижнюю ступень и на-
конецъ падаютъ съ нея въ ущелье и мчатся широкой пѣ-
нистой рѣкой, съ невѣроятной быстротою и яростію.
Какой дикій и живописный видъ! Вокругъ гранитные
утесы и густой лѣсъ, рѣзко очерченные на свѣтломъ не-
бѣ; передо мною бурный водопадъ, прыгающій тремя
бѣлоснѣжными массами по чернымъ грудамъ скалъ, въ
вѣчно-неумолкающемъ грохотѣ. Этотъ хаосъ бѣшенныхъ
волнъ и нѣжные цвѣта переливающихся надъ ними ра-
дугъ, эти чухонскія лачужки, прилѣпленныя къ утесамъ,
и свѣжая зелень деревьевъ, питаемыхъ влагою отъ водо-

пада, — все составляет поразительную картину, отъ которой не хочется оторвать глазъ

При видѣ Кюро я, разумѣется, вспомнилъ Иматру. Трудно сказать, который водопадъ величественнѣе. Иматра гораздо шире, всплески ея разнообразнѣе, масса водъ несравненно больше, и въ прихотливыхъ столкновеніяхъ ея волнъ болѣе самобытной красоты, неуловимой для кисти. Кюро выше въ своемъ паденіи и въ то же время доступнѣе для художника; радуги его живописнѣе и въ прыжкахъ его болѣе смѣлости и юношеской силы. Его грохотъ не такъ оригиналенъ, какъ вой Иматры, но въ немъ больше гармоніи и величія. Кюро, точно такъ же какъ Иматра, не замерзаетъ круглый годъ.

Я стоялъ одинъ надъ водопадомъ, и можетъ быть это уединеніе еще болѣе усиливало дикое величіе окружающей меня природы. Вынувъ изъ дорожнаго мѣшка экземпляръ перевода Калевалы, я расположился на прибрежномъ камнѣ и принялся перелистывать финскую эпопею. Здѣсь эта дикая, странная поэма показалась мнѣ вполне понятною: ея суровые образы и мрачные миѳы гармонируютъ съ оригинальною природою этого удивительнаго края. Какія чудныя лица и картины умѣла создать фантазія Финновъ! Вспомните Вейнемейнена, этого бога гармоніи! Когда онъ на берегу озера игралъ на своей кантелѣ, — медвѣдь выходилъ изъ темной берлоги, взбирался на сукъ дерева, и качался на немъ изъ стороны въ сторону, бѣлый лосось приплывалъ къ берегу и весело плескался на поверхности воды, прекрасная русалка переставала расчесывать свои длинныя волосы, роняла золотой гребень, быстро выплывала наверхъ, и опершись бѣлою

грудью на прибрежную скалу, съ жадностью прислушивалась къ чуднымъ звукамъ, и слезы падали изъ глазъ ея и превращались въ крупныя жемчужины. Сколько поэзій въ повѣсти о Люмикайнинъ! Пораженный злымъ чародѣемъ, онъ изрубленъ въ куски и члены его разбросаны по водамъ Финляндіи, но старая мать его, искусная волшебница, ищетъ любимаго сына по всему краю, — дикимъ кабаномъ рыщетъ она по лѣсамъ, вьется угремъ въ водахъ, бѣлкою прыгаетъ по соснамъ, скачетъ сободемъ по гранитнымъ скаламъ. Послѣ напрасныхъ поисковъ она дѣлаетъ желѣзныя грабли съ зубьями во сто локтей, влачитъ ихъ по водамъ озеръ, рѣкъ и водопадовъ, вытаскиваетъ одинъ за другимъ изрубленные члены сына, потомъ собираетъ ихъ и оживляетъ медомъ жизни, принесеннымъ пчелою съ небесъ. А какъ хорошо изображена въ Калевалѣ геологическая борьба стихій, изъ которой возникла Финляндія! Старая Лоухи, властительница засыпанной снѣгами Похіюлы, колдовствомъ похищаетъ солнце и мѣсяць. Вейнемейненъ всходитъ на небо, высѣкаетъ огонь и поручаетъ хранить его прекрасной дѣвушкѣ. «И дѣва на синемъ облакѣ, на широкой радугѣ качала огонь, баюкала пламя въ золотой колыбели, на серебряныхъ ремняхъ; серебряные ремни скрипѣли, золотая колыбель звучала». Но когда, по неосторожности дѣвушки, огонь падаетъ на землю, Вейнемейненъ отправляется искать его по Невѣ и узнаетъ, что огонь упалъ въ озеро и проглочень рыбу. Онъ успѣваетъ поймать громадную щуку, но когда ее начинаютъ разрѣзывать, огонь вырывается, сожигаетъ большую часть Финляндіи и унимается только морозомъ изъ Похіюлы. Какъ

наивно рассказанъ мнѣ о побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ! Жила прекрасная дѣвушка Маріатта. Гуляя въ полѣ, скушала она какую-то чудесную ягоду и почувствовала, что у сердца ея начинаетъ биться младенецъ. Она проситъ у жены Иротуса позволенія пойти при наступленіи срока въ ея баню, но получаетъ отказъ. Тогда удаляется она въ конюшню, и едва младенецъ увидѣлъ свѣтъ, кладетъ его въ ясли, на душистое сѣно. Маріатта хочетъ крестить дитя, но Вейнемейненъ, чувствуя опасность, совѣтуетъ умертвить его. Тогда малютка говоритъ ему: удались отсюда, старый карельскій чародѣй! Крещеніе совершается, и младенецъ дѣлается властителемъ лѣсовъ и острововъ. Разгнѣванный Вейнемейненъ садится въ лодку и навсегда покидаетъ Финляндію, оставляя ей въ наслѣдіе свою арфу.

Черезъ средній уступъ Кюро перекинуть узенькій мостикъ изъ длинныхъ, едва-обтесанныхъ бревень, безъ всякихъ перилъ, постоянно мокрый отъ брызговъ водопада. Сердце сжималось при одной мысли о переходѣ чрезъ этотъ страшный мостъ, и я не могъ рѣшиться взойти на него, не смотря на сильное желаніе полюбоваться водопадомъ съ противоположнаго берега. Между тѣмъ нужно было подумать о завтракѣ. Поразительная бѣдность и всякое отсутствіе удобствъ, какія я привыкъ встрѣчать въ Финляндіи, заставляло опасаться неудачи. Въ избѣ никого не было, кромѣ дряхлаго старика, который перебиралъ молитвенникъ, медленно шевеля изсохшими губами. На скромныя требованія мои онъ отрицательно покачалъ головою. Я осмотрѣлъ шкапъ и не на-

шелъ въ немъ ничего, кромѣ соленой салаки и черныхъ кнаке-бре.

Оставалось позавтракать собственными средствами. Я расположился на скалѣ у водопада, приказалъ извощику достать изъ тележки корзину съ припасами и собирался приняться за свой круглый сыръ. Въ это время увидѣлъ я на другой сторонѣ нѣсколько дѣтей. Карабкаясь по утесамъ, они бѣжали къ водопаду, стараясь всѣми силами опередить другъ друга, и всѣ бросились на бревенчатый мостикъ. Я едва не вскрикнулъ, но тутъ же замѣтилъ, что этотъ отважный переходъ былъ для нихъ привычной игрушкою. Ясно, что узнавъ о пріѣздѣ путешественника, маленькіе промышленники спѣшили ко мнѣ съ деревенскими припасами: у одного была въ рукахъ берестовая корзинка съ земляникой, у другаго кружка молока, а у иныхъ букеты изъ полевыхъ незабудокъ и колокольчиковъ. Толпа эта, въ которой были и дѣвочки, окружила меня, предлагая наперерывъ свои товары. Въ глазахъ ихъ выражалось такое желаніе продать эти припасы и вмѣстѣ столько приличія и скромности, что я взялъ все и обдѣлилъ ихъ мелкими серебряными деньгами. Всѣ они ушли очень довольные. Завтракъ неожиданно вышелъ прекрасный: сыръ и свѣжее молоко съ земляникой, сервированные на чистомъ воздухѣ, на скатерти изъ зеленого моха, съ музыкой гремяшаго водопада, возбудили во мнѣ чудесный аппетитъ.

Не успѣлъ я кончить моего пиршества, какъ у мостика показалась новая группа. Это была высокая сѣдая старуха, вся въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ, потомъ здоровая, краснощекая женщина въ красной юпкѣ и кра-

сныхъ чулкахъ, и дѣвочка лѣтъ шести, бѣлая какъ алби-
нось. Вся эта толпа бѣжала, едва переводя духъ, прямо
на мость и черезъ нѣсколько мгновений была уже подлѣ
меня. Старуха держала въ рукѣ пучекъ полевыхъ цвѣ-
товъ, у толстой чухонки и дѣвочки были также цвѣты,
наскоро сорванные вмѣстѣ съ травою, и даже у ребенка
всунуть былъ въ рученку стебелекъ ельника. Вся эта
компанія подала мнѣ свои импровизированные букеты съ
пренизкими книксенами. Старая чухонка смотрѣла при
этомъ на меня съ такой робостью и надеждой, какъ-буд-
то отъ этого визита зависѣло все ея состояніе. Когда я
далъ всѣмъ по серебряному пяточку, она съ дикой ра-
достью отблагодарила меня цѣлой полдюжиной быстрыхъ
присѣданій, торопливо передала ребенка молодой чухон-
кѣ, а сама вся запыхавшись, едва переводя дыханіе, бро-
силась назадъ черезъ мостикъ, кажется распространять
новость о хорошемъ сбытѣ придорожной травы и вер-
бовать новыхъ собирателей букетовъ. Но можетъ-быть
старуха побѣжала бить тревогу слишкомъ уже далеко,
потому-что я пробылъ на водопадѣ еще съ полчаса, но
больше не видалъ ее.

Ободренный чужимъ примѣромъ, я рѣшился пере-
браться на другую сторону водопада. При видѣ того,
какъ дѣти бѣгали по мостику, я краснѣлъ за свою робость.
Со стѣсненнымъ однакожъ сердцемъ перебрался я по
скользкимъ бревнамъ надъ пѣнистой бездною водопада,
и не разъ казалось, что нога моя готова была сосколь-
знуть. Видъ Кюро съ лѣваго берега не менѣе живописенъ.
Я прошелъ по берегу протока до самаго озера. Вездѣ
страшная глушь, — повалившіяся деревья, разбросанные

камни, громъ водопада и закоптѣлыя избушки, прилѣпленные какъ гнѣзда птицъ по обрывамъ ущелья. Обратный путь черезъ головоломный мостикъ я совершилъ съ большимъ присутствіемъ духа.

Набросавъ свои впечатлѣнія въ записной книжкѣ, я опять собрался въ путь. Отправляя впередъ таратайку, медленно поднялся я на гору, и еще разъ оглянулся на мрачное, но живописное ущелье. Вѣтеръ дулъ со стороны водопада—и долго долго преслѣдовалъ меня въ лѣсу голосъ шумнаго Кюро. Добравшись до большой дороги, я сѣлъ въ тележку, и мы свернули на абоскій трактъ. Я отъѣхалъ уже много верстъ, но мнѣ все еще чудилось, будто я стою передъ водопадомъ, и въ ушахъ у меня раздается его грохотъ.

VI.

К И В И Н И Е М И.

При въздѣ въ Абоскую губернію является вмѣсто таратайки шведская керра, такой же неуклюжій ящикъ, какъ и въ Выборгской губерніи, только еще безпокойнѣе. Онъ такъ высокъ и узокъ, что только послѣ значительной практики можно научиться влѣзать въ него, и всякую минуту должно остерегаться, чтобъ при малѣйшемъ порывистомъ движеніи лошади не вылетѣть назадъ черезъ голову. Замѣчательно, что эти нелѣпыя экипажи существуютъ только на двухъ краяхъ Финляндіи, гдѣ къ мѣстному элементу привились чужія начала русской и шведской народности. Не зная заранѣе, что встрѣчусь опять съ проклятымъ ящикомъ, я не могъ принять никакихъ мѣръ и долженъ былъ ѣхать въ немъ черезъ всю губернію. До Кюро по-крайней-мѣрѣ мнѣ благопріятствовала погода, но съ третьей станціи отъ водопада сталъ накрапывать дождь. Это было первое ненастье во все мое путешествіе по Финляндіи. Закутавшись въ пальто, я не думалъ однакожь останавливаться. Переѣхавъ черезъ рѣку Кумо по длинному мосту, раскинутому надъ водопадомъ, я перемѣнилъ лошадь и пустился далѣе. Между

тѣмъ тяжелыя облака все гуще застилали небо; дождь, усиливаясь съ каждой верстой, превратился наконецъ въ ливень, и весь измоченный пріѣхалъ я на станцію Кивиніеми.

Станція эта—одна изъ лучшихъ въ Финляндіи. Въ сторонѣ отъ дороги, на скалѣ изъ цѣльнаго гранита, стоитъ, какъ на пьедесталѣ, чистенькій домикъ, окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ. Спереди примкнуто къ нему узорчатое крыльцо съ навѣсомъ, на красныхъ деревянныхъ колоннахъ. Капли дождя звучно шумѣли по гладкой поверхности гранитнаго дворика. Я вошелъ въ комнаты, убранныя съ нѣкоторой даже роскошью. Въ открытое окно слышался шумъ какого-то близкаго водопада. Я рѣшился остановиться здѣсь и переждать дождь. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати приготовила мнѣ обѣдъ и кофе. Перемѣня платье, я располагался было приняться за свои дорожныя записки, какъ узналъ случайно, что по сосѣдству празднуется крестьянская свадьба, куда съ утра еще уѣхали хозяева станціи. Мнѣ захотѣлось взглянуть на чухонскій свадебный пиръ. Когда дождь нѣсколько пережегся, я просилъ проводить меня. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка привела меня къ деревенскому дому, передъ которымъ стояло десятка два таратаекъ; двѣ или три изъ нихъ обтыканы были ельникомъ.

Я вошелъ въ большую комнату, гдѣ весь полъ усыпанъ былъ мелко изрубленными еловыми вѣтками. По лавкамъ вокругъ стѣнъ сидѣли гости въ праздничныхъ нарядахъ. Женихъ одѣтъ былъ въ синій суконный сюртукъ, невѣста въ бѣломъ платьѣ, съ неизбѣжной серебряной бляхою. Передъ окнами стоялъ большой столъ,

укладенный матеріями, лентами, бусами, мелкими серебряными деньгами. Это подарки, поднесенные невѣстѣ отъ родныхъ и знакомыхъ. Зная народный обычай, я положилъ на столъ двѣ серебряныя монеты, между-тѣмъ какъ проводница моя объясняла хозяйевамъ, какимъ образомъ я попалъ на свадьбу. Меня пригласили садиться. Невѣста наказала меня за мое любопытство: она принудила меня выпить стаканъ какого-то горькаго пива.

У финскихъ поселянъ сохранилось еще много старинныхъ свадебныхъ обычаевъ. Если на русской народной свадьбѣ господствуютъ пѣсни, то у Финновъ первую роль въ этомъ случаѣ играютъ ораторскія рѣчи. Когда молодой человѣкъ задумаетъ жениться, онъ выбираетъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, кто особенно славится краснорѣчіемъ. Этотъ свать, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и женихъ, отправляется къ дому дѣвушки. Гости входятъ въ комнату, гдѣ встрѣчаютъ ихъ родные невѣсты. Ораторъ начинаетъ импровизировать длинную рѣчь, въ которой восхваляетъ умъ, богатство и доброе сердце жениха, разсыпая при этомъ щедрой рукой всевозможные цвѣты чухонскаго краснорѣчія. Хозяева слушаютъ въ глубокомъ молчаніи, иногда часъ и болѣе. По окончаніи панегирика свать или самъ женихъ выступаетъ впередъ съ подарками: подноситъ серебряныя деньги отцу и матери невѣсты, раздаетъ кому кольцо, кому поясъ. Если подарки примутъ — это служитъ знакомъ согласія, и женихъ получаетъ позволеніе войти въ сосѣднюю комнату за невѣстой. Онъ выводитъ оттуда дѣвушку, и всѣ родные поздравляютъ ихъ.

Передъ свадьбою невѣста въ свою очередь избираетъ

какую-нибудь родственницу, и начинаетъ съ нею путешествіе по всему киршпилю. Ораторша ходитъ съ невѣстою изъ избы въ избу и вездѣ говоритъ рѣчи, внушая хозяевамъ участіе къ молодой дѣвушкѣ, которая должна покинуть родной домъ, и промѣнять безпечную жизнь на заботы жены и матери. Здѣсь тоже не шадятъ аллегорій и метафоръ. Вездѣ невѣстѣ дѣлаютъ подарки: кто даетъ пучекъ льну, кто какую-нибудь ленточку, а богатые — мелкую серебряную монету. Это составляетъ дополненіе скромнаго приданаго. Самые богатые невѣсты соблюдаютъ этотъ обычай, совсѣмъ не по цѣнности ничтожныхъ подарковъ, но оттого, что они считаются спасительными талисманами, которые приносятъ въ домъ богатство и счастье. Вездѣ берегутъ ихъ, какъ святыню. Обрученіе происходитъ обыкновенно на кладбищѣ. Женихъ и невѣста ѣдутъ туда съ ближайшими родными и обмѣниваются кольцами на могилахъ родственниковъ. Если невѣста сирота, то обрученіе совершается на могилѣ ея отца или матери. Какой странный и трогательный обычай!

При такихъ патріархальныхъ нравахъ, кажется, нельзя бы ожидать здѣсь сильныхъ страстей, но въ Финляндіи бывають нерѣдко случаи трагической любви, достойные французской мелодрамы. Чтобъ показать нѣкоторыя черты мѣстныхъ нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить характеристику финской свадьбы, я приведу здѣсь одно происшествіе, въ томъ видѣ, какъ оно рассказано было въ шведскомъ журналѣ.

Въ одномъ изъ близкихъ киршпилей, въ двухъ сосѣднихъ гейматахъ жили молодой крестьянинъ Паво и мо-

лодая крестьянка Анни. Паво былъ сирота безъ отца и матери, безъ роду и племени, но гибкій какъ можжевельникъ, трудолюбивый какъ пчела. Онъ былъ не богатъ, но въ торпѣ его всегда водились хлѣбъ и молоко для гостя. Анни была молодая дѣвушка, пригожая какъ земляника въ роцѣ. Сосѣднія дѣвушки говорили, что во всемъ приходѣ не найти бы жениха лучше Паво, еслибъ онъ не былъ такъ гордъ и печаленъ. Всѣ молодцы въ окрестности увѣряли, что во всемъ краѣ нѣтъ невѣсты красивѣе Анни, да только она слишкомъ рѣзва и вѣтрена. Паво и Анни видались часто и понравились другъ-другу.

Но отецъ Анни, старикъ упрямый, суровый какъ прибрежная скала, не любилъ Паво еще по старой враждѣ съ его покойнымъ отцемъ. У Финновъ не рѣдкость такая наслѣдственная вендетта. Замѣтилъ старикъ, что пригожая дочка его часто ведетъ рѣчи съ гордымъ сосѣдомъ, и при этихъ свиданьяхъ угрюмый сосѣдъ дѣлается веселымъ, а рѣзвая дѣвушка скучной и печальною. Онъ догадался, что молодые люди любятъ другъ-друга и запретилъ имъ видѣться.

И вотъ однажды, когда старикъ съ молодой дочкою воротился изъ церкви и сѣлъ за столъ, на который работница поставила уже сушеный хлѣбъ и въ деревянныхъ чашкахъ молоко и картофель съ корюшкой, въ избу вошелъ старый Финнъ, работникъ Паво. Поклонясь старику, началъ онъ говорить похвальную рѣчь своему молодому хозяину, и потомъ положилъ передъ молоденькой Анни кусокъ красной шерстяной матеріи и алыя ленты, а передъ отцемъ ея — два новые блестящіе серебряные рубля. Дѣвушка покраснѣла, какъ брусника осенью; вы-

соко поднималась жестяная бляха на груди ея. Кончилъ ораторъ похвальную рѣчь жениху и еще разъ поклонился. Старикъ всталъ, налилъ рюмку водки, поднесъ свату и сказалъ:

— Возьми назадъ свои подарки и ступай съ Богомъ! Поблѣднѣла Анни, какъ бѣлая береза, и слезы крупнѣе лѣтняго града выкатились изъ глазъ ея. На другой день тайно увидѣлась она съ Паво, и плакали они вмѣстѣ, и положили не прекращать своей связи. Но старикъ отецъ опять замѣтилъ ихъ свиданія и сказалъ сурово дочери, что боится, какъ бы не вышло изъ этого цыганской женидьбы. Анни начала еще больше скрывать свои свиданія съ Паво.

Въ воскресенье, когда старикъ, возвратясь съ дочерью изъ кирки, сидѣлъ опять за обѣдомъ, и кислое молоко и картофель стояли на столѣ, явился въ избу новый свать отъ одного зажиточнаго крестьянина, котораго геймать былъ въ томъ же киршилѣ. Положилъ свать-старикъ подарки передъ отцемъ и дочерью и началъ говорить похвальное слово богатству и качествамъ молодаго Симо.

Весело слушалъ старикъ; блѣдная сидѣла трепещущая Анни. Когда ораторъ кончилъ свою эпиталаму, хозяинъ подалъ ему рюмку водки и пригласилъ обѣдать. Послѣ обѣда онъ сказалъ свату: оставь свои подарки невѣстѣ и скажи жениху, чтобы пріѣзжалъ условиться о дѣлѣ!

И сталъ старикъ уговаривать Анни быть женою молодаго Симо, выхвалялъ ей умъ, пригожество и богатство его, и говорилъ, что никогда не дастъ благословенія на бракъ съ гордымъ Паво. Онъ молилъ дочь побережь

*

старые годы отца, и не покрывать печалью его съдой головы. Анни со слезами выронила свое согласіе.

Пріѣхалъ молодой женихъ. Невѣста была трепетна и печальна; глаза ея потускнѣли, какъ озеро въ осеній день.

— Отчего у тебя глаза такъ заплаканы Анни? спросилъ женихъ. Не противъ ли воли ты за меня выходишь? Не принуждаютъ ли тебя?

— Оттого заплаканы у меня глаза, отвѣчала невѣста, что мнѣ горько покинуть свой дворъ съ густыми рябинами, и не слышать какъ поетъ свой пѣтухъ въ клѣти. Лучше пить воду изъ берестянаго бурака на родной сторонѣ, чѣмъ сладкое пиво изъ расписныхъ кружекъ въ чужомъ дому.

— Но я знаю, продолжалъ Симо, что ты хотѣла свить себѣ гнѣздо подъ крыломъ сосѣда Паво?

— Не быть мнѣ женою Паво, сказала Анни, и ты брось эти рѣчи перелетному вѣтру. Я дала уже слово твоему свату и хочу только, чтобы послѣ свадьбы меня на три дня оставили дома.

— Согласенъ на твое желаніе, и на четвертый день пріѣду взять тебя на любовь и ласки.

День свадьбы насталъ. Съѣхались родственники. Невѣсту одѣли въ вѣнчальное платье, волосы убрали лентами, на голову надѣли позолоченный вѣнокъ. Она была печальна, но не плакала; только лице алѣло багровымъ румянцемъ, и грудь мѣрно и высоко поднималась. Въ новую таратайку, убранную можжевеликомъ, запряжена была бойкая лошадь, и вся збура обвита полевыми цвѣтами. Свадебный поѣздъ отправился въ домъ пастора.

Пріѣхалъ и женихъ. Веселье и радостенъ былъ во время вѣнчанья Симо, угрюма и тревожна была молодая Анни.

По окончаніи обряда, всѣ отправились въ домъ невѣсты, гдѣ приготовленъ былъ свадебный пиръ. Здѣсь по обычаю сѣли обѣдать. Невѣста, казалось, успокоилась. Слѣды ея былого веселья опять явились, и только румянецъ казался не природнымъ, а купленнымъ. Гости наконецъ стали развѣзжаться. Женихъ тоже уѣхалъ, чтобы по условію воротиться черезъ три дня за молодой женою.

Насталъ вечеръ. Затихли сверчки на огромной, только что выбѣленной печи. Старикъ и домашніе легли спать. Молодая Анни долго читала молитвенникъ, потомъ и она замолкла. Въ избѣ стало такъ тихо, что ясно слышался шумъ высокихъ березъ, качаемыхъ вѣтромъ на берегу озера.

Проснулся утромъ старикъ, проснулись и домашніе. Гдѣ же Анни? — Анни не было ни въ избѣ, ни на дворѣ, ни на берегу озера. Напрасно звали и искали ее. Молодая пропала въ своемъ вѣнчальномъ нарядѣ. Бросились въ геймать Паво. Молодаго сосѣда также не нашли дома.

Работники указали однакожь на слѣды Анни.

Наканунѣ угрюмый Паво все утро лежалъ на дворѣ, ничего не ѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Одинъ работникъ спросилъ: пойдетъ ли онъ смотрѣть, какъ будутъ вѣнчать его невѣсту? Паво отвѣчалъ печально: она меня любила, дай ей Богъ счастья! Весь день и всю ночь лежалъ Паво на дворѣ и ни разу не закуривалъ своей трубки. Рано-рано утромъ пришла на дворъ Анни въ нарядномъ платьѣ. Тихо подошла она къ Паво и положила

ему руку на плечо. Паво приподнялся, взглянул на свою невесту и понурил голову. Она склонилась къ нему и начала что-то говорить. Паво всталъ, взявъ въ кладовой свой новый кушакъ, и они рука объ руку пошли по дорогѣ къ лѣсу. Больше ничего не видали работники Паво.

Кинулся старый отецъ Анни искать свою дочь. Домашніе видѣли, какъ грозно сверкали глаза его изъ-подъ сѣдыхъ бровей, и бросились вслѣдъ за нимъ, боясь кровавой встрѣчи. Но всѣ поиски были напрасны. Не нашли нигдѣ ни Паво, ни Анни. Отецъ и родные бѣдной дѣвушки воротились въ избу.

Вечеромъ въ гейматѣ разнесся слухъ, что дѣти, собиравшіе въ лѣсу бруснику, видѣли на ближнемъ озерѣ, недалеко отъ берега, пустую лодку, и на ней что-то похожее на платокъ. Это встревожило родныхъ Анни. Лодку достали и въ самомъ дѣлѣ нашли въ ней платокъ бѣдной дѣвушки. Работники съ крючьями и веревками отправились тогда на озеро. Къ ночи Паво и Анни нашлись, ихъ вытащили изъ озера однимъ крюкомъ. Плотно связаны они были кушакомъ: двойной крѣпкій узелъ затянутъ былъ на спинѣ у жениха; ясно, что его завязывала невеста. Руки Паво обвились вокругъ шеи Анни, а она крѣпко обнимала Паво. Это смертное объятіе было такъ сильно, что съ трудомъ могли разнять утопленниковъ. На невестѣ былъ ея свадебный нарядъ, только недоставало одного обручальнаго кольца; вѣрно оно было брошено на дно озера. Мертвая Анни казалась веселѣе живой: багровый румянецъ смѣнился на лицѣ ея прежней легкой краскою, волосы, свѣтлые какъ молодой лень, обвивались около шеи; Паво потерялъ также свою обыч-

ную суровость, и лице его выражало удовольствіе и торжество.

Судь, приглашенный по этому случаю на мѣсто происшествія, не могъ позволить похоронить утопленниковъ съ христіанскими обрядами; но разсмотрѣвъ дѣло, онъ не хотѣлъ поступить съ ними, какъ съ обыкновенными самоубійцами, которые по законамъ зарываются въ лѣсу палачемъ. Несчастныхъ похоронили недалеко отъ церкви, въ одной общей могилѣ.

Когда я проснулся, утро была прекрасное. Я тотчасъ же велѣлъ заложить лошадь, и выѣхалъ не дожидаясь завтрака.

На слѣдующей станціи меня ожидалъ случай, который во всякой другой сторонѣ могъ бы кончиться непріятно. Войдя въ станціонную комнату, я позвалъ извозчика, чтобы отдать ему прогоны. Опускаю руку въ карманъ—кошелекъ нѣтъ. Тутъ я вспомнилъ, что въ Кивиніеми, какъ и на всѣхъ ночлегахъ, положилъ деньги подъ подушку и тамъ забылъ ихъ. Извѣстная честность Финновъ нѣсколько успокоила меня. Позвавъ гастгебера, я объяснилъ ему, какъ забылъ деньги, и онъ тотчасъ же отправилъ верхомъ мальчика въ Кивиніеми. Переѣздъ этотъ былъ небольшой: черезъ два часа верховой воротился, и гастгеберъ подаль мнѣ кошелекъ. Деньги, разумѣется, всѣ были цѣлы. Хозяинъ не хотѣлъ взять съ меня ничего, кромѣ прогоновъ за посланную нарочно лошадь.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ Або, тѣмъ край становился населеннѣе и обработаннѣе. По сторонамъ дороги все чаще показывались пашни. Землю обработы-

ваютъ здѣсь на быкахъ, и даже дорогой попадались мнѣ нерѣдко огромныя двухколесныя телѣги, запряженныя также волами. За восемь верстъ отъ города показался шпиль абоской кирки. Черезъ полчаса дорога повернула въ сторону, мимо старинной шведской церкви, сложенной изъ огромныхъ кусковъ нетесаннаго гранита — и передо мною развернулся весь Або съ красной массивной башнею соборной колокольни.

VII.

А Б О.

Пріѣздъ въ незнакомый городъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, всегда занимателенъ для туриста. Вездѣ находишь какія-нибудь новыя черты въ народномъ бытѣ, какія-нибудь особенности въ самой наружности городскихъ строеній. Або давно уже привлекалъ мое любопытство: это древнѣйшее поселеніе Шведовъ въ Эстерботніи, первенецъ всѣхъ финляндскихъ городовъ. Мнѣ казалось, что семивѣковая жизнь его должна была оставить какіе-нибудь памятники. Но я обманулся: пожаръ 1827 года истребилъ въ Або всѣ слѣды старины. Въ два дня не только погибли всѣ старыя зданія, но даже исчезли прежнія улицы, и самый планъ города погребенъ подъ развалинами. Послѣ этого огненного опустошенія Або возродился уже съ новой фizioноміей, съ характеромъ города русскаго.

Проѣзжая по улицамъ, я на каждомъ шагу видѣлъ слѣды новой жизни. Прямыя, правильныя улицы, обстроенныя красивыми, большею частью каменными домами, большая площадь, окруженная обширными трехэтажными зданіями, набережныя выложенныя гранитомъ,

мости съ чугунными решетками—все отличается характеромъ новыхъ европейскихъ городовъ. Только красная башня соборной церкви, да таблички съ шведскими надписями, прибитыя на углахъ улицъ, напоминаютъ о прежнемъ допожарномъ Або.

Извозчикъ привезъ меня на дворъ прекрасной гостиницы. Молоденькая дѣвушка, въ красномъ, граціозно надѣтомъ корсажѣ, встрѣтила меня шведскимъ привѣтствіемъ: *godt morgon!* Когда я сказалъ, что остаюсь до утра, она провела меня въ большую комнату, съ мягкой мебелью и прекрасной постелью. Не успѣлъ я расположиться въ моей спальнѣ, или по-здѣшнему софкаммарѣ, какъ бойкая служанка принесла большой подносъ, весь уставленный тарелочками, на которыхъ аппетитнымъ паромъ дымились разнообразныя издѣлія шведской кухни. Послѣ обѣда я пошелъ осматривать Або.

Въ центрѣ города лежитъ большая площадь. Передъ нею течетъ Аура, похожая на нашу Фонтанку. Въ ней совсѣмъ нѣтъ энергической быстроты финляндскихъ рѣкъ; ея медленное теченіе вполне гармонируетъ съ тишиною города. Два моста, одинъ на гранитныхъ, другой на деревянныхъ устояхъ, соединяютъ ея щегольскія, но пустынные набережныя. Въ глубинѣ площади возвышается на скалѣ St. Henriks Domkyrka, обширный соборъ съ высокой башнею. Это древнее зданіе, господствующее надъ всѣмъ городомъ, построено въ готическомъ вкусѣ той эпохи упадка, когда красоту замѣняла массивность. Пожаръ лишилъ его высокаго шпиля, вмѣсто котораго виднѣтъ теперь на башнѣ красный шатеръ, увѣнчанный крестомъ. Но если церковь потеряла свою иглу и усту-

пасть въ этомъ ревельскомъ Олаю, зато она украшена теперь великолѣпной лѣстницей изъ краснаго гранита, широко поднимающейся во всю длину собора. Противъ церкви стоитъ обширное зданіе бывшаго Университета, начатое при королѣ Густавѣ IV, и совершенно перестроенное послѣ пожара. Въ немъ помѣщается гофгерихтъ, квартира губернатора, духовная консисторія, банкъ, почтамтъ — и по этому энциклопедическому назначенію ему дано характеристическое названіе Omnibus. По отлогому скату площади недавно разведенъ садъ, но въ немъ нѣтъ нигдѣ тѣни, кромѣ маленькой кандитерской, обсаженной липами.

Абоскій соборъ основанъ въ XII вѣкѣ, на мѣстѣ часовни, построенной первымъ финляндскимъ епископомъ Генрихомъ. Тѣло прелата долгое время хранилось въ соборномъ склепѣ, и исчезло изъ него съ появленіемъ лютеранства. Память *крестителя* Финляндіи осталась однако въ народной легендѣ. Разсказываютъ, что Генрихъ, отправляясь зимою на проповѣдь, на льду озера Чуло былъ убитъ финскимъ дворяниномъ Лалли. Убійца овладѣлъ богатой шапкою епископа и надѣлъ ее себѣ на голову, но не могъ снять съ руки его дорогаго перстня, и отрубилъ его вмѣстѣ съ пальцемъ. Отсѣченный палецъ потерялся однакожъ въ снѣгу, и Финнъ никакъ не могъ найти его. Возвратясь домой, Лалли хотѣлъ снять шапку епископа, но вмѣстѣ съ нею волосы его отдѣлились отъ черепа, и онъ погибъ въ мученіяхъ. Весною плыли по озеру въ лодкѣ два крестьянина и увидѣли ворона, который кружился и каркалъ надъ льдиною. Крестьяне подплыли ближе, и нашли на льдинѣ палецъ съ кольцомъ

Генриха. По этому случаю епископская шапка и кольцо вошли въ гербъ города Або. Вотъ все наслѣдіе, доставшееся Финляндіи отъ католицизма, который стоилъ народу столько слезъ и крови!

Гарнизонный солдатъ отыскалъ мнѣ соборнаго кистера. Старикъ съ большими круглыми очками на носу, похожими на готическіе розеты древнихъ соборовъ, загремѣлъ большой связкою ключей, и черезъ широкій стрѣльчатый входъ ввелъ меня во внутренность церкви. Съ перваго шага соборъ поразилъ меня своей мрачностью и пустотою. Пожаръ истребилъ старинный алтарь, органъ, каеэдру, даже многія гробницы. Какой-то богатый хлѣбникъ отказалъ передъ смертью все свое состояніе на сооруженіе новаго органа, который недавно и оконченъ. Этотъ громадный органъ, весь покрытый живописью и позолотою, величественно возвышается до самыхъ сводовъ, и служитъ единственнымъ украшеніемъ собора. Самая церковь такъ пустынна, что кажется, будто ее построили только для храненія органа. Вѣроятно, при его величественномъ громѣ эти холодные, мертвые своды просыпаются, и тогда соборъ кажется не такъ безжизненнымъ. Въ капеллахъ стоятъ надгробные памятники, и въ числѣ ихъ есть довольно древніе. На одномъ саркофагѣ видны двѣ статуи изъ бѣлаго мрамора, въ человѣческой ростъ: одна представляетъ рыцаря въ латахъ съ пышнымъ гербомъ, другая—молодую женщину въ свадебномъ платьѣ, въ ожерельѣ и браслетахъ; это внукъ короля Эрика XIV, Клаусъ Тоттъ, съ женою. Вотъ единственные памятники шведскаго дворянства, уцѣлѣвшіе въ Финляндіи!

Другое древнее зданіе въ городѣ — замокъ Abo-Slott — возвышается при устьѣ Ауры, на гранитномъ мысѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ моремъ. Но въ немъ старины такъ же мало, какъ и въ соборѣ: люди истребляютъ свои постройки еще усерднѣе, чѣмъ пожары. Во время шведскаго владычества эта сильная крѣпость окружена была высокими стѣнами, и считалась однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ Финляндіи; но съ усиленіемъ Свеаборга она признана ненужною, потеряла военное значеніе и сошла на степень обыкновеннаго острога. Теперь въ Або-Слотѣ помѣщается тюрьма и рабочій домъ. Безъ рекомендательныхъ писемъ мнѣ нельзя было осмотрѣть этихъ заведеній, и кажется отъ того ни я, ни читатели ничего не потеряли. Мнѣ сказали потомъ, что послѣ Тавастгуса, здѣсь нѣтъ ничего новаго. Я замѣтилъ только, что арестанты абоскаго острога могутъ любоваться изъ своихъ казематовъ превосходнымъ видомъ на городъ и ближайшія шхеры.

Не смотря однакожь на отсутствіе древнихъ зданій, память о Шведахъ никогда не изгладится въ Або. Здѣсь Густавъ-Адольфъ учредилъ первую въ Финляндіи гимназію, здѣсь знаменитый графъ Браге основалъ первый университетъ. Эти памятники переживутъ многіе монументы! Я не люблю говорить о томъ, что можно найти въ учебникахъ, но чтобъ искупить наконецъ передъ читателями небрежность мою къ исторіи Финляндіи, расскажу одинъ историческій фактъ, который мнѣ кажется замѣчательнѣе, чѣмъ вся хроника построенія и обороны крѣпостей. День открытія Абоскаго университета, по сказанію шведскихъ лѣтописцевъ, праз-

дновался съ пышностью, небывалой въ Финляндіи. Въ лѣтописяхъ сохранилось описаніе этого торжества.

Въ назначенный день, 15 Іюля 1640 года, жители Або съ ранняго утра толпились на улицахъ. Въ восемь часовъ открылось торжественное шествіе изъ Або-Слота, гдѣ жилъ генераль-губернаторъ Финляндіи и канцлеръ будущаго университета, графъ Браге. Двѣнадцать герольдовъ съ трубами открывали процессію. За ними слѣдовали депутаты отъ дворянства, подъ предводительствомъ своего маршала. Потомъ несли на шелковыхъ подушкахъ университетскія регалии: ключи, печать, жезлъ, книгу для поименнаго списка студентовъ и ректорскую мантию изъ алаго бархата, подбитую бѣлымъ атласомъ. Затѣмъ шелъ канцлеръ въ сопровожденіи двѣнадцати высшихъ офицеровъ, епископъ и будущіе профессеры. Чиновники разныхъ вѣдомствъ, приходскіе священники, учителя и студенты заключали шествіе. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и звукахъ музыки, эта торжественная процессія прошла черезъ весь городъ, между двумя рядами войска, собраннаго для этого праздника со всей Финляндіи. Университетское зданіе украшено было зелеными вѣнками, гирляндами цвѣтовъ, стѣны обвѣшаны яркими тканями, скамы обтянуты алымъ сукномъ. Графъ Браге взошелъ на кафедру и прочелъ королевскую грамоту. Вотъ этотъ любопытный актъ.

«Божію милостію, Христина, королева Швеціи и пр. Принимая во вниманіе, что во всѣ времена училища и академіи почитались разсадниками наукъ и добрыхъ нравовъ, мы по примѣру нашего родителя, короля Густава-

Адольфа, распространившаго университетъ Упсальскій, и основавшаго таковой же въ Дерптѣ, желаемъ къ вѣщ-шей славѣ и благоденствію нашего княжества Финляндіи учредить, вмѣсто существующей въ городѣ Або гимназіи, университетъ, дабы онъ могъ служить источникомъ познаній и добродѣтели».

По прочтеніи грамоты графъ Браге провозгласилъ открытіе университета, и вручилъ вице-канцлерскіе знаки епископу. Послѣ того вице-канцлеръ надѣлъ на одного изъ профессоровъ ректорскую мантию, — и процессія отправилась въ соборную церковь. Епископъ произнесъ поучительную рѣчь, и народъ отвѣчалъ на нее такими восклицаніями, что, по словамъ историка, церковные своды готовы были рухнуть. Праздникъ кончился большимъ обѣдомъ у генераль-губернатора и представлениемъ нарочно сочиненной по этому случаю комедіи, подъ названіемъ «Студенты».

Въ средніе вѣка пріемъ студентовъ въ университеты сопровождался вездѣ странными обрядами, но едва ли гдѣ-нибудь происходила по этому случаю такая аллегорическая буфонада, какъ въ Або. У одного стариннаго французскаго путешественника, А. де-Ламотре, подробно описана эта странная церемонія. Въ назначенный для пріема день — рассказываетъ онъ — молодые люди собирались въ одну изъ университетскихъ залъ. Тамъ по приказанію старшаго чиновника совѣта надѣвали на нихъ черныя мантии, къ шляпамъ прицѣпляли рога и длинныя уши, намазывали имъ лице сажей, и каждому вставляли въ ротъ свиные клыки. Въ такомъ шутовскомъ уборѣ выводили ихъ въ другую залу, гдѣ ожидали ихъ род-

ственники и любопытные зрители. Молодыхъ людей ставили въ кружекъ, при общемъ хохотѣ публики. Тутъ начиналась аллегорическая сцена. Чиновникъ совѣта говорилъ рѣчь, въ которой исчислялъ пороки, происходящіе отъ невѣжества, и доказывалъ, что они могутъ быть уничтожены только одной наукою. Приэтомъ онъ объяснялъ зрителямъ, что свиные клыки и длинныя уши означаютъ дерзость и глупость, и затѣмъ деревянными клещами вырывали эти атрибуты невѣжества, и обливали молодыхъ людей съ ногъ до головы водою, въ знакъ того, что университетское ученье должно очистить и облагородить юношей. По окончаніи этой церемоніи молодыхъ людей провозглашали студентами, при рукоплесканіяхъ публики. Этотъ странный обычай, подлинность котораго подтверждается университетскими документами, уничтоженъ въ концѣ XVII вѣка. Не смотря на грубыя формы этой шутовской аллегоріи, въ ней видно однакожъ, какое высокое понятіе имѣли въ Финляндіи о назначеніи университета.

Если когда-нибудь покореніе народа оправдывалось благотворными слѣдствіями для края, то Финляндія представляетъ въ этомъ отношеніи самый разительный примѣръ. Шведское вліяніе оставило благодѣтельные слѣды на всемъ бытѣ Финновъ: оно развило въ народѣ чувства справедливости, чести, уваженіе къ законамъ и достоинству человѣческому. Нельзя не удивляться Шведамъ, которые изъ полудикаго племени умѣли образовать благородный и гостепріимный народъ, бѣдному и печальному краю дать видъ страны благоустроенной. Финскія дороги и станціи давно уже сдѣлались предметомъ общей

похвалы. О примѣрахъ безкорыстія я говорилъ не одинъ разъ. Случай воровства рѣдки даже въ самыхъ городахъ. Можетъ-быть этимъ обязаны отчасти и ночнымъ сторожамъ, которыхъ заувывное пѣніе кажется такъ странно для пріѣзжаго. Почти нигдѣ не видите вы замковъ, и если въ домахъ запираются на ночь двери, то кажется это дѣлають только для порядка.

Даже самые примѣры воровства отличаются здѣсь забавной наивностью. Происшествіе, о которомъ рассказывалъ мнѣ одинъ Шведъ, какъ нельзя лучше показываетъ патріархальную простоту чухонскихъ воровъ. Въ одинъ домъ ночью забрался въ открытое окно любитель чужой собственности. Осторожно прокрался онъ къ шкапу, гдѣ вмѣстѣ съ посудою лежало столовое серебро. Шкапъ, разумѣется, былъ также не запертъ. Воръ выбралъ изъ него ложки и солонки, и нагрузилъ ими свои карманы. На бѣду ночнаго гостя, въ шкапу стояла только-что початая канна съ водкою, лежалъ кусокъ шведскаго сыру и нѣсколько сушеныхъ хлѣбовъ. Это соблазнило вора. Унести ли всю канну было ему неловко или не достало терпѣнія дожидаться, только онъ расположился посреди залы, за круглымъ столомъ, налилъ стаканъ водки, закусилъ, выпилъ еще, и наконецъ такъ угостилъ себя, что не могъ подняться съ мѣста. Утромъ хозяева разбужены были необыкновеннымъ шумомъ: кто-то храпѣлъ подлѣ спальни на весь домъ. Бѣгутъ въ залу и видятъ, что наивный воръ сидитъ въ креслахъ, не снимая шляпы, положи руки на столъ, — и склоня на нихъ голову, спитъ невозмутимымъ сномъ. Передъ нимъ до поло-

вины осушенная бутылъ, и куски кнаке-бре, а изъ кармановъ выглядываютъ столовыя ложки.

Вечеръ провелъ я въ прогулкахъ по городу, и заходилъ въ нѣсколько магазиновъ. Лавки въ Або гораздо богаче и изящнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Финляндіи, но всѣ онѣ безъ вывѣсокъ, какъ нашъ Англійскій магазинъ. Купцы большею частію Шведы, но я встрѣтилъ двухъ, которые очень хорошо говорили по-русски. Мнѣ хотѣлось купить шведскихъ оленьихъ перчатокъ, которыми славится Або, но поиски мои по этому предмету были такъ же бесплодны, какъ отыскиванье мамуровки и выборгскихъ кренделей: во всемъ городѣ я не нашелъ ни одной пары. Здѣсь одинъ купецъ совѣтовалъ мнѣ тоже поискать ихъ въ Петербургѣ.

Я хотѣлъ ѣхать въ Гельсингфорсъ на пароходѣ черезъ абоскія шхеры, которыя считаются самыми живописными во всей Финляндіи. Къ сожалѣнію планъ этотъ не состоялся. Въ конторѣ пароходства мнѣ сказали, что ближайшая поѣздка будетъ не раньше, какъ черезъ три дня. Приходилось опять ѣхать сухимъ путемъ. Отдохнувъ въ своей комфортабельной софкаммарѣ, я поутру послалъ за лошадью. Не смотря на раннее утро, молоденькая Шведка, одѣтая и причесанная съ прежнимъ кокетствомъ, подала мнѣ кофе и красиво написанный счетъ съ очень умѣренными цифрами, потомъ вынесла мой мѣшокъ въ керру и съ легкимъ книксеномъ проводила меня прощальнымъ: farvonn!

Нигдѣ не встрѣчалъ я такихъ возвышеній, какъ на пути отъ Або къ Гельсингфорсу. Дорога идетъ большею частію по обрывамъ скаль, которыя не совѣстно назвать

горами. Самое высокое мѣсто на этомъ пространствѣ— кирка Ускеля, стоящая на утесѣ, одѣтомъ со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Дорога поднимается оборотами по откосамъ горы на разстояніи почти двухъ верстѣ, и огибая ее нѣсколько разъ, поднимается спиралью все выше и выше до самой церкви. При вѣздѣ въ Нюландскую губернію безпокойная керра смѣнилась опять чухонской таратайкою. Въ десяти верстахъ отъ станціи Берсби, при поворотѣ дороги въ Экенесь, я проѣхалъ мимо шумнаго водопада; но картины эти сдѣлались для меня такъ уже обыкновенными, что я не хотѣлъ остановиться и на одну минуту.

По мѣрѣ приближенія къ Гельсингфорсу, край постепенно оживляется. По сторонамъ часто виднѣются пашни. Крестьянки работаютъ по полямъ въ соломенныхъ шляпкахъ и перчаткахъ. Съ непривычки мнѣ казалось это театральной сценою. Прохожіе по дорогѣ здѣсь уже не рѣдкость, и часто случается встрѣчать по нѣскольку экипажей на одномъ переѣздѣ. Одинъ разъ мнѣ попалось навстрѣчу большое общество: съ десятокъ рессорныхъ таратаекъ несло длиннымъ рядомъ по скату горы. На передней сидѣли двѣ молоденькія дѣвушки, и одна изъ нихъ бойко правила лошадыю; зеленые вуали вились надъ ихъ соломенными шляпками.

На станціи Финнсь, не доѣзжая двадцать-пять верстѣ до города, мнѣ въ первый разъ пришлось болѣе получаса ждать лошади. Это былъ единственный случай во время всего моего путешествія по Финляндіи. Впрочемъ и здѣсь остановки случаются должно-быть рѣдко. Просматривая отъ нечего-дѣлать разноязычныя надписи,

нацарапанныя по стѣнамъ станціонной комнаты, я не видалъ ни одной жалобы. Между-тѣмъ тутъ же прочелъ я нѣсколько похвальныхъ отзывовъ на счетъ этого гостебѣрства, и въ томъ числѣ слѣдующій панегирикъ :

On a ici du café et du thé

Et une grande propreté,

Point de punaises et point de puces

Et une servante qui parle russe.

Въ три часа утра въѣхалъ я въ Гельсингфорсъ, и остановился у подъѣзда Societets-huset. Въ передней, на большой черной доскѣ, гдѣ записываются фамиліи пріѣзжающихъ въ гостинницу, увидѣлъ я имя моего петербургскаго товарища, и меня тотчасъ же провели въ его номеръ, гдѣ приготовлена была другая постель. Мой пріятель пріѣхалъ наканунѣ и ждалъ меня. Съ часъ проговорили мы о нашихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Оказалось, что мы оба испытали не мало потрясеній, — я со стороны шведской керры, а товарищъ мой отъ пары шведскихъ глазокъ. Я заснулъ на разсвѣтѣ.

VIII.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

Съ Гельсингфорсомъ я былъ уже знакомъ. Два года назадъ, прїѣзжалъ я сюда на недѣлю изъ Ревеля, съ увеселительнымъ поѣздомъ (*Luftfahrt*), который въ продолженіе всего лѣта, отправлялся тогда по воскресеньямъ на пароходъ *Сторфурстенъ*.

Трудно представить два города, до такой степени противоположные, какъ Ревель и Гельсингфорсъ. Съ какой стороны ни сравните ихъ,—разница поразительная. Ревель тонетъ въ зелени, окаймленъ садами, окруженъ рощами; Гельсингфорсъ стоитъ на гранитныхъ скалахъ, по которымъ лѣпится блѣдный мохъ и тощій кустарникъ, Тамъ море живописно обвиваетъ берегъ, отражая въ себѣ зеленѣющій, веселый ландшафтъ; здѣсь оно съ печальнымъ шумомъ плещется однообразно о сѣрые камни. Ревель живетъ въ прошедшемъ: его тѣсныя улицы, готическія башни, старинные дома, напоминающіе Ганзу, переносятъ въ средневѣковую Германію, и вы на каждомъ шагу находите обломки старины, преданія и легенды. У Гельсингфорса совсѣмъ нѣтъ прошедшаго: это городъ, возникшій по какому-то волшебному мановенію,

безъ малѣйшаго остатка старины, безъ всякихъ преданій и памятниковъ. Широкія, прямыя улицы, правильныя четырехъ-угольныя площади, великолѣпныя зданія, — все вѣдетъ новой, современной жизнию. Это Петербургъ въ миниатюрѣ. Въ Ревелѣ все полно стариною, даже покрой фраковъ на бюргерахъ отличается чѣмъ-то готическимъ; въ Гельсингфорсѣ все ново, кромѣ развѣ пѣнія ночныхъ сторожей, да и то напоминаетъ больше баллады Жуковского, чѣмъ настоящіе средніе вѣка. Ревель сосредоточился въ самомъ себѣ и нуждается въ пріѣзжихъ только въ торговомъ отношеніи; Гельсингфорсъ живетъ одними пріѣзжими, просыпаясь съ появленіемъ перваго весенняго парохода, и засыпая съ послѣдней кружкою минеральной воды, выпитой въ воксалѣ.

Какъ послѣ широкихъ петербургскихъ улицъ съ удовольствіемъ пройдетесь вы по тѣснымъ и мрачнымъ улицамъ Ревеля, такъ послѣ стараго, компактнаго Ревеля съ наслажденіемъ взглянете на просторный Гельсингфорсъ, одѣтый по послѣдней картинкѣ à la Saint-Petersbourg. Такова любовь въ человѣкѣ къ противоположностямъ! Въ самомъ дѣлѣ Гельсингфорсъ хорошъ. Въ немъ нѣтъ, какъ въ другихъ столицахъ, грязныхъ предмѣстій, нѣтъ своей Выборгской-Стороны и Козьяго-Болота: онъ весь красивъ и блестящъ, и если уцѣлѣло еще нѣсколько ветхихъ избушекъ, то это въ старомъ городѣ, Gammelstaden, который такъ запрятанъ между утесами, что нельзя и найти его, если не покажутъ нарочно. Это единственное рублище, уцѣлѣвшее отъ стараго шведскаго поселенія, основаннаго при королѣ Густавѣ.

Совѣтую вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу Фин-

ляндіи вооружиться зрительной трубкой и отправиться на обсерваторію, — разумѣется не для астрономическихъ наблюдений, а затѣмъ, чтобы посмотрѣть съ нея на городъ. Обсерваторія здѣсь то же, что въ Ревелѣ олаевская башня: съ нея виднѣтъ Гельсингфорсъ à vol d'oiseau. Прямо передъ вами идетъ Уніонскій-проспектъ (Union gatan) и широкой полосой прорѣзываетъ весь городъ, а параллельныя и перпендикулярныя къ нему улицы, пересѣкаясь подъ прямыми углами, дѣлятъ Гельсингфорсъ на правильныя, прямые четырехъ-угольники. Отъ обсерваторіи этотъ проспектъ ведетъ на Сенатскую-площадь (Senats-torget). Эта площадь не похожа на тѣ пустопорожнія пространства незастроенной земли, которыя называются площадями въ Петербургѣ: она гораздо меньше, но величественнѣе и какъ-то полнѣе. Съ одной стороны исполинская лѣстница, цѣликомъ высѣченная въ гранитѣ, поднимается во всю ширину площади на скалу, которая служить пьедесталомъ обширному лютеранскому собору съ великолѣпными портиками и пятью голубыми куполами. Какъ Исакіевскій-Соборъ въ столицѣ, церковь эта господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Направо отъ нея Сенатъ, съ изящнымъ портикомъ, гдѣ на фронтонѣ видны посреди орнаментовъ гербы Россіи и Финляндіи; налѣво Университетъ и Библіотека, — зданія достойныя украшать лучшія улицы Петербурга. Почти во всѣхъ этихъ строеніяхъ господствуетъ коринѣскій орденъ.

Поперекъ Уніонскаго-проспекта идетъ такъ называемая Эспланада, широкая улица съ продолговатыми, четырехъ-угольными скверами, обсаженными зеленью, и упирается прямо въ Театръ, который впрочемъ все лѣто

бываетъ запертъ по недостатку актеровъ. Вся эта улица обстроена по-петербургски прекрасными каменными домами, и между ними стоитъ обширное зданіе Societets-huset, съ квартирами для пріѣзжихъ и большой обѣденной залой. Видъ этой улицы—оживленный и веселый.

Уніонскій-проспектъ, пересѣкаясь подь прямымъ угломъ съ Эспланадою, примыкаетъ къ широкой гранитной набережной, окаймляющей гавань. Это самый шумный и живописный уголокъ во всемъ городѣ. По набережной раскидывается подвижной рынокъ: на улицѣ стоятъ сотни тележекъ съ разными съѣстными припасами, между ними разложены на землѣ груды зелени, корзинки съ ягодами, битая дичь и клѣтки съ живыми курами. Вокругъ толпятся продавцы и покупатели, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ, съ шумнымъ, разноязычнымъ говоромъ. У берега качаются длиннымъ рядомъ лодки, гдѣ сверкаетъ серебристой чешуею рыба. Вся гавань пестрѣетъ множествомъ лодокъ и шлюпокъ, которыя безпрестанно носятся по всѣмъ направлѣніямъ, а у набережной дымятся пароходы, отплывающіе въ Або, Ревель, Петербургъ. Кругомъ панорама великолѣпная: съ одной стороны Сенатская-площадь и дворецъ, съ другой зелень Ульрикасборгскаго-парка, а вдали высятся надъ водою грозныя стѣны Свеаборга. На набережной вы всегда найдете больше гуляющихъ, чѣмъ въ городскомъ саду или въ скверахъ Эспланады.

Но ни что не поражаетъ такъ въ Гельсингфорсѣ пріѣзжаго, какъ улицы, прорванныя въ гранитъ. Это единственное зрѣлище: съ одной стороны видите вырядъ домовъ, съ другой—длинную, сплошную стѣну въ нѣсколь-

ко сажень вышины, вырванную силою пороха въ гранитной горѣ. Недостаетъ только цѣльныхъ лѣстницъ для восхода на эти стѣны, сооруженныя общими усиліями природы и человѣка.

Едва успѣли мы заснуть въ своемъ номерѣ, какъ насъ разбудила близкая музыка. Играли на дворѣ. Удивленный такимъ раннимъ концертомъ, я подошелъ къ окну. Посреди двора стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатерью, и вокругъ него сидѣло десятка полтора дѣтей, — все дѣвочки отъ шести до десяти лѣтъ. Всѣ онѣ были въ бѣлыхъ платьицахъ, въ вѣнкахъ изъ свѣжей зелени и васильковъ. Одна малютка лѣтъ семи была по видимому хозяйкой: она ходила около гостей, разнося сухари. Веселый смѣхъ и говоръ дѣтей сливался съ хоромъ музыки, игравшей какую-то шведскую пѣсню. Послѣ я узналъ, что это былъ день рожденія малютки, и по шведскому обычаю подружки собрались къ ней на утренній кофе. Я отъ души былъ радъ, что эта ранняя музыка разбудила меня: ей обязанъ я былъ тѣмъ прекраснымъ расположеніемъ духа, съ какимъ вышелъ изъ гостинницы и отправился съ товарищемъ на Минеральныя воды.

Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ-водъ, которое служитъ приманкою или по-крайней-мѣрѣ предлогомъ для большей части посѣтителей Гельсингфорса, расположено на берегу моря, на высокомъ гранитномъ холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Ulrikasborg. Кругомъ обширнаго изящнаго воксала раскинуть молодой паркъ, теперь еще довольно жидкій, но обѣщающій со временемъ прекрасное гульбище. Изъ него по длинной аллеѣ прїѣзжаете вы на самый берегъ моря, къ ваннамъ и ку-

пальнямъ. Чающіе исцѣленія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ болѣзней собираются на водопой съ шести часовъ. Первое время проходитъ нѣсколько монотонно, хотя музыка гремитъ не умолкая: водяное общество тѣснится вокругъ крановъ, подставляя разнокалиберные кружки и стаканы подъ цѣлебные токи карлсбадскаго, пирмонтскаго, крейцбрунскаго, нейбрунскаго, мальбрунскаго и другихъ подобныхъ нектаровъ. Патриоты пьютъ даже искусственный нарзанъ. Наконецъ мало-по-малу одни уходятъ въ садъ довершать цѣлебное дѣйствіе водъ прогулкою, другіе унижаютъ шведскія лежачія качели, которыми окоймлена вся зала, и припрыгиваютъ на нихъ въ ожиданіи танцевъ. Утреннія кадрили живы и веселы: дамы танцуютъ въ бурнусахъ и шляпкахъ, и у каждой въ рукахъ букетъ, а иногда и молитвенникъ. Шведки прямо съ танцевъ идутъ по воскресеньямъ въ церковь.

Передъ обѣдомъ главное свиданье гельсингфорской публики въ купальняхъ. Надобно отдать справедливость Финляндцамъ за удобства и удовольствія, какія они умѣли доставить пріѣзжающимъ. Не смотря на то, что здѣшнее общество для устройства ваннъ и минеральныхъ водъ образовалось въ одно время съ ревелскимъ, оно сдѣлало несравненно болѣе. Салонъ здѣсь изящнѣе, чѣмъ въ Ревелѣ; балы одушевленнѣе и веселѣе, и въ дамахъ никогда нѣтъ недостатка. Каждое воскресенье устраивается обыкновенно увеселительная поѣздка на пароходахъ, — иногда до самаго Борго. Лѣтнія купальни также лучше ревелскихъ, не говоря уже о теплыхъ ваннахъ, которыя отдѣланы даже съ роскошью. Конечно, дамы предпочитаютъ Гельсингфорсъ и потому еще, что здѣсь

можно смѣтать пары двѣ-три заграничныхъ платьевъ, и таинственно вывезти ихъ въ Петербургъ: хоть они обойдутся можетъ быть и не дешевле петербургскихъ, но одна мысль о контрабандномъ нарядѣ дѣйствуетъ магически на женщинъ.

Ulrikasborg похоже на отдѣльную маленькую колонию. Салонъ со всѣхъ сторонъ обставляется уже дачами, и многія изъ нихъ напоминаютъ Каменный-островъ. Одна изъ прибрежныхъ дачъ извѣстна подъ именемъ Kalliolina. Вы подумаете, что это названіе итальянское, данное по воспоминанію о какой-нибудь римской или неаполитанской виллѣ: извините, это просто чухонское слово, и значить — горный замокъ. Не даромъ финскій языкъ сравниваютъ съ итальянскимъ. Не будучи предвѣщателемъ, можно поручиться, что чрезъ десять или пятнадцать лѣтъ всяэта сторона превратится въ одинъ прекрасный паркъ съ садами и дачами. Здѣсь, какъ вообще на сѣверѣ, все дѣлается быстро: едва сбѣжалъ съ утесовъ снѣгъ, едва блеснулъ первый теплый лучъ солнца — изъ трещинъ камней показалась уже зелень; еще теплый день — и деревья одѣлись листьями, растенія зацвѣли, въ кустахъ раздался голосъ залетной птички. Тоже самое и съ людьми: только что лучъ цивилизаціи проникъ въ бѣдныя, бесплодныя пустыни — въ нихъ возникли уже города, зацвѣли сады, закипѣла жизнь.... Паркъ пригельсингфорскомъ воксалѣ и городской садъ (Kaisaniemi) растутъ прекрасно; но какъ въ городѣ нѣтъ древнихъ зданій, такъ и въ садахъ рѣдко найдете вы старое дерево. Здѣсь все молодо, кромѣ вѣковѣчныхъ гранитовъ.

Купальни устроены въ самомъ морѣ, въ небольшомъ

заливѣ. Многіе предпочитаютъ ихъ ревельскимъ ваннамъ, но мнѣ и тѣ и другія доставляли одинаковое удовольствіе. Какое наслажденіе купаться здѣсь при свѣжемъ вѣтрѣ, когда зеленые валы бѣгутъ грядями къ берегу, подхватываютъ и качаютъ васъ, опускаютъ внизъ и подбрасываютъ вверхъ, полощутъ вамъ ротъ морскимъ расколомъ, — однимъ словомъ исполняютъ всѣ продѣлки гимнастическаго и минеральнаго леченья.. Такъ купанья полезны? — Что касается до больныхъ, не могу сказать ничего утвердительнаго; но въ прекрасномъ дѣйствіи ихъ на здоровыхъ увѣряю по собственному опыту: я купался всякій день, иногда по два по три раза, и не схватилъ во все время ни простуды, ни лихорадки. Это не бездѣлица.

Петербургскіе гости нерѣдко отличаются здѣсь забавными странностями. Въ первый день по пріѣздѣ, едва только успѣлъ я броситься въ воду, какъ въ ванны вошелъ какой-то тучный господинъ, съ самыми яркими слѣдами здоровья на бархатныхъ щекахъ. Онъ снялъ шляпу и сюртукъ, сошелъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы и опустилъ руку въ воду.

— Кажется сего-дня холодно? спросилъ онъ.

— Двѣнадцать градусовъ, отвѣчалъ я.

— Боюсь начать.

Онъ поднялся опять въ бесѣдку, надѣлъ сюртукъ и шляпу, и закуривъ сигару, пошелъ въ Салонъ.

На другой день я уже совсѣмъ выкупался и началъ одѣваться, какъ тотъ же господинъ пришелъ опять; такъ же какъ наканунѣ снялъ шляпу и сюртукъ, спустился къ

водѣ, подержалъ въ ней руку, и обращаясь къ одному изъ купающихся, спросилъ:

— Кажется нынче холодно?

— Тепло! превосходно! отвѣчали ему.

— Боюсь начинать! проговорилъ толстякъ, одѣлся, зажегъ сигару и съ завистью смотрѣлъ, какъ другіе плавали и плескались.

Съ тѣхъ поръ всякій день видѣлъ я этого чудака въ ваннахъ. Мы узнали, что онъ абонировался еще за недѣлю до нашего приѣзда и заплатилъ деньги впередъ за все лѣто. Онъ приходилъ въ ванны раза по три въ сутки, очевидно съ самымъ твердымъ намѣреніемъ купаться, и всякій разъ, раздѣвшись до половины, и потомъ опустивъ въ воду свой термометръ о пяти пальцахъ, снова одѣвался и уходилъ. Такъ и хотѣлось сыграть роль какого нибудь школьника—толкнуть его въ воду.

Наканунѣ отъѣзда мы опять встрѣтили его въ ваннѣ. Вода была довольно свѣжа, и я уже заранѣе зналъ, что теперь ему не купаться. Смотрю: чудакъ снялъ шляпу и сюртукъ, опустилъ руку въ море и сказалъ:

— Кажется сего-дня тепло.

— Не очень холодно!

— Попробую начать!

— Переваливаясь съ ноги на ногу, поднялся онъ опять въ бесѣдку и началъ раздѣваться. Я не вѣрилъ глазамъ и съ любопытствомъ ждалъ перваго его дебюта. Храбрецъ раздѣлся, медленно и съ гримасами началъ спускаться по лѣстницѣ, ступилъ на послѣднюю ступеньку, нагнулся и еще разъ попробовалъ воду.

— Холодно... боюсь! пробормоталъ онъ съ отчаяніемъ и вернулся назадъ.

Я чуть не плеснулъ въ него водою. Толстякъ поспѣшно одѣлся, и не закуря даже сигары, скорыми шагами отретировался прямо въ паркъ.

Дамы смѣлѣе мужчинъ. Въ то время, какъ только еще начинаютъ купаться въ морѣ, и мужскія купальни бываютъ почти совсѣмъ пусты, передъ женскими то и дѣло останавливаются экипажи. Говорятъ, будто это происходитъ отъ того, что женщины купаются въ морѣ не для возстановленія здоровья, а изъ желанія поддержать свѣжесть и красоту. Разъ одна дама за обѣдомъ въ Салонѣ громко увѣряла, что славная Нинона Ланкло сберегла до старости свою красоту только одними морскими купаньями. Поѣзжайте же въ Гельсингфорсъ купайтесь въ морѣ, — и *pas des femmes vieilles!*

Гельсингфорсъ растетъ необыкновенно быстро. Подъ магическимъ вліяніемъ порто-франко торговля его развилась, какъ растеніе въ теплицѣ; и хотя теперь онъ понемногу приводится подъ общія положенія тарифа, однако торговая дѣятельность его успѣла уже пустить глубокіе корни.

Со времени абоскаго пожара Гельсингфорсъ сдѣлался центромъ края не только въ административномъ отношеніи, но и въ дѣлѣ просвѣщенія. Университетъ, доставшійся новой столицѣ Финляндіи, какъ наслѣдство, завѣщанное отъ стараго дѣда молодому внуку, достигъ въ короткое время удовлетворительнаго состоянія: въ немъ считается теперь до двадцати профессоровъ и больше шести сотъ студентовъ. Не смотря на то, что послѣ по-

жара не уцѣлѣло и тысячи книгъ, въ настоящее время въ университетской библіотекѣ опять болѣе сорока тысячъ томовъ. Здѣсь между прочимъ хранится грамота королевы Христины, присланная въ Або въ 1640 году. Это единственный памятникъ старины, уцѣлѣвшій отъ основанія университета. Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки, разумѣется далеко не такъ богатая, какъ въ Петербургѣ. Книги большею частию на шведскомъ языкѣ; русскихъ я почти не видалъ. Иные можетъ быть упрекнуть за то Гельсингфорсѣ; но во многихъ ли русскихъ губернскихъ городахъ есть книжныя лавки?

Дѣятельность Гельсингфорса въ дѣлѣ просвѣщенія выражается журналами, учеными и литературными обществами. Журналы издаются на шведскомъ языкѣ; официальная газета «Finlands Tidning» выходитъ ежедневно. Въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ возникли здѣсь: Финляндское-ученое-общество, общество Pro Floga et Fauna Fennica, посвященное естественнымъ наукамъ, и наконецъ Финское-литературное-Общество для содѣйствія успѣхамъ народнаго языка и литературы. Это послѣднее общество, въ лицѣ одного изъ членовъ своихъ знаменитаго Ленрота, оказало услугу не только своему отечеству, но и всему образованному свѣту открытіемъ финской народной эпопеи, Калевалы. Находка эта важна не потому только, что эта поэма принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ сѣверной поэзіи, но еще больше тѣмъ, что самый способъ открытія ея бросилъ новый свѣтъ на спорный вопросъ о происхожденіи Иліады. Известно, что Ленротъ, собирая финскія народныя пѣсни, замѣтилъ между нѣкоторыми изъ нихъ какую-то

внутреннюю связь. Ему пришла счастливая мысль, что эти отдѣльныя пѣсни должны быть отрывками изъ какой-нибудь цѣльной поэмы, сохранившейся по частямъ въ памяти народа. Съ этой мыслью онъ рѣшился посвятить себя отысканію разсѣянныхъ рунъ, и съ желѣзнымъ постоянствомъ пѣшкомъ исходилъ нѣсколько разъ вдоль и поперекъ всю Финляндію. Съ котомкой за плечами, примѣняясь одеждою и видомъ къ быту своихъ земляковъ, входилъ онъ обыкновенно въ бѣдную избу, гдѣ надѣялся узнать что-нибудь, садился на сосновую скамью, и какъ истый Финнъ молчалъ нѣсколько минутъ, угрюмо потупя голову. Послѣ того начиналъ онъ по-немногу осматриваться изъ подъ нависшихъ волосъ, какъ будто безъ намѣренія завязывалъ разговоръ съ хозяевами о какихъ-нибудь постороннихъ предметахъ, и потомъ искусно сводилъ его на свою любимую мысль. Собесѣдникъ его, увлеченный умнымъ разговоромъ, становился до вѣрчивѣе, начиналъ рассказывать, пѣть руны — и Ленротъ усердно записывалъ все достойное вниманія. Догадка о существованіи древней народной эпопеи начала оправдываться. Въ восточной Финляндіи, смежной съ Олонецкой и Архангельской губерніями, гдѣ больше сохранилась финская народность, постепенно отыскивались въ памяти стариковъ древнія пѣсни о Похиольской странѣ и Вейнемейненѣ. Съ каждымъ новымъ путешествіемъ неутомимаго собирателя, связь между найденными пѣснями пополнялась новыми находками, и изъ нихъ начала образоваться цѣлая, стройная поэма. Ленротъ отыскивалъ Калевалу, какъ въ найденной имъ поэмѣ старая волшебница ищетъ своего убитаго сына. Какъ мать

несчастливаго Люмикайна день и ночь рыщетъ по утесамъ и лѣсамъ, отыскивая погибшаго, исполинскими граблями вытаскиваетъ его растерзанные члены со дна рѣкъ и озеръ, и оживляетъ его медомъ, принесеннымъ божественною пчелою съ самаго неба, — такъ Ленротъ извлекъ изъ памяти поселянъ растерзанныя части финской народной эпопеи, собралъ ихъ въ одно стройное цѣлое и оживилъ своей любовью къ наукѣ и отечественной литературѣ! Послѣ долгихъ трудовъ и безчисленныхъ лишеній Ленротъ обнаружилъ наконецъ свою эпопею. Въ 1835 году Финское-литературное-общество издало Калевалу, и скорѣ она переведена была на многіе европейскіе языки, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ сѣверной поэзіи.

Открытіе Калевалы обратило общее вниманіе какъ на достоинства поэмы, такъ и на самый процессъ, какимъ она была отыскана. Извѣстіе о томъ, что одинъ человекъ въ короткое время, въ странѣ отдаленной, бывшей постоянною цѣлью набѣговъ и завоеваній, посреди народа бѣднаго и непросвѣщеннаго, отыскалъ въ народной памяти большую поэму, уцѣлѣвшую еще отъ временъ язычества, — подняло старыя вопросы о Гомерѣ. Мнѣніе, что *Иліада* составилась изъ рапсодовъ, получило значительный перевѣсъ надъ убѣжденіемъ въ существованіи Гомера. Правда, въ греческой поэмѣ несравненно больше стройности, выдержанности характеровъ, единства въ метрѣ; но вѣдь она возникла подъ классическимъ небомъ Эллады, гдѣ малѣйшее проявленіе человеческого духа отличалось красотой и гармоніею. Если посреди дикихъ скалъ снѣгами засыпанной Финляндіи сло-

жились и сбереглись пѣсни о Вейнемейненѣ и борьбѣ за таинственное *само*, что же удивительнаго, когда подъ голубымъ небомъ Греціи самъ народъ создалъ стройныя, величественныя пѣсни объ осадѣ Трои и подвигахъ Ахила, а впослѣдствіи какой-нибудь аѳинскій Ленротъ собралъ ихъ въ одну книгу! Калевала значительно поколебала авторитетъ Гомера.

Движеніе, данное финской литературѣ Ленротомъ, продолжается. Молодые ученые съ жаромъ занимаются теперь изученіемъ своей народности въ историческихъ и литературныхъ памятникахъ. Въ финскихъ журналахъ, которые до сихъ поръ наполнялись обыкновенно переводами изъ шведскихъ сочиненій, начинаютъ появляться статьи оригинальныя. Центромъ этой дѣятельности служить, разумѣется, Гельсингфорсъ.

IX.

ОКРЕСТНОСТИ ГЕЛЬСИНГФОРСА. — СВЕАБОРГЪ.

Лѣтніе гости, здоровые и больные, живутъ въ Гельсингфорсѣ очень весело. Каждое утро на водахъ бываетъ музыка, и рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ Салонѣ не составилось двухъ-трехъ кадрилей. Обѣды за *table d'hôte* въ залѣ Минеральныхъ-водъ и въ *Societets-huset* даются также по большей части съ музыкой, и вмѣсто цѣлебныхъ водъ здѣсь пѣнится шампанское. Вечерніе балы отличаются отсутствіемъ чинопочитанія, и потому очень веселы. Кромѣ-того нерѣдко составляются по подпискѣ довольно многлюдные пикники въ Телѣ, на водопадъ Ванды или въ другія окрестности, а по праздникамъ устраиваютъ увеселительныя поѣздки на маленькомъ пароходѣ по гельсингфорскимъ шхерамъ. Эти удовольствія едва-ли не лучше водъ дѣйствуютъ на здоровье пріѣзжихъ гостей.

На третій день по пріѣздѣ моемъ въ Гельсингфорсѣ, мы узнали на водахъ, что послѣ обѣда пойдетъ увеселительный пароходъ къ Тургольму. Мы послѣшили записаться, и въ назначенный часъ пріѣхали на пристань. Маленькій желѣзный пароходъ убранъ былъ флагами. Въ передней части его помѣщались съ попитрами музыкан-

ты Финскаго Стрѣлковаго-батальона, а палуба пестрѣла дамскими шляпками и зонтиками. При звукахъ музыки мы отошли отъ берега и поплыли мимо грознаго Свеаборга: солнце отражалось на безчисленныхъ стеклахъ крѣпостныхъ зданій, и гранитная громада въ золотомъ огнѣ этого великолѣпнаго освѣщенія теряла свою обычную мрачность. Пароходъ вышелъ въ море, и передъ нами открылся цѣлый архипелагъ гранитныхъ островковъ, за которыми вились безчисленные прихотливые фестоны береговыхъ скалъ. Среди утесовъ, возникающихъ изъ воды самыми прихотливыми грудами, виднѣлись отдѣльные камни, и на нихъ мѣстами стояла гдѣ-нибудь одинокая сосна, какъ-будто посаженная на маленькой клумбѣ, заброшенной посреди водъ. Скалы, крутыя и отлогія, заросшія лѣсомъ или покрытыя ржавчиною, деревья, разбросанныя по утесамъ или возникающія прямо изъ воды на невидимыхъ своихъ основаніяхъ, рыбацья хижина между зеленою или причаленная къ берегу лодка, — все это составляло картину дикую и вмѣстѣ съ тѣмъ живописную.

Пароходъ прошелъ около десяти верстъ шхерами. Передъ нами мелькнулъ островъ Deger-ö, пестрѣющій садами и дачами, а за нимъ Виллинг-э съ грудями красныхъ скалъ, нагроможденныхъ въ поэтическомъ хаосѣ. Наконецъ мы пристали къ Тургольму. Передъ нами былъ обширный, дико-живописный паркъ. Все наше общество раздѣлилось на группы и разсѣялось по аллеямъ. Между тѣмъ на маленькомъ лугу, подъ навѣсомъ густыхъ деревьевъ распорядители поѣздки приготовили чай съ закускою въ англійскомъ вкусѣ. Дамы хотѣли кончить про-

гулку танцами, музыканты явились съ парохода—и кадрили запестрѣла на зеленомъ паркетѣ. Въ этомъ сельскомъ балѣ, при живыхъ декораціяхъ изъ гранита и зелени, съ яркимъ свѣтомъ заходящаго солнца, было что-то привлекательное.

Условленный выстрѣлъ изъ маленькой пароходной пушки, назначенный сигналомъ для отъѣзда, раздался посреди самаго горячаго вальса, но никто не думалъ торопиться.

— Что, если насъ оставить здѣсь? спросилъ кто-то.

— И прекрасно, отвѣчали другіе, мы будемъ танцовать впредь до освобожденія.

Шкиперъ не рѣшился однакожь оставить пассажировъ танцовать долѣе на Тургольмѣ. Онъ пришелъ самъ пригласить гостей на пароходъ. Но день этимъ не кончился: увеселительная поѣздка наша завершилась баломъ въ залѣ Минеральныхъ-водъ.

Изъ ближайшихъ окрестностей Гельсингфорса любимое мѣсто прогулки его жителей—Тёлё, загородный трактиръ, въ двухъ верстахъ отъ города, по абоской дорогѣ. Прекрасный садъ раскинутъ на берегу залива, противъ Кайзанеми. На площадкѣ выстроены небольшой воксалъ, и при немъ вы находите кегли, шведскія качели, даже морскую купальню. Вся прислуга въ трактирѣ женская: молодыя дѣвушки подаютъ пуншъ, набиваютъ трубки, ставятъ шары на бильярдѣ.

Мы приѣхали въ Тёлё вечеромъ. Лежачія качели передъ воксаломъ унизаны были дамами, а въ саду нестрѣли группы гуляющихъ. Я прошелъ по длинной и довольно тѣнистой аллеѣ на конецъ сада: прямо передо мною

открылись заливы Thölö и Gloviken, за ними зеленѣлъ Kaisaniemi и Ботаническій садъ, а далѣе панорама города, увѣнчанная пятью голубыми куполами соборной церкви и замкнутая по краямъ гранитными утесами.

Возвращаясь къ трактиру по другой аллеѣ, я услышала близкій свистъ; осматриваюсь—нѣтъ никого. Свистъ повторился. Я поднялъ голову и увидѣлъ маленькую бесѣдку, прилаженную высоко на деревьяхъ, между сучьями, какъ гнѣздо какой-нибудь птицы. Тамъ сидѣлъ какой-то господинъ и свисталъ, какъ сказочный Соловей-разбойникъ, впрочемъ безъ всякихъ враждебныхъ покушеній на кошелекъ прохожаго, а съ намѣреніемъ позвать трактирнаго слугу. Между-тѣмъ мальчикъ пробѣгалъ по боковой дорожкѣ и не замѣчалъ свиста. Тогда сквозь вѣтви просунулась изъ бесѣдки голова и закричала по-русски: мальчикъ! Лице и голосъ показались мнѣ знакомыми. Я позвалъ служителя и показалъ на дерево.

Мальчикъ проворно взбѣжалъ по лѣстницѣ, я взошелъ за нимъ. За маленькимъ столикомъ сидѣлъ толстый господинъ—и я тотчасъ узналъ живую голову, съ которой познакомился въ таммерфорскомъ водолечебномъ заведеніи. Голова была и теперь почти такъ же красна, какъ въ то время, когда я видѣлъ ее въ паровомъ шкапу; но шляпа отнимала у нея много эффекта. Мой знакомецъ приказалъ мальчику подать стаканъ холоднаго пунша и закурилъ сигару.

— Ну, какъ вы путешествовали? спросилъ онъ меня.

— Хорошо.

Я сѣлъ подлѣ него.

— А ваше здоровье поправляется?

— Немножко: я вчера началъ пить маріенбадскую воду.

— Докторъ присовѣтовалъ?

— Докторъ. Желудокъ-то у меня, признаться, поправился; ѣмъ какъ слѣдуетъ. А пробовали вы здѣсь оленью ветчину? я чуть не объѣлся! Заказалъ себѣ нарочно пару окорочковъ... въ деревню возьму. Вотъ, еслибы ноги-то Господь поправилъ мнѣ, кажется сотню бы лѣтъ прожилъ!

— Да что же у васъ съ ногами? вѣдь вы сами сюда вошли?

— Самъ, конечно.

— Ну, кажется, послѣ такого восхожденія вамъ нельзя жаловаться на слабость!

— Да вы по наружности не судите! Что толку, что я по деревьямъ здѣсь карабкаюсь? А вотъ воротись въ деревню, да посидишь мѣсяць, другой дома—и отекутъ! Развѣ воды-то не поправятъ-ли?

Живая голова прилебнула пуншу, и принялась рассказывать мнѣ исторію своей болѣзни. Вечеръ былъ прекрасный, теплый; вдали гремѣла заревая пушка съ Сне-аборгской крѣпости, и выстрѣлъ звучно раскатывался по тихому морю.

Мы бесѣдовали съ полчаса, и мой знакомецъ усердно прилебывалъ изъ своего большого стакана. Я начиналъ подумывать, какимъ образомъ онъ сойдетъ съ дерева по узенькой, животрепещущей лѣсенкѣ въ двадцать ступеней. Но пуншъ дѣйствовалъ, по-видимому, лучше маріен-

бадской воды: мой Соловей-разбойникъ вылетѣлъ изъ бесѣдки, какъ соколъ изъ гнѣзда. Мы условились ѣхать на другой день вмѣстѣ въ Свеаборгъ, но чудакъ почему-то не явился, и я его больше не видалъ.

Гуляя по гельсингфорской набережной или въ Ульри-касборгскомъ паркѣ, вы видите на морѣ, верстахъ въ двухъ отъ города, груды сѣрыхъ скалъ, окаймленныхъ высокими гранитными стѣнами, которыя темной громадою вырѣзываются на свѣтломъ небѣ. Это Свеаборгъ, щитъ Гельсингфорса и всей Южной Финляндіи. Сообщение между городомъ и крѣпостью постоянное. На пристани вы всегда найдете большой казенный катеръ, который каждый часъ отправляется съ пассажирами въ крѣпость. Кромѣ-того парусныя лодки, шлюпки и колесоходы готовы къ услугамъ любопытныхъ. Крѣпости и замки мнѣ порядочно уже надоѣли; но уѣхать изъ Гельсингфорса и не побывать въ Свеаборгъ тоже, что быть въ Москвѣ и не видать Кремля.

Мы собрались ѣхать въ крѣпость цѣлымъ обществомъ и наняли большой колесоходъ. Молодой офицеръ свеаборгскаго гарнизона, съ которымъ мы познакомились на водахъ, былъ нашимъ проводникомъ. Четверо здоровыхъ Финновъ дружно взяли за рукоятки колесъ, придѣланныхъ къ бокамъ лодки вмѣсто веселъ, и въ четверть часа мы были уже у крѣпостной пристани. У самаго берега стояли блокшифы, огромные корабли безъ мачтъ, превращенные въ казармы для арестантовъ. Эти мрачныя пловучія тюрьмы обведены были снаружи въ два ряда галереями, на которыхъ толпились люди и ходилъ часовой. Мы вошли въ крѣпость.

Свеаборгъ расположенъ на семи островахъ, изъ которыхъ самый значительный Варгъ-Ö. На немъ находятся всѣ главныя сооруженія — казармы, арсеналы, магазины, комендантскій домъ. Видъ этой твердыни, построенной на гранитѣ изъ одного только гранита, производитъ впечатлѣнiе тяжелое. Грозно встаютъ надъ водою ея громадныя стѣны, выложенныя изъ огромныхъ каменныхъ обломковъ или высѣченныя въ цѣльныхъ скалахъ; мрачно глядятъ отсюда безчисленныя чугуныя орудія. Послѣ веселаго города, гдѣ кипитъ мирная жизнь, гдѣ все одушевлено трудомъ или удовольствіями, эти чугуныя пушки, какъ черепъ на египетскихъ пирахъ, напоминаютъ вамъ о войнѣ, разрушеніи и смерти. Куда не оберотишься, вездѣ видишь только гранитъ и желѣзо, вездѣ сверкаютъ штыки часовыхъ и гремятъ цѣпи колодниковъ.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ черезъ глубокіе рвы и каналы, пришли мы на главную крѣпостную площадь. Противъ комендантскаго дома стоитъ уединенно памятникъ строителю крѣпости, шведскому генералу Эренсверду. На гранитномъ пьедесталѣ съ бронзовой арматурою корабля возвышается трофей, сложенный изъ рыцарскаго оружія. Памятникъ, какъ видите, классическій! Эренсвердъ былъ инженеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ: въ шведской литературѣ до сихъ поръ славятся его идилліи въ сантиментальномъ вкусѣ. Но кажется, единственнымъ памятникомъ таланта этого стараго война-поэта останется его романтическій Свеаборгъ—произведеніе вовсе не пасторальное.

Въ большомъ отдѣльномъ строеніи помѣщаются цистерны. Насъ привели къ обширному бассейну, наполненному водою, стекающей туда послѣ дождей со всего острова. — Неужели въ крѣпости пьютъ эту грязную воду? спрашивали мы. вмѣсто отвѣта, проводникъ привелъ насъ въ другое отдѣленіе цистерны — и солдатъ нацѣдилъ намъ изъ крана кружку очищенной уже воды, чистой и холодной. Скованные арестанты безпрестанно разносятъ отсюда воду по всей крѣпости.

Ключемъ Свеаборга считается укрѣпленіе Густавс-Вердъ, самая неприступная часть твердыни. Проводникъ нашъ досталъ билетъ для входа въ этотъ гранитный замокъ. Мы прошли черезъ темное, сырое подземелье, и очутились въ какомъ-то правильномъ ущельѣ, гдѣ ничего не видно было, кромѣ гранитныхъ стѣнъ, уставленныхъ громадными орудіями, и часовыхъ съ ярко сверкающими на солнцѣ штыками. Со стѣнъ видно одно только море, усѣянное камнями. Намъ указали на сосѣднемъ островкѣ развалины дома, поставленнаго въ качествѣ мишени и разрушеннаго выстрѣлами съ батарей, во время примѣрнаго ученія, за три дня до нашего пріѣзда.

По выходѣ изъ Густавс-Верда нашъ чичероне привелъ насъ въ небольшой садъ, разведенный на землѣ, которая привезена издалека на лодкахъ. Съ невольнымъ удивленіемъ взглянулъ я на деревья и цвѣты. Здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ крѣпости, становится грустно: посреди голыхъ, печальныхъ утесовъ зелень эта нагоняетъ невыразимую тоску, какъ свѣжій вѣнокъ, повѣшенный на могилѣ. Единственной отрадою во всемъ Свеаборгѣ показался мнѣ видъ со стѣны на городъ и га-

вань: живописная панорама города, съ его бѣлыми зданіями, гавань пестряющая лодками—все это, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ смягчало мрачную картину крѣпости. Проводникъ увѣрялъ насъ однако же, что жизнь въ Свеаборгѣ очень пріятна. Въ крѣпости есть клубъ, гдѣ можно найти журналы и партію преферанса, а зимою бываютъ балы, на которые съѣзжаются всѣ гельсингфорскія красавицы.

Во время этого разсказа о свеаборгскихъ удовольствіяхъ, мы проходили черезъ небольшую площадь, гдѣ видно было нѣсколько лавокъ и что-то въ родѣ толкучаго рынка. Бородатые русскіе торговцы усердно приглашали покупателей — а эти покупатели большею частію были въ сѣрыхъ курткахъ и въ цѣпяхъ. Въ одномъ мѣстѣ скованный арестантъ продавалъ такимъ же скованнымъ людямъ какое-то суконное лохмотье. Мы поблагодарили своего проводника, и торопились воротиться въ Салонъ, чтобъ послѣ мрачной картины крѣпости дать отдохнуть своимъ глазамъ на розовыхъ личикахъ и веселой улыбкѣ.

Десять дней самага дѣятельнаго бездѣлья прошли въ Гельсингфорсѣ незамѣтно. На другой день, послѣ поѣздки въ Свеаборгъ, мы собрались съ товарищемъ въ Ревель. За обѣдомъ въ воксалѣ простились мы съ нашими гельсингфорскими знакомыми, въ послѣдній разъ взглянули на полузнакомыя лица, и вскорѣ послѣ того были уже на палубѣ парохода *Або*. Отъѣзжающихъ оказалось очень немного: въ первыхъ мѣстахъ, кромѣ насъ, было только двѣ дамы, да трое Англичанъ, которые въ продолженіе всей дороги пили портеръ и говорили о гон-

кахъ петербургскаго Яхтъ-Клуба. Въ пять часовъ пароходъ снялся отъ пристани и прошелъ узкимъ проливомъ подъ пушками грознаго Густавс-Верда. Панорама города начала опускаться внизъ, какъ театральная декорация въ какой-нибудь волшебной пиесѣ: въ послѣдній разъ мелькнули передъ нами свеаборгскія стѣны, мачты военныхъ кораблей, голубые куполы собора, — и все потонуло въ однообразной дали слегка взволнованнаго моря. Я простился мысленно съ Гельсингфорсомъ и Финляндіею.